

REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE
Chișinău, Republica Moldova

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

*Moldavian Journal
of International Law
and International Relations*

*Молдавский журнал
международного права
и международных отношений*

*Nr. 2
2016*

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

ISSN 1857-1999

Apare din 2006 de 4 ori pe an

Nr. 2 (Volumul 11), 2016

Publicație periodică științifico-teoretică
și informațional-practică fondată de
Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociații:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice
al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova,
Asociația pentru Politică Externă
și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Înregistrată

de către Camera Înregistrării de Stat
de pe lângă Ministerul Justiției al Republicii Moldova
Certificatul nr. MD 000039
din „04” august 2009

Acreditată

prin Hotărârea C.S.Ș.D.T. al A.Ș.M.
și C.N.A.A. Nr. 146 din 27.06.2013
în calitate de publicație științifică de profil,
Categorია „B”, la specialitățile:
12.00.10 - drept internațional public;
12.00.03 - drept internațional privat

(profilul drept)

și

23.00.04 – teoria și istoria relațiilor internaționale
și dezvoltării globale
(profilul științe politice)

Revista este inclusă în bazele de date internaționale:
Social Science Research Network (SSRN) și
Biblioteca Științifică Electronică eLIBRARY.RU
pentru calcularea factorului de impact
și indexului de citare

ADRESA NOASTRĂ:

Republica Moldova, mun. Chișinău,
str. Gh. Iablocikin, 2/1, bir. 207, MD 2069.

Tel: (+373) 69185527

Fax: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandrurubian@mail.ru; alexandrurubian@yahoo.com;alexandrurubian@mail.mdWEB pagina: <http://www.rmdir.md>; <http://usem.md/md/p/rmdir>

Indexul poștal: PM 32028

Toate articolele științifice primite de biroul editorial al revistei în
mod obligatoriu sunt supuse recenzării. Revista folosește
recenzarea “double-blind” (recenzentul nu știe cine este autorul
articolului, autorul nu știe cine este recenzent).

Formulările și prezentarea materialelor nu reprezintă întotdeauna
poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția.

Responsabilitatea asupra conținutului articolelor
revine în exclusivitate autorilor.

©„Revista Moldovenească de Drept Internațional
și Relații Internaționale”, 2016.

Toate drepturile rezervate

SUMAR**DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC**

- **ARHILIUC Victoria.** Teoria prognozei - suport științific al diplomației preventive.....173

DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT

- **DIKOVSKA Irina.** Noțiunea, sistemul și funcțiile principiilor de reglementare juridică a obligațiilor contractuale internaționale private.....180

DREPT EUROPEAN

- **KOŁODZIEJCZYK Marta.** Două decenii de protecție a refugiaților în Polonia.....196
- **SÂRCU Diana, ANTOHI Leonid.** Epuizarea căilor de recurs interne și principiul subsidiarității prin prisma Convenției Europene a Drepturilor Omului.....209

RELAȚII INTERNAȚIONALE

- **BURIAN Alexandru.** Confruntarea Est-Vest la etapa actuală și conflictele înghețate din spațiul post-sovietic.....222
- **MRAZ Stanislav, ZUBRO Tetyana.** Stabilirea frontierei de stat a Republicii Cehoslovace, în timpul apariției ei, după Primul Război Mondial.....231

TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI

- **BOHACI Radomir.** Realitatea turbulentă a economiei mondiale - sarcină uriașă pentru noua diplomație economică.....244
- **BURLACU Oleg.** Introducere despre elementul material al crimelor internaționale. Crimele prevăzute de statutul Curții Penale Internaționale.....253
- **NICHITA Rodica.** Organizația Națiunilor Unite și dreptul la învățătură.....260

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

- **PRODAN Svetlana.** Evoluția terorismului religios.....265
- **STEJARU Selena.** Rolul ONU în dinamica guvernării globale: promovarea democrației și bunei guvernări prin diplomația multilaterală.....276

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ

- **EVSEEV Vladimir.** Relațiile ruso-americane în condițiile crizei ucrainene.....285
- **STRELȚOVA Olga.** Triunghiul „Ucraina - UE - Rusia” în politica externă și perspectivele de integrare europeană a Ucrainei.....290

NECROLOG

- **KOPYLOV Mihail**308

RUBRICA REVISTEI

- Consiliul redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....314
- Colegiul de redacție (Recenzenții).....321
- Date despre autori.....325
- Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....329
- Declarație privind etica publicațiilor științifice.....341

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

Nr. 2 (Volumul 11), 2016

ISSN 1857-1999

CONSILIUL REDACȚIONAL:

REDACTOR-ȘEF:

BURIAN Alexandru

doctor habilitat în drept, profesor universitar

REDACTOR-ȘEF ADJUNCT:

CHINDĂBALIUC Oleana

doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar

SECRETAR ȘTIINȚIFIC:

CHIRTOACĂ Natalia

doctor în drept, conferențiar universitar

MEMBRI AI CONSILIULUI REDACȚIONAL:

ANGEL Jose Luis IRIARTE	Doctor în drept, profesor universitar (Spania)	
ARHILUC Victoria	Doctor habilitat în drept, profesor cercetător (Republica Moldova)	
ABASHIDZE Aslan	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
BALAN Oleg	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Republica Moldova)	
BENIUC Valentin	Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar (Republica Moldova)	
BOSHITSKY Iuryi	Doctor în drept, profesor universitar (Ucraina)	
DERGACIOV Vladimir	Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar (Ucraina)	
DYULGEROVA Nina	Doctor habilitat în economie, profesor universitar (Bulgaria)	
FUAREA Augustin	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
HEINRICH Hans-Georg	Doctor în drept, profesor universitar (Austria)	
KAPUSTIN Anatolie	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
KOPYLOV Mihail	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
LIPKOVA Ludmila	Doctor, ing., profesor universitar (Slovacia)	
MAZILU Dumitru	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
NAZARIA Sergiu	Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
PAPAVA Vladimer	Doctor habilitat în economie, profesor universitar (Georgia)	
POPESCU Dumitra	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
STRATIEVSCHI Dmitrii	Doctor în științe istorice (Republica Federală Germania)	
SEDLIȚCHI Iurie	Doctor în drept, profesor universitar (Republica Moldova)	
TIMCENCO Leonid	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Ucraina)	
VERESHCHETIN Vladlen	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
WILLIAMS Silvia Maureen	Doctor în drept și științe sociale, profesor universitar (Argentina)	

COLEGIUL DE REDACȚIE (RECENZENȚII):

REDACTOR-ȘEF ADJUNCT, PREȘEDINTE AL COLEGIULUI DE REDACȚIE:

CHINDĂBALIUC Oleana

doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar

MEMBRI AI COLEGIULUI DE REDACȚIE:

ANIȚEI Nadia Cerasela	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
DORUL Olga	Doctor în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
EVSEEV Vladimir	Doctor în științe tehnice (Federația Rusă)	
GENTIMIR Alina Mirabela	Doctor în drept (România)	
GLADARENCO-STOIAN Maia	Doctor în istorie (România)	
GLUHAIA Diana	Doctor în drept (Spania)	
IOVIȚĂ Alexandrina	Doctor în drept (Republica Moldova – Elveția)	
KOVALEVA Natalia	Doctor în pedagogie, conferențiar universitar (Federația Rusă)	
MATTOȘ Boris	Doctor în științe politice (Slovacia)	
METREVELI Levan	Doctor în științe politice (Georgia)	
MOUSMOUTI Maria	Doctor în drept (Grecia)	
SĂRCU Diana	Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
ȘICI Alexandru	Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar (Ucraina)	
SMOCHINĂ Carolina	Doctor în drept, conferențiar universitar (Cipru)	
SOLNȚEV Alexandr	Doctor în drept, conferențiar universitar (Federația Rusă)	
ISMAYL Togrul	Doctor în istorie, doctor în economie, conferențiar universitar (Turcia)	
ȚIGĂNAȘ Ion	Doctor în drept (Republica Moldova)	

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2016.

Toate drepturile rezervate

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

ISSN 1857-1999

Published quarterly. Issued since 2006.

No. 2 (Volume 11), 2016

Scientific-theoretical and information-practical
periodical publication founded by
Association of International Law from
the Republic of Moldova

Co-founders:

The Institute of Legal and Political Research
of The Academy of Sciences of Moldova,
The University of European Studies of Moldova,
The Moldavian State Institute of International Relations,
The Association of Foreign Policy
and International Cooperation from the Republic of Moldova

Registered
by the State Registration Chamber
of the Ministry of Justice of the Republic of Moldova
the Certificate No. MD 000039
„4” august 2009

Accredited
by decision No. 146/27.06.2013
of the Supreme Council for Science and Technological Development
of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council
for Accreditation and Attestation of the Republic of Moldova
as of profile scientific publication, Category „B”,
in the field of:

12.00.10 - Public International Law;

12.00.03 - Private International Law
(profile of legal science)

and

23.00.04 - Theory and History of International Relations
and Global Development
(profile of political science)

The journal is included in the international database:
Social Science Research Network (SSRN) and
Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU
to calculate the impact factor and citation index

OUR ADDRESS:

MD-2069, The Republic of Moldova, Chisinau, of. 305,
2/1 Ghenadie Iablocikin str.

Tel: (+373) 69185527

Fax: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandrurburian@mail.ru; alexandrurburian@yahoo.com;
alexandrurburian@mail.md

WEB site: <http://www.rmdir.md>; <http://usem.md/md/p/rmdir>

Edition index PIN: PM 32028

All scientific articles, received by the Editorial Board of our journal
are subject to mandatory review. The journal uses double-blind
reviewing – (authors do not know who reviews their paper, and
reviewers do not know the names of the authors).

The views of Editors do not necessarily coincide
with the opinions of the authors.

The responsibility for the authenticity and accuracy of the facts
in the published articles rests with the authors.

© Moldavian Journal of International Law
and International Relations, 2016.

All rights reserved.

CONTENTS

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- *ARHILIUC Victoria*. Theory of prognostic - the scientific base of preventive diplomacy.....173

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

- *DIKOVSKA Irina*. The notion, system and functions of principles of legal regulation of international private contractual obligations.....180

EUROPEAN LAW

- *KOŁODZIEJCZYK Marta*. Two decades of Refugee Protection in Poland.....196
- *SARCU Diana, ANTOHI Leonid*. Exhaustion of domestic remedies and the principle of subsidiarity in the light of the European Convention on Human Rights.....209

INTERNATIONAL RELATIONS

- *BURIAN Alexander*. East-West confrontation at the present stage and the frozen conflicts in the post-Soviet space.....222
- *MRAZ Stanislav, ZUBRO Tetyana*. Establishment of State Borders of the Czechoslovak Republic, during its appearance, after World War I.....231

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

- *BOHÁČ Radomír*. The turbulent reality of the global economy: a huge task for new economic diplomacy.....244
- *BURLACU Oleg*. Introduction about the material element of international crimes. The crimes referred to the International Criminal Court Statute.....253
- *NICHITA Rodica*. United Nations and Right of Education.....260

THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

- *PRODAN Svetlana*. The evolution of religious terrorism.....265
- *STEJARU Selena*. UN role in global governance: performing democracy and good governance through multilateral diplomacy....276

THE TRIBUNE OF DISCUSSION

- *EVSEEV Vladimir*. Russian-American relations in conditions of the Ukrainian crisis.....285
- *STRELTSOVA Olga*. Foreign policy triangle „Ukraine - EU – Russia” and European integration prospects of Ukraine.....290

NECROLOGUE

- *KOPYLOV Mikhael*310

OUR JOURNAL

- Editorial board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....314
- Reviewers.....321
- About authors.....325
- Requirements to papers for publication in the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....333
- Declaration on the ethical and legal basis of the editorial policy.....343

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Nr. 2 (Volume 11), 2016

ISSN 1857-1999

EDITORIAL BOARD (CONSILIUM):

EDITOR –IN – CHIEF:

BURIAN Alexander

Doctor of Juridical Sciences, Professor

DEPUTY EDITOR–IN–CHIEF:

KINDIBALYK Olyana

Ph.D in Political Sciences, Associate Professor a.i.

SCIENTIFIC SECRETARY:

CHIRTOACA Natalia

Ph.D in Law, Associate Professor

MEMBER OF THE EDITORIAL BOARD (CONSILIUM):

ANGEL Jose Luis IRIARTE	Doctor of Law, Professor (Spain)	
ARHILIUC Victoria	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
ABASHIDZE Aslan	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
BALAN Oleg	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
BENIUC Valentin	Doctor of Political Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
BOSHITSKYI Iurii	Ph.D in Law, Professor (Ukraine)	
DERGACHEV Vladimir A.	Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics (Ukraine)	
DYULGEROVA Nina	Doctor of Economic Sciences, Professor (Bulgaria)	
FUAREA Augustin	Doctor of Law, Professor (Romania)	
HEINRICH Hans-Georg	Doctor of Juridical Sciences, Professor (Austria)	
KAPUSTIN Anatoly	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
KOPYLOV Mikhail	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
LIPKOVA Ludmila	Doctor Eng., Professor (The Slovak Republic)	
MAZILU Dumitru	Doctor of Law, Professor (Romania)	
NAZARIA Sergei	Doctor of Political Sciences (The Republic of Moldova)	
PAPAVA Vladimer	Doctor of Economic Sciences, Professor (Georgia)	
POPESCU Dumitru	Doctor of Law, Professor (Romania)	
STRATIEVSKI Dmitri	Doctor of History (Federal Republic of Germany)	
SEDLITSCHI Yuri	Ph.D in Law, Professor (The Republic of Moldova)	
TIMCHENKO Leonid	Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ukraine)	
VERESHCHETIN Vladlen	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
WILLIAMS Silvia Maureen	Doctor of Law and Social Sciences, Professor (Argentina)	

EDITORSHIP (REVIEWERS):

DEPUTY EDITOR–IN–CHIEF, HEAD OF EDITORSHIP:

KINDIBALYK Olyana

Ph.D in Political Sciences, Associate Professor a.i.

MEMBER OF THE EDITORSHIP:

ANITEI Nadia Cerasela	Ph.D in Law, Professor (Romania)	
DORUL Olga	Ph.D in Law, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
EVSEEV Vladimir	Ph.D in Technical Science (The Russian Federation)	
GENTIMIR Alina Mirabela	Ph.D in Law (Romania)	
GLADARENCO-STOIAN Maia	Ph.D in History (Romania)	
GLUHAIA Diana	Ph.D in Law (Spain)	
IOVITA Alexandrina	Ph.D in Law (The Republic of Moldova – Switzerland)	
KOVALEVA Natalia	Ph.D in Pedagogical Sciences, Associate Professor (The Russian Federation)	
MATTOS Boris	Ph.D in Political Sciences (The Slovak Republic)	
METREVELI Levan	Doctor of Political Sciences (Georgia)	
MOUSMOUTI Maria	Ph.D in Law (Greece)	
SARCU Diana	Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
SYCH Alexander	Doctor of History, Professor (Ukraine)	
SMOCHINA Carolina	Ph.D in Law, Associate Professor (Cyprus)	
SOLNTSEV Alexander	Ph.D in Law, Associate Professor (The Russian Federation)	
ISMAYL Togrul	Ph.D in History, Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor (Turkey)	
TIGANAS Ion	Ph.D in Law (The Republic of Moldova)	

© Moldavian Journal of International Law and International Relations, 2016.

All rights reserved.

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ISSN 1857-1999

Выходит с 2006 года. Издаётся 4 раза в год

№ 2 (Том 11), 2016 год

Научно-теоретический и информационно-практический
периодический журнал, основанный
Ассоциацией международного права
Республики Молдова

Соучредители:

Институт юридических и политических исследований
Академии наук Молдовы,
Европейский университет Молдовы,
Молдавский государственный институт
международных отношений,
Ассоциация внешней политики
и международного сотрудничества Республики Молдова

Зарегистрирован

Государственной Регистрационной Палатой
при Министерстве юстиции Республики Молдова
Сертификат № MD 000039
от «4» августа 2009 года

Аккредитован

решением № 146 от 27.06.2013 г.

Верховного Совета по Науке и Технологическому развитию
Академии наук Молдовы и Национального Совета по
Аккредитации и Аттестации Республики Молдова как
профильная научная публикация, категория «Б»,
по специальностям:

12.00.10 - международное публичное право;
12.00.03 – международное частное право
(профиль юридические науки)

и

23.00.04 - теория и история международных отношений
и глобального развития
(профиль политические науки)

Журнал включен в международные базы данных:
Social Science Research Network (SSRN) и
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU
для учета импакт-фактора и индекса цитирования

НАШ АДРЕС:

ул. Г. Яблочкин, 2/1, оф. 305, мун. Кишинёв,
Республика Молдова, MD 2069

Тел. (+373) 69185527

Факс: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandrurburian@mail.ru; alexandrurburian@yahoo.com; WEB
страница: <http://www.rmdir.md>; <http://usem.md/md/p/rmdir>

Почтовый индекс: PM 32028

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, под-
лежат обязательному рецензированию. В журнале используются
двустороннее слепое рецензирование (double-blind – рецензент не
знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент).

Мнения редакции не обязательно совпадают
с мнениями авторов публикаций.

Ответственность за точность проводимой информации
и изложение фактов лежит на авторах.

© «Молдавский журнал международного права
и международных отношений», 2016.

Все права зарегистрированы

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- **АРХИЛЮК Виктория.** Теория прогнозирования - научная основа превентивной дипломатии.....173

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- **ДИКОВСКА Ирина.** Понятие, система, функции принципов правового регулирования международных частных договорных обязательств.....180

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

- **КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта.** Два десятилетия защиты беженцев в Польше.....196
- **СЫРКУ Диана, АНТОХИ Леонид.** Исчерпание внутренних средств правовой защиты и принцип субсидиарности сквозь призму Европейской конвенции по правам человека.....209

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- **БУРИАН Александр.** Противостояние Восток-Запад на современном этапе и замороженные конфликты на постсоветском пространстве.....222
- **МРАЗ Станислав, ЗУБРО Татьяна.** Установление государственных границ Чехословацкой Республики при ее возникновении после Первой мировой войны.....231

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- **БОГАЧ Радомир.** Турбулентная реальность глобальной экономики - огромная задача для новой экономической дипломатии.....244
- **БУРЛАКУ Олег.** Введение в материальный элемент международных преступлений. Преступления, указанные в Уставе Международного уголовного суда.....253
- **НИКИТА Родика.** Организация Объединенных Наций и права человека на образование.....260

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- **ПРОДАН Светлана.** Эволюция религиозного терроризма.....265
- **СТЕЖАРУ Селена.** Роль ООН в динамике глобального управления: содействие надлежащему управлению посредством демократии и многосторонней дипломатии.....276

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- **ЕВСЕЕВ Владимир.** Российско-американские отношения в условиях украинского кризиса.....285
- **СТРЕЛЬЦОВА Ольга.** Внешнеполитический треугольник «Украина – ЕС – Россия» и перспективы европейской интеграции Украины.....290

НЕКРОЛОГ

- **КОПЫЛОВ Михаил Николаевич.....312**

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

- Редакционный совет „Молдавского журнала международного права и международных отношений”.....314
- Редакционная коллегия (Рецензенты).....321
- Наши авторы.....325
- Требования к оформлению статей для публикации в «Молдавском журнале международного права и международных отношений».....337
- Декларация об этических и правовых основах редакционной политики.....345

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 2 (Том 11), 2016

ISSN 1857-1999

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

БУРИАН Александр

доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

КИНДЫБАЛЮК Оляна

кандидат политических наук, и.о. доцента

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КИРТОАКЭ Наталья

кандидат юридических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТЕ	Доктор права, профессор (Испания)	
АРХИЛЮК Виктория	Доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)	
АБАШИДЗЕ Аслан	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
БАЛАН Олег	Доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)	
БЕНЮК Валентин	Доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)	
БОШИЦКИЙ Юрий	Кандидат юридических наук, профессор (Украина)	
ВЕРЕЩЕТИН Владлен	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
ДЕРГАЧЕВ Владимир	Доктор географических наук, профессор (Украина)	
ДЮЛГЕРОВА Нина	Доктор экономических наук, профессор (Болгария)	
КАПУСТИН Анатолий	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
КОПЫЛОВ Михаил	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
ЛИПКОВА Людмила	Доктор, профессор (Словакия)	
МАЗИЛУ Думитру	Доктор права, профессор (Румыния)	
НАЗАРИЯ Сергей	Доктор политических наук, доцент (Республика Молдова)	
ПАПАВА Владимир	Доктор экономических наук, профессор (Грузия)	
ПОПЕСКУ Думитра	Доктор права, профессор (Румыния)	
СТРАТИЕВСКИЙ Дмитрий	Доктор исторических наук, (ФРГ)	
СЕДЛЕЦКИЙ Юрий	Кандидат юридических наук, профессор (Республика Молдова)	
ТИМЧЕНКО Леонид	Доктор юридических наук, профессор (Украина)	
ФУЕРЕА Августин	Доктор права, профессор (Румыния)	
ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг	Доктор права, профессор (Австрия)	
УИЛЬЯМС Сильвия Морин	Доктор права и социальных наук, профессор (Аргентина)	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (РЕЦЕНЗЕНТЫ):

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

КИНДЫБАЛЮК Оляна

кандидат политических наук, и.о. доцента

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

АНИЦЕЙ Надия Черасела	Доктор права, профессор (Румыния)	
ГЛАДАРЕНКО-СТОЯН Майя	Доктор истории (Румыния)	
ГЛУХАЯ Диана	Доктор права (Испания)	
ДЖЕНТИМИР Алина	Доктор права (Румыния)	
ДОРУЛ Ольга	Кандидат юридических наук, доцент (Республика Молдова)	
ЕВСЕЕВ Владимир	Кандидат технических наук (Российская Федерация)	
ИОВИЦЭ Александрина	Кандидат юридических наук (Республика Молдова – Швейцария)	
КОВАЛЕВА Наталья	Кандидат педагогических наук, доцент (Российская Федерация)	
МАТТОШ Борис	Доктор политических наук (Словакия)	
МЕТРЕВЕЛИ Леван	Доктор политических наук (Грузия)	
МОУСМУТИ Мария	Доктор права (Греция)	
СЫРКУ Диана	Доктор юридических наук, доцент (Республика Молдова)	
СЫЧ Александр	Доктор исторических наук, профессор (Украина)	
СМОКИНА Каролина	Доктор права, доцент (Кипр)	
СОЛНЦЕВ Александр	Кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация)	
ИСМАИЛ Тогрул	Доктор истории, доктор экономики, доцент (Турция)	
ЦИГЭНАШ Ион	Кандидат юридических наук (Республика Молдова)	

© «Молдавский журнал международного права и международных отношений», 2016.

Все права зарегистрированы

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, a fost lansată în anul 2006 ca proiecție a unui forum ce promovează valorificarea diferitelor opinii, uneori diametral opuse, cu privire la starea actuală a dreptului internațional și a relațiilor internaționale. Într-o perioadă relativ scurtă, grație revistei, arta dezbaterilor axate pe diverse probleme științifico-practice, purtate pe paginile sale, a cunoscut o ascensiune substanțială. De asemenea, publicația a reușit să creeze și să dezvolte un profil propriu, să devină mai bogată și variată, abordând o arie tematică științifico-analitică complexă.

Aceste calificative reflectă un grad înalt de profesionalism și erudiție, diferite abordări inovaționale în elucidarea temelor dificile, prin care atrage atenția practicienilor cu experiență, precum și a tinerilor cercetători.

Actualmente, publicația este o revistă de concept despre diferite domenii ale dreptului internațional, ultimul devenind un centru de atracție pentru forțele de creație, care a obținut recunoașterea publicului și a creat un colectiv larg de autori. Unul din avantajele importante ale revistei îl constituie faptul că oferă tinerilor cercetători oportunitatea de a se manifesta. Doctoranzii și magiștrii, care abia acumulează experiență în domeniul cercetărilor științifice, dar care doresc să se afirme, își pot face publice opiniile cu privire la diferite probleme actuale din domeniul relațiilor internaționale contemporane și al dreptului internațional.

Publicația conține articole ale specialiștilor de vază din republică și de peste hotare, doctori habilitați și doctori – adepți ai diferitelor viziuni, care tratează și se expun activ pe marginea proceselor ce au loc în viața politică, economică și socială a țării. Spectrul problemelor examinate a devenit extrem de larg. O atenție sporită este acordată elucidării problemelor teoretico-practice din domeniul dreptului internațional și a relațiilor internaționale.

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The „Moldavian Journal of International Law and International Relations” was launched in 2006 as an open forum for different, sometimes diametrically opposite points of view on the current state of international law and international relations. In a relatively short period of his life the journal raised an art of scientific and practical discussions to a higher altitude developed its profile, become richer and more varied, designed scientific-analytical subject. In this connection, it differs from high professionalism, erudition, new approaches to disclosing the difficult themes. Consequently, journal attracts both skilled experts, and young researchers.

Today it is a conceptual journal about various fields of international law, which became the centre of attraction of creative forces and managed to find its readers, forming around a wide group of authors. One of the important advantages of the publication is that it provides an opportunity for young authors as – post-graduate students and master’s students, yet not possessing a wide experience of researching, but willing to assert themselves, express their views on topical issues about contemporary international relations and international law.

The journal contains articles of known Moldavian and foreign experts, doctors and candidates of sciences – advocates of different views, who actively illuminate the processes occurring in the political, economic and social life. Spectrum of the issues was as broad as possible. Particular attention is given to coverage of theoretical and practical issues of international law and international relations.

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Издание «Молдавского журнала международного права и международных отношений» стартовало в 2006 г. как открытая трибуна для различных, подчас диаметрально противоположных точек зрения на современное состояние международного права и международных отношений. За относительно короткий срок своей жизни журнал поднял на большую высоту искусство научно-практических дискуссий, выработал свой профиль, стал более насыщенным и разнообразным, оформил научно-аналитическую тематику, в связи с чем и отличается высоким профессионализмом, эрудицией, инновационными подходами к раскрытию сложных тем, чем привлекает к себе как опытных практиков, так и молодых исследователей.

Сегодня это концептуальный журнал о самых различных сферах международного права, который стал центром притяжения творческих сил и сумел найти своего читателя, сформировав вокруг себя широкий авторский коллектив. Одним из важных достоинств издания является то, что он предоставляет возможность молодым авторам – аспирантам и магистрантам, пока не обладающим большим опытом исследовательской работы, но желающих заявить о себе, высказать свою точку зрения по актуальным вопросам современных международных отношений и международного права.

На страницах нашего журнала публикуются статьи известных молдавских и иностранных специалистов, докторов и кандидатов наук – сторонников разных взглядов, которые активно освещают процессы, происходящие в политической, экономической и социальной жизни страны. Спектр рассматриваемых проблем стал максимально широким. Особое внимание уделяется освещению теоретических и практических вопросов международного права и международных отношений.

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2016, Issue 2, Volume 11, Pages 173-179. ISSN 1857-1999 Submitted: 16.02.2016 Accepted: 15.06.2016 Published: 30.06.2016
---	--

**DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC
PUBLIC INTERNATIONAL LAW
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО**

**TEORIA PROGNOZEI - SUPPORT ȘTIINȚIFIC
AL DIPLOMAȚIEI PREVENTIVE***

**THEORY OF PROGNOSTIC - THE SCIENTIFIC BASE
OF PREVENTIVE DIPLOMACY**

**ТЕОРИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ - НАУЧНАЯ ОСНОВА
ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ**

ARHILIUC Victoria** / ARHILIUC Victoria / АРХИЛЮК Виктория

ABSTRACT:

**THEORY OF PROGNOSTIC - THE SCIENTIFIC BASE
OF PREVENTIVE DIPLOMACY**

The practical implementation of preventive diplomacy plays an important role of forecasting theory. The forecast means knowing in advance, foreseeing a certain event or phenomenon which may result in the optimization of management, development planning, design solutions.

Being applied in the most diverse spheres of human activity as the economy, scientific and technological progress, demographic process, education, the value of international forecast as international relations and international law is becoming more and more obvious.

Orientation for the future of international law is consistent with the policy of pre-emptive nature of the state and at the same time preventive diplomacy.

Key words: forecasting theory, preventive diplomacy, international relations, international law forecast.

JEL Classification: K33, K49, F55

* Articolul a fost perfectat în cadrul Proiectului instituțional 15.817.06.10F al ICJP al AȘM „Redimensionarea politicii externe și interne a Republicii Moldova din perspectiva evoluției proceselor integraționiste și modificărilor geopolitice a sistemului internațional”. / Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Института юридических и политических исследований АН Молдовы 15.817.06.10F «Переосмысление внешней и внутренней политики Республики Молдова с перспективы эволюции интеграционных процессов и геополитических изменений международной системы». / The article is made within the framework of a Research project of the Institute of Legal and Political Studies of the Academy of Sciences of Moldova 15.817.06.10F „Rethinking foreign and domestic policy of the Republic of Moldova from the perspective of the evolution of the integration process and the geopolitical changes in the international system”.

** **ARHILIUC Victoria** - Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea de Stat din Moldova; cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM (Republica Moldova). / **ARHILIUC Victoria** - Doctor of Juridical Sciences, Professor, The State University of Moldova; scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM (The Republic of Moldova). / **АРХИЛЮК Виктория Нестеровна** - Доктор юридических наук, профессор, Молдавский государственный университет; научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Республика Молдова).

РЕЗЮМЕ:
ТЕОРИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ - НАУЧНАЯ ОСНОВА
ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В практической реализации превентивной дипломатии большую роль играет теория прогнозирования. Прогноз означает знание наперед, предвидение определенного события или феномена в результате которого возможна оптимизация управления, разработка планов, проектирование решений.

Будучи применена в самых различных сферах человеческой деятельности как экономика, научно-технический прогресс, демографический процесс, образование, все очевиднее становится значение международного прогноза, как международных отношений, так и международно-правового.

Ориентация международного права на будущее согласуется с политикой превентивного характера государства и одновременно с превентивной дипломатией.

Ключевые слова: теория прогноза, превентивная дипломатия, международные отношения, международно-правовой прогноз.

JEL Classification: K33, K49, F55
УДК: 341.217(4), 341.223.7

REZUMAT:
TEORIA PROGNOZEI - SUPPORT ȘTIINȚIFIC
AL DIPLOMAȚIEI PREVENTIVE

În manifestarea practică a diplomației preventive, care are ca scop preîntâmpinarea conflictelor violente, un rol important îl are teoria prognozei. Prognoza înseamnă cunoașterea înainte, prevederea unui anumit eveniment sau fenomen în rezultatul cărui fapt este posibilă optimizarea guvernării, elaborarea planurilor, proiectarea hotărârilor.

Fiind aplicată în cele mai diverse domenii ale activității umane cum ar fi economia, progresul tehnico-științific, procesele demografice, învățământul, tot mai evidentă devine însemnătatea prognozei internaționale atât a relațiilor internaționale cât și a prognozei juridice internaționale.

Orientarea spre viitor a dreptului internațional este în coerență cu politica de orientare preventivă a statului și concomitent cu diplomația preventivă.

Cuvinte cheie: teoria prognozei, diplomație preventivă, prognoza relațiilor internaționale, dreptul internațional.

JEL Classification: K33, K49, F55
CZU: 341.217(4), 341.223.7

În condițiile modificărilor geopolitice, a acțiunilor întreprinse de unele state și non conformării lor cu unele principii fundamentale ale dreptului internațional considerăm actuale careva concretizări privind diplomația preventivă.

Diplomația preventivă este activitatea organelor competente ale statelor, a organizațiilor internaționale și a altor participanți ai vieții publice, efectuată în limitele dreptului internațional, în forme și măsuri diferite pentru a preîntâmpina conflictele violente sau a diminua daunele care ar putea fi produse de ele.¹ Pe lângă semnele caracteristice diplomației preventive deja

stabilite cum ar fi capacitatea de a răspunde intereselor și valorilor umane universale, sporirea eficacității activității diplomatice a statelor și organizațiilor internaționale, preîntâmpinarea apariției unui potențial conflict sau situații de conflict, poate fi evidențiat faptul că un rol însemnat în manifestarea practică a diplomației preventive se cere a fi atribuit prognozei sau prevederii evenimentelor. Măiestria de a prevedea, de a precalcula urmările măsurilor și pașilor întreprinși trebuie să fie calitatea inerentă a diplomației și a celor care o traduc în viață.²

¹ Arhiliuc V. Diplomația preventivă și dreptul internațional. Autoreferat științific al tezei de doctor habilitat în drept. Chișinău: CEP USM, 2002, p. 16.

² Федотов В. Прогностика и ее методологический комплекс. [On-line]: http://www.observer.materik.ru/observer/N||_2003/||_15.htm (Vizitat la: 06.05.2015).

Pentru a prevedea evoluția evenimentelor sau a unui anumit proces este necesar de a te baza pe o teorie care să reflecte conexiunile și legitățile lui esențiale. Cu cât este mai perfectă teoria cu atât ea reflectă mai deplin conexiunile esențiale din realitatea înconjurătoare, cu atât mai eficientă este previziunea.³

Aceasta la rândul său poate avea ca rezultat perfecționarea elaborării planurilor, programelor, hotărârilor. În scopul asigurării eficienței diplomației preventive este necesar de a utiliza în calitate de suport științific teoria prognozei.

Termenul prognoză (prognosis) are origine greacă ceia ce înseamnă a cunoaște înainte, a prevedea – este o varietate a prevederii științifice, o cercetare specială de perspectivă a unui oarecare fenomen. În sfera socială prognoza sau pronosticul constituie una din bazele științifice a guvernării sociale (a formulării scopurilor, a planificării, a programării, a proiectării hotărârilor de gestionare).⁴

În baza prognozei sunt formulate idei, sarcini, principii, care servesc ca instrumente de realizare sau preîntâmpinarea realizării prognozei. În prezent prognoza cuprinde cele mai variate domenii de activitate umană – politica, relațiile internaționale, economia, progresul tehnico-științific, procesele demografice și sociale, învățământul ș.a. Prevederea evenimentelor oferă posibilitatea de a te pregăti de ele, de a lua în considerație urmările pozitive și negative, iar când este posibil de a interveni în mersul lor, de a controla acest proces și de a acționa pentru a traduce în viață a unei alternative pentru viitor. Din acest punct de vedere prezintă interes cunoașterea conținutului teoriei prognozei, care include obiectul, tipurile, metodele, mijloacele prognozei.

Considerăm utilă caracteristica generală a prognozei și evidențierea unor particularități specifice. Este recunoscut că exactitatea prognozei nu poate fi absolută în principiu și depinde de așa factori ca volumul datelor inițiale verificate și perioada de selectare a lor, volumul datelor inițiale neverificate și perioada selectării lor, atribuțiile sistemului obiectului supus prognozei, metodele prognozării ș.a. Condițional prognozele pot fi clasificate în dependență de

termen în prognoze de scurtă durată, de durată medie, de lungă durată și de foarte lungă durată. După spațiul cuprinderii se deosebește prognoza particulară, locală, regională, de ramură, pe țări, mondială sau globală. După criteriul responsabilității prognoza poate fi personală, de nivelul întreprinderii, organizației, a organelor de stat.

În procesul prognozării pot fi utilizate diverse metode așa ca metoda statistică, aprecierile experților, metoda modelării, metoda intuitivă.⁵ În ce privește tipurile de prognoză se deosebesc prognoze tehnologice, economice, sociale (prognoza schimbărilor sociale, a dispoziției societății în general), criminologice, a dezvoltării concurenței, juridice, financiare, demografice, geologice, tehnologice ș.a.

Tematica prognozei este deosebit de actuală în prezent despre care fapt ne vorbesc și publicațiile la temă, elaborate de specialiști în diferite domenii.⁶

În ce privește prognoza în sfera relațiilor internaționale se constată că este puțin dezvoltată,

⁵ Методы прогнозирования. [On-line]: <http://criteria-importance-theory.ru%DO%9F%D1%80%DO%BE%DO%B3%DO%BD> (Vizitat la: 06.05.2015).

⁶ Светульников И.С., Светульников С.Г. Методы социально-экономического прогнозирования. Том 1. Теория и методология. М.: Юрайт, 2015. 351с.; Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Panarin/25.pdf (Vizitat la: 05.06.2015); Цирель С.В. Предсказание и прогноз. В: История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска. [On-line]: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=70610&lang=Ru&blang=r u&list=Found>. М.: UPCC, 2007 (Vizitat la: 05.06.2015); Информационные источники криминалистического прогнозирования. Под ред. Е.П. Ищенко. В: Криминалистика. [On-line]: <http://bibliotekar.rucriminalistika-1/22.htm> (Vizitat la: 05.06.2015); Юристь, 2000. - пар.4.; Понятие прогнозирования. Виды прогнозов. [On-line]: <http://www.ereport.ru/articles/firms/prognoz.htm> (Vizitat la: 05.06.2015); Основные виды и типы прогнозирования в управленческой деятельности. [On-line]: http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=461 (Vizitat la: 05.06.2015); Арефьева Н.Т. Прогнозирование и его социокультурные цели. [On-line]: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> (Vizitat la: 05.06.2015); Гневашева В.А. Прогнозирование экономики: понятия и история. В: Знание. Понимание. Умение. 2005, с. 141-144. [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_2/Gnevasheva/18.pdf (Vizitat la: 05.06.2015); Сидельников Ю.В. Системный анализ технологии экспертного прогнозирования. М.: Изд-во МАИ, 2007. 348 с.

³ Mic dicționar de filozofie. Chișinău: Cartea moldovenească, 1990, p. 233-234.

⁴ Философский словарь. Под ред. И.Т.Фролова, издание пятое. М.: Политической литературы, 1987, с. 385.

cercetările pe această temă au un caracter sporadic iar utilizarea lor practică este limitată. Cu toate acestea în ultimul timp se efectuează investigații în domeniul prognozei internaționale de către autori din diferite țări.

În literatura rusă Panarin A.S. este primul autor care a elaborat teoria prognozei internaționale, bazată pe criteriul socio-cultural. În opinia sa prognoza internațională se bazează pe identificarea programelor genetice secrete încadrate în tradițiile culturale, în valori, realizate ulterior în variate practici social-politice. El tratează istoria politică contemporană prin prisma modelelor prognostice „Est-Vest,, „Nord-Sud,, „Rusia-Est,, „Vest-Zona Asia Pacific,,⁷

Un alt cercetător rus Iu.V.Iakoveț în investigațiile sale, bazate pe viziunea civilizației, consideră globalizarea problema cheie în prognoza internațională contemporană. Autorul cercetează formarea generației a patra a civilizațiilor locale, tendința dinamicii numărului populației până în 2050 și problemele ecologice care le însoțesc, răspândirea modului de producție post-industrial, schimbările radicale în economia globală. În rezultat sunt examinate întrebările privind diferențierea structurii relațiilor de putere în condițiile globalizării, aspectele geopolitice și socioculturale, problemele stratificării și mobilității sociale în plan global și de lungă durată.⁸

V.I.Pantin cercetează principalele abordări față de prognoza internațională în baza analizei tendințelor dezvoltării istorice. Autorul face concluziile sale prognostice despre dezvoltarea Rusiei și a altor țări în prima jumătate a secolului XXI, fundamentate pe cercetările ritmurilor și ciclurilor dinamicii social-politice.⁹

În mod special poate fi menționată lucrarea specialistului în domeniul relațiilor internaționale și politologiei, membrului Academiei de științe a Rusiei, profesorului Vladimir Li „Teoria prognozei internaționale,,. În rezumatul lucrării autorul menționează ca cercetările cu caracter de prognoză a relațiilor internaționale în ultimii ani

au o deosebită importanță. Nivelul incertitudinii în lume a crescut, iar tendințele de diminuare nu se observă, ba chiar incertitudinile se întetesc. Elaborarea mecanismelor și mijloacelor care ar permite prognoza situațiilor de criză și a conflictelor potențiale devine o problemă de însemnătate vitală pentru politicieni și a comunității internaționale.¹⁰

Cercetările efectuate de către Vladimir Li au un caracter generalizator, sarcina lor este de a da o viziune deplină și sistematizată privind prognoza internațională, scenariile posibile în cadrul fiecărei viziuni, evidențiază particularitățile lor, părțile puternice și slabe din punct de vedere al formării și promovării unui anumit curs al politicii externe, măsurii corespunderii lui realităților viitoare. Autorul acordă o mare atenție problemelor globalizării și critică scenariile pronosticate care nu iau în considerație acest fenomen.

Operând cu argumente științifice proprii autorul a elaborat modelul sistemic al evoluției relațiilor internaționale în perioada postbipolară din care reiese că orânduirea globală multipolară presupune:

- sistemă mai democratică a relațiilor internaționale;
- structură mai echitabilă a politicii mondiale (cu participarea nu numai a statelor mari, dar și a celor medii și a statelor mici);
- un model mai efektiv de interacțiune între regionalism și globalism.

Vladimir Li afirmă în lucrarea sa, că este imposibil în perioada actuală să fii savant în domeniul internațional sau diplomat și să nu cunoști teoria și practica prognozei internaționale. Lipsa viziunilor necesare privind sistemul internațional în viitor nu odată a fost menționată și de conducători ai politicii externe a statelor. Încă la sfârșitul secolului trecut ex Ministrul de externe al Federației Ruse, A.Kozirev recunoștea: „Noi ca și înainte foarte nebulos ne închipuim sistemul internațional în care va urma să acționăm în veacul următor”.

Cele mai actuale scenarii pronosticate sunt expuse în lucrările autorilor Immanuel Maurice Wallerstein și S. Huntington. În lucrarea sa „Analiza sistemelor mondiale și situația în lumea

⁷ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Фрагменты выступления на методологическом семинаре в Мос.ГУ. [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Panarin/25.pdf (Vizitat la: 05.06.2015).

⁸ Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы. М.: Наука, 1999, с. 230-241.

⁹ Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003, с. 260.

¹⁰ Владимир Ли. Теория международного прогнозирования. [On-line]: http://www.globalaffairs.ru/book/n_1596 (Vizitat la: 05.06.2015).

contemporană¹¹, Immanuel Maurice Wallerstein, bazându-se pe viziunea sistemică mondială, analizează starea actuală a capitalismului și viitorul acestuia. În opinia autorului, sistemul capitalist contemporan, ca și oricare sistem a avut un început, și, ca urmare, va avea și sfârșit. În scenariile sale pronosticate autorul confirmă, că anume extinderea globală a capitalismului, integrarea întregii lumi într-o singură economie mondială sunt vestitorii zdruncinărilor globale, deoarece posibilitățile expansiunii externe, extensive sunt epuizate.

În același timp istoria confirmă o mare capacitate vitală a organizării sociale a omenirii, care i-a asigurat supraviețuirea și i-a deschis calea spre dezvoltare în continuare. Aceasta este caracteristic și pentru sistemul internațional. În anii celui de al doilea război mondial în timp scurt sistemul internațional s-a reformat în scopul luptei cu fascismul. În timpul războiului rece a reușit să reziste la provocările primejdioase.

Pe lângă investigarea teoretică tematica prognozei internaționale este expusă și în documente oficiale. Printre acestea sunt Raportul Secretarului General al Organizației Națiunilor Unite din 2000, Declarația Conferinței conducătorilor parlamentelor, ce reflectă viziunea parlamentară a cooperării internaționale la începutul mileniului al treilea, Prognoza legăturilor economice externe a SUA în perioada 2000-2015 elaborată de ИМЭМО РАН ș.a.

În mod special la temă se referă informația privind prognoza juridică. Este stabilit că prognoza juridică prezintă pronosticul sferei juridice al obiectului social-economic. Ca metodă în procesul prognozei juridice este rațional să fie aplicate cea a expertizei și ceva mai rar metoda modelării și metoda statistică.

O deosebită importanță o are prognoza pentru dreptul comunității internaționale. În acest sens dreptul prezintă modelul solicitat pentru sistemul internațional. Acesta conține informația despre modul de conduită necesar pentru realizarea în practică a modelului internațional programat. Asemenea altor fenomene dreptul internațional prezintă în sine unitatea trecutului, prezentului și viitorului. Pot fi identificate trei varietăți ale dreptului internațional:

1) Drept internațional formal – așa cum este formulat în norme;

2) Drept internațional de fapt – așa cum este aplicat în relațiile internaționale;

3) Drept internațional ideal – modelul ideal dorit.¹²

Dezvoltarea dreptului internațional are loc prin interacțiunea acestor trei varietăți. Dreptul internațional formal presupune avansarea până la nivelul său a dreptului internațional real și continuă spre cel ideal.

Dreptul este determinat de nivelul de dezvoltare a societății și trebuie să fie în corespundere cu realitatea vieții și al progresului social. Totodată este necesară o anumită anticipare în conținutul normelor de drept internațional pentru a contribui la avansarea relațiilor internaționale la un nou nivel. Orientarea spre viitor al dreptului internațional este în coerență cu politica de orientare preventivă a statului și concomitent cu diplomația preventivă. Diplomația preventivă fiind un mijloc de realizare a politicii externe de orientare preventivă a statului are ca bază juridică normele cu caracter preventiv ale dreptului internațional.

Atunci când politica externă a statului are un caracter pragmatic ea este determinată de o gândire tradițională și este îndreptată spre rezolvarea întrebărilor din ziua de azi. O astfel de politică nu ia în considerație faptul că aranjamentele efectuate neglijând perspectivele sunt lipsite de siguranță și capabile să contribuie la apariția problemelor și mai complicate. Optimizarea activității practice, stabilirea scopurilor politicii externe și realizarea lor eficientă este de neconceput fără a lua în considerație viitorul. Aceasta la rândul său influențează asupra poziției statului față de dreptul internațional, contribuie la conștientizarea de către state a intereselor lor de lungă durată.

În final am putea menționa că prognoza științifică este o condiție însemnată pentru eficacitatea reglementărilor juridice internaționale și trebuie utilizată în activitatea practică. Aceasta însă nu diminuează necesitatea soluționării problemelor de zi cu zi, fără de care, chiar deținând informația pentru viitor, dar necunoscând metodele concrete și mijloacele de acțiune imediate, pot surveni insuccese. Prognoza în plan internațional este efectivă atunci

¹¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер.с англ. П.М. Курдюкина. Под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкий. СПб: Изд. Университетская книга, 2001. 416 с.

¹² Международно-правовое регулирование. [Online]: <http://www.irbis.vegu.ru/repos/7510/Html/246.htm> (Vizitat la: 05.06.2015).

când se îmbina cu un nivel înalt de reglementare juridică internațională.

Bibliografie:

1. Arhiliuc V. Diplomația preventivă și dreptul internațional. Autoreferat științific al tezei de doctor habilitat în drept. Chișinău: CEP USM, 2002, p.16
2. Федотов В. Прогностика и ее методологический комплекс. http://www.observer.materik.ru/observer/N||_2003/||_1_5.htm (Vizitat la: 05.06.2015).
3. Mic dicționar de filozofie. Chișinău: Cartea moldovenească, 1990.
4. Философский словарь. Под ред. И.Т.Фролова, издание пятое. М.: Изд-во Политической литературы, 1987. 590 с.
5. Методы прогнозирования. <http://criteria-importance-theory.ru%DO%9F%D1%80%DO%BE%DO%B3%DO%BD> (Vizitat la: 05.06.2015).
6. Светуных И.С., Светуных С.Г. Методы социально-экономического прогнозирования. Том 1. Теория и методология. Москва, Юрайт, 2015. - 351 с.;
7. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Panarin/25.pdf (Vizitat la: 05.06.2015).
8. Цирель С.В. Предсказание и прогноз. В: История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска. [On-line]: [http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=70610&lang=Ru&blang=ru&list=Found\).M.:UPCC,2007](http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=70610&lang=Ru&blang=ru&list=Found).M.:UPCC,2007) (Vizitat la: 05.06.2015).
9. Информационные источники криминалистического прогнозирования. Под ред. Е.П. Ищенко. В: Криминалистика. Юристъ, 2000. [On-line]: <http://bibliotekar.rucriminalistika-1/22.htm> (Vizitat la: 05.06.2015).
10. Понятие прогнозирования. Виды прогнозов. [On-line]: <http://www.ereport.ru/articles/firms/prognoz.htm> (Vizitat la: 05.06.2015).
11. Основные виды и типы прогнозирования в управленческой деятельности [On-line]: http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=461 (Vizitat la: 05.06.2015).
12. Арефьева Н.Т. Прогнозирование и его социо-культурные цели. [On-line]: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> (Vizitat la: 05.06.2015).
13. Гневашева В.А. Прогнозирование экономики: понятия и история [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_2/Gnevasheva/18.pdf (Vizitat la: 05.06.2015).

14. Сидельников Ю.В. Системный анализ технологии экспертного прогнозирования. М.: Изд-во МАИ, 2007. 348 с.

15. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Фрагменты выступления на методологическом семинаре в Мос. ГУ. [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Panarin/25.pdf (Vizitat la: 05.06.2015).

16. Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.

17. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003. 276 с.

18. Владимир Ли. Теория международного прогнозирования. [On-line]: http://www.globalaffairs.ru/book/n_1596 (Vizitat la: 05.06.2015).

19. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М.Курдюкина. Под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкий. СПб: Изд. Университетская книга, 2001. 416 с.

20. Международно-правовое регулирование. [On-line]: <http://www.irbis.vegu.ru/repos/7510/Html/246.htm> (Vizitat la: 05.06.2015).

Bibliography:

1. Arhiliuc V. Diplomația preventivă și dreptul internațional. Autoreferat științific al tezei de doctor habilitat în drept. Chișinău: CEP USM, 2002, p.16.
2. Fedotov V. Prognostika i ee metodologicheskij kompleks. http://www.observer.materik.ru/observer/N||_2003/||_1_5.htm (Visited on: 05.06.2015).
3. Mic dicționar de filozofie. Chișinău: Cartea moldovenească, 1990.
4. Filosofskij slovar'. Pod red. I.T.Frolova, izdanie pjatoe. M.: Izd-vo Politicheskoy literatury, 1987. 590 s.
5. Metody prognozirovaniya. <http://criteria-importance-theory.ru%DO%9F%D1%80%DO%BE%DO%B3%DO%BD> (Visited on: 05.06.2015).
6. Svetun'kov I.S., Svetun'kov S.G. Metody social'no-jekonomicheskogo prognozirovaniya. Tom 1. Teorija i metodologija. Moskva, Jurajt, 2015. -351 p.
7. Panarin A.S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie. http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Panarin/25.pdf (Visited on: 05.06.2015).
8. Cirel' S.V. Predskazanie i prognoz. V: Istorija i matematika: Konceptual'noe prostranstvo i napravlenija poiska. [On-line]: [http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=70610&lang=Ru&blang=ru&list=Found\).M.:UPCC,2007](http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=70610&lang=Ru&blang=ru&list=Found).M.:UPCC,2007) (Visited on: 05.06.2015).

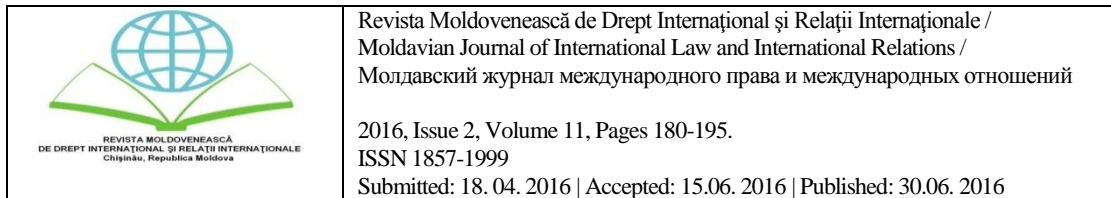
9. Informacionnye istochniki kriminalisticheskogo prognozirovanija. Pod red. E.P. Ishhenko. V: Kriminalistika. Jurist#, 2000. [On-line]: <http://bibliotekar.rucriminalistika-1|22.htm> (Visited on: 05.06.2015).
10. Ponjatie prognozirovanija. Vidy prognozov. [On-line]: <http://www.ereport.ru/articles/firms/prognoz.htm> (Visited on: 05.06.2015).
11. Osnovnye vidy i tipy prognozirovanija v upravlencheskoj dejatel'nosti [On-line]: http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=461 (Visited on: 05.06.2015).
12. Aref'eva N.T. Prognozirovanie i ego socio-kul'turnye celi. [On-line]: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> (Visited on: 05.06.2015).
13. Gnevasheva V.A. Prognozirovanie jekonomiki: ponjatija i istorija [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_2/Gnevasheva/18.pdf (Visited on: 05.06.2015).
14. Sidel'nikov Ju.V. Sistemnyj analiz tehnologii jekspertnogo prognozirovanija. M.: Izd-vo MAI, 2007. 348 p.
15. Panarin A.S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie. Fragmenty vystuplenija na metodologicheskom seminare v Mos. GU. [On-line]: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Panarin/25.pdf (Visited on: 05.06.2015).
16. Jakovec Ju.V. Cikly, krizisy, prognozy. M.: Nauka, 1999. 448 p.
17. Pantin V.I. Cikly i volny global'noj istorii. Globalizacija v istoricheskom izmerenii. M.: Novyj vek, 2003. 276 p.
18. Vladimir Li. Teorija mezhdunarodnogo prognozirovanija. [On-line]: http://www.globalaffairs.ru/book/n_1596 (Visited on: 05.06.2015).
19. Vallerstajn I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire. Per. s angl. P.M.Kurdjukina. Pod obshej red. B.Ju. Kagarlickij. SPb: Izd. Universitetskaja kniga, 2001. 416 p.
20. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie. [On-line]: <http://www.irbis.vegu.ru/repos/7510/Html/246.htm> (Visited on: 05.06.2015).

Copyright©ARHILIUC Victoria, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Str. Alexei Mateevici, 60.
MD-2009, mun. Chișinău, Republica
Moldova.

E-mail: arhiliucv57@yahoo.com

**DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT
PRIVATE INTERNATIONAL LAW
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, ФУНКЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ЧАСТНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

**THE NOTION, SYSTEM AND FUNCTIONS OF PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION
OF INTERNATIONAL PRIVATE CONTRACTUAL OBLIGATIONS**

**NOȚIUNEA, SISTEMUL ȘI FUNCȚIILE PRINCIPIILOR DE REGLEMENTARE
JURIDICĂ A OBLIGAȚIILOR CONTRACTUALE INTERNAȚIONALE PRIVATE**

DIKOVSKA Iryna* / DIKOVSKA Iryna / ДИКОВСКАЯ Ирина

ABSTRACT:

**THE NOTION, SYSTEM AND FUNCTIONS OF PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION
OF INTERNATIONAL PRIVATE CONTRACTUAL OBLIGATIONS**

The article deals with the notion, system and functions of the principles of legal regulation of international private contractual obligations. It has been concluded that the principles of legal regulation of international private contractual obligations are the guides, senior legal fundamentals based on human imagination about good and justice, which have universal, obligatory character, the parties' behaviour and processes of law-making and law enforcement .

It has been concluded that there are principles of creation of the international regulators of private contractual obligations; the principles of formation of private international contractual obligations; the principles of fulfilment of international private contractual obligations; the principles of the application of the regulators of international private contractual obligations.

It is alleged that the principles of legal regulation of private international treaty obligations serve the following functions: 1) promote embodiment of human ideas about good and justice in the practice of legal regulation of international private contractual obligations; 2) contribute to the unification of the legal regulation of international private contractual obligations; 3) are the regulators of the behaviour of participants in pre-contractual relations and parties to the international private contract; 4) are the benchmarks for the interpretation of the terms of international private contractual obligations; 5) are the guides for contract drafting; 6) are the sources for interpretation of international uniform instruments; 7) are the sources of the legal regulation of international contractual obligations which are not regulated by the rules of international uniform instruments; 8) enable to define the law applicable to the contract.

Keywords: *principles of legal regulation of international private contractual obligations, the principles of private international law, the principles of regulation of contractual obligations, UNIDROIT Principles, DCFR.*

JEL Classification: K 12, K 33

* **DIKOVSKA Iryna** – Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, profesor universitar la Catedra de drept civil a Universității Naționale din Kiev „Taras Șevcenko” (Kiev, Ucraina). / **DIKOVSKA Iryna** - Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor, University Professor of the Department of Civil Law of the Kiev National University „Taras Shevchenko” (Kiev, Ukraine). / **ДИКОВСКАЯ Ирина Андреевна** - Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев, Украина).

РЕЗУМАТ:

NOȚIUNEA, SISTEMUL ȘI FUNCȚIILE PRINCIPIILOR DE REGLEMENTARE JURIDICĂ A OBLIGAȚIILOR CONTRACTUALE INTERNAȚIONALE PRIVATE

Acest articol este dedicat conceptului, funcțiilor de sistem ale principiilor reglementării juridice a obligațiilor contractuale internaționale private. Se concluzionează că principiile reglementării legale a obligațiilor contractuale internaționale private – sunt direcțiile care dirijează fundamentul juridic pe baza noțiunilor umane de drept și justiție, cu un caracter universal, obligatoriu, care afectează comportamentul părților privitor la obligațiile private parte a tratatelor internaționale, procesele de edificare și executare a normelor de drept.

Au fost identificate principiile de edificare a mecanismelor de reglementare a obligațiilor private internaționale contractuale, principiile de origine, punerea în aplicare a obligațiilor contractuale internaționale private, aplicarea principiilor de reglementare internaționale a obligațiilor contractuale private.

Se afirmă că principiile reglementării legale a obligațiilor private, parte la tratatele internaționale au următoarele funcții:

1) asigură punerea în aplicare a noțiunilor umane de drept și justiție în practica reglementării legale a obligațiilor contractuale internaționale private; 2) contribuie la unificarea reglementării legale a obligațiilor contractuale internaționale private; 3) efectuează controlul comportamentului participanților în relația pre-contractuală, precum și părțile laterale ale contractului internațional privat; 4) sunt elemente definite pentru interpretarea termenilor obligațiilor contractuale internaționale private; 5) acționează ca un ghid pentru dezvoltarea unor acorduri specifice; 6) sunt sursa de interpretare a documentelor internaționale standardizate; 7) sunt sursa reglementării legale a obligațiilor tratatelor internaționale care nu sunt reglementate de normele documentelor internaționale standardizate; 8) vă permit să definiți dreptul aplicabil contractului în absența consimțământului părților.

Cuvinte-cheie: principiile reglementării legale, obligațiile contractuale internaționale private, principiile dreptului internațional privat, principiile reglementării obligațiilor contractuale, principiile UNIDROIT, DCFR.

JEL Classification: K 12, K 33

CZU: 341.9.019

РЕЗЮМЕ:

ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, ФУНКЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЧАСТНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Статья посвящена понятию, системе, функциям принципов правового регулирования международных частных договорных обязательств. Сделан вывод о том, что принципы правового регулирования международных частных договорных обязательств - это ориентиры, руководящие юридические начала, в основе которых человеческие представления о добре и справедливости, имеющие универсальный, общеобязательный характер, воздействующие на поведение сторон международного частного договорного обязательства, процессы правосоздания и правоприменения.

Были выделены принципы создания регуляторов международных частных договорных обязательств, принципы возникновения, реализации международных частных договорных обязательств, принципы применения регуляторов международных частных договорных обязательств.

Утверждается, что принципы правового регулирования международных частных договорных обязательств выполняют следующие функции:

1) обеспечивают реализацию человеческих представлений о добре и справедливости в практике правового регулирования международных частных договорных обязательств; 2) способствуют унификации правового регулирования международных частных договорных обязательств; 3) выступают регулятором поведения участников преддоговорных отношений, а также сторон международного частного договора; 4) являются заданным направлением для толкования условий международных частных договорных обязательств; 5) выполняют роль ориентира при разработке конкретных договоров; 6) являются источником толкования норм международных унифицированных документов; 7) выступают источником правового регулирования международных договорных обязательств, не урегулированных нормами международных унифицированных документов; 8) позволяют определить применяемое к договору право при отсутствии согласия сторон.

Ключевые слова: принципы правового регулирования, международные частные договорные обязательства, принципы международного частного права, принципы регулирования договорных обязательств, Принципы УНИДРУА, DCFR.

JEL Classification: K 12, K 33

УДК: 341.9.019

Принципы правового регулирования играют значительную роль в регламентации международных частноправовых обязательств.

В то же время, особенности принципов как правовой категории, в частности, их общий, «ориентировочный» характер порождают многочисленные вопросы, касающиеся их понимания и применения.

Значение принципов для правового регулирования международных частных договорных обязательств, а также необходимость решения проблем, связанных с их применением, обуславливает интерес к их исследованию.

В частности, в этой статье мы попробуем раскрыть понятие, систему и функции принципов правового регулирования международных частных договорных обязательств.

Рассматривая данные вопросы, мы будем исходить из того, что правовое регулирование - это воздействие на общественные отношения, осуществляемое с помощью норм позитивного права и других правовых средств¹, к которым относятся, например, принципы права, а также из того, что такое влияние могут осуществлять как стороны договорных обязательств, так и государство.

Таким образом, принципы правового регулирования международных частных договорных обязательств - это ориентиры, руководящие юридические начала, в основе которых человеческие представления о добре и справедливости, имеющие универсальный, общеобязательный характер, воздействующие на поведение сторон международного частного договорного обязательства, процессы правосоздания и правоприменения.

К принципам правового регулирования международных частных договорных обязательств, относятся общие принципы права, принципы частного права вообще и международного частного, в частности, принципы, регулирующие институт договорных обязательств.

Общие принципы права рассматриваются как основные начала, выражающие существенные черты, содержание, особенности и регулятивные механизмы права². Устанавливая универсальный характер общих принципов права, следует руководствоваться «требованиями здравого смысла, применяя сравнительно-правовой метод и ориентируясь на практику, сложившуюся в основных правовых семьях»³. Чаще всего к общим принципам права относят принципы гуманизма, равенства граждан перед законом, демократизма, законности, справедливости⁴.

В литературе довольно часто исследуются «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», в связи с тем, что ст. 38 (1) (с) Устава Международного Суда ООН устанавливает возможность их применения. К таким принципам относятся принципы самосохранения, добросовестности, ответственности (к ним относятся принципы индивидуальной ответственности, вины, полного возмещения, непосредственной связи), а также процессуальные принципы⁵. Возможны и

² Земскова П.Е. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010, с. 5.

³ Погребняк С. Загальні принципи права як джерело права. В: Вісник академії правових наук України. 2011, № 1, с. 15.

⁴ Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов. М., КолосС, 2003, с. 150.

⁵ Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 490 p.

¹ Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм». В: Сибирский юридический вестник. 2003, № 1, с. 3-7.

другие определения общих принципов права, признанных цивилизованными нациями⁶.

В праве ЕС общими принципами права считаются принципы, гарантирующие защиту физических и юридических лиц от действий органов ЕС, защиты прав человека, общего запрета произвола, пропорциональности, защиты доверия, правовой определенности, недискриминации, субсидиарности, процессуальные принципы⁷.

Общие принципы права могут применяться международным коммерческим арбитражем, если стороны арбитражного соглашения уполномочили его решать спор в соответствии с определенными негосударственными регуляторами (*lex mercatoria*, правом международной торговли, общими принципами права и т.д.). В связи с этим общие принципы права довольно часто становятся предметом исследований по международному коммерческому арбитражу.

Среди общих принципов права, применяемых международным коммерческим арбитражем, выделяют следующие. 1. Суверенное правительство может заключать и быть связанным договорами с иностранными частными контрагентами. Среди прочего этот принцип означает, что правительства государств, вступивших в договорные отношения с иностранными частными лицами, не могут ссылаться на суверенитет государства с целью игнорирования взятых на себя ранее коммерческих договорных обязательств. 2. «Корпоративная завеса» может быть открыта для предотвращения избежания договорной ответственности настоящего собственника. Этот принцип применяется в целях защиты кредиторов или иных лиц, в частности, в случае, когда компания освободилась от активов ее владельцем. 3. Невыполнение договора вследствие форс-мажорных обстоятельств не является его нарушением. Убытки причиненные таким невыполнением должны честно нести сторонами. 4. Договоры, серьезно

нарушающие добрые нравы или международный публичный порядок являются недействительными. 5. Справедливая компенсация является основным способом защиты в случае понесения убытков. 6. Право собственности и другие законные права, как правило, являются неприкосновенными, государство не может лишать их без справедливой компенсации. 7. Сторона договора не может получать неосновательного обогащения⁸.

В доктрине естественного права важную роль играет принцип верховенства права⁹. Содержание этого принципа раскрыт, в частности, в Докладе Венецианской комиссии «О верховенстве права»¹⁰. Значение принципа верховенства права для частного права основательно исследовано А.С. Довгертом¹¹.

Кроме того, А.С. Довгерт выделяет нормы-принципы естественного частного права, которые относятся к унифицированным нормам права. К ним он относит *bona fides* (*good faith*, справедливость, добросовестность, разумность), право человека на честь и достоинство, право собственности, принципы свободы договора, возмещения причиненного вреда и тому подобное. Кроме того, автор обращает внимание на то, что сегодня уже «можно говорить о существовании позитивного всемирного гражданского права на уровне принципов ... в определенных сферах, например, в сфере прав человека, авторского права, морского права»¹².

⁸ Note, General Principles of Law in International Commercial Arbitration, 101 Harv.L.Rev. 1987/88, at 1816 et seq. [On-line]: <http://www.trans-lex.org/127400> (Дата посещения: 31.05.2016).

⁹ Макренко Л.О. Верховенство права як принцип природного права. В: Альманах права. Основоположні принципи права як його ціннісні виміри. Науково-практичний юридичний журнал. Випуск 3, К., Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2012, с. 222-229.

¹⁰ Report on the Rule of Law. Adopted by the Venice Commission at its 86th plenary session (Venice, 25-26 March 2011). [On-line]: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD\(2011\)003rev-e.aspx](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2011)003rev-e.aspx) (Дата посещения: 31.05.2016).

¹¹ Довгерт А.С. Дія принципу верховенства права у сфері приватного права. В: Університетські наукові записки. 2007, № 2, с. 83-89.

¹² Довгерт А.С. Вступ до курсу «Міжнародне приватне право». В: Право України. 2012, №9, с. 249.

⁶ Земскова П.Е. Указ. соч., с. 6; Нгуен Куок Динь. Международное публичное право: в 2-х т. Пер. с фр. Киев, Сфера, 2000. Т.1. Кн.1-2, с. 212-213; Міжнародне право: Навч. Посібник. За ред. М. В. Буроменського. К., Юрінком Інтер, 2005, с. 47-48.

⁷ Гердеген М. Європейське право. К., КІС, 2008, с. 181-186.

однако устанавливают правила определения такого принципа, которые должны соблюдаться правоприменительным органом.

Нельзя согласиться и с тем, что принципы местонахождения вещи, местонахождения основного исполнителя сделки, флага, места причинения вреда являются коллизионными принципами. Напомним, что принципы - это ориентиры общего характера. Местонахождение вещи, основного исполнителя сделки, флаг - не общие, а конкретные понятия, поэтому они являются составляющими коллизионной нормы, а не принципа.

Безусловно, для правового регулирования международных частных договорных обязательств используются принципы обязательственного, в частности, договорного права. Так, например, Н.С. Кузнецова выделяет принципы, имеющие первостепенное значение для обязательственного права (свободы договора, свободы предпринимательской деятельности, не запрещенной законом; судебную защиту гражданских прав и интересов, справедливость, добросовестность и разумность), а также специальные принципы: диспозитивности, надлежащего и реального исполнения¹⁹.

Т.В. Боднар были определены три группы принципов, под влиянием которых осуществляется выполнение договорных обязательств: а) общецивилистические, распространяющие свое действие на все виды гражданских отношений (свободы договора, свободы предпринимательской деятельности, не запрещенной законом, судебная защита гражданского права и интереса); б) принципы обязательственного права, наиболее ярко проявляющиеся в обязательственных отношениях (справедливости, добросовестности и разумности); в) принципы исполнения обязательств (надлежащего исполнения, обязанности договора, сотрудничества)²⁰.

Поиск модели правового регулирования гражданских отношений в Европе стал

¹⁹ Кузнецова Н.С. Принципы сучасного зобов'язального права. В: Українське право. 2003, № 4, с. 9-15.

²⁰ Боднар Т.В. Договірні зобов'язання в цивільному праві (Заг. положення): Навч. посіб., К., Юстініан, 2007, с. 112-116.

толчком для систематизации принципов европейского договорного права, общих для всех европейских стран. Существуют разные системы таких принципов. Так, например, по мнению Ассоциации Генри Капитана и Общества сравнительного законодательства руководящими принципами европейского договорного права являются принцип свободы договора, принцип договорной определенности и принцип договорной честности.²¹

Иначе к определению круга принципов, регулирующих гражданские, (в том числе договорные отношения) подошли разработчики Проекта Общих подходов (Draft Common Frame of Reference – DCFR).

Еще во вступлении к Временному изданию DCFR 2008 года разработчики обратились к читателям с вопросом, насколько целесообразно включить в текст DCFR отдельную часть, которая бы содержала фундаментальные принципы и ценности, лежащие в основе модельных правил этого документа, предназначенные для регулирования отдельных цивилистических институтов.

Во Временном издании DCFR 2008 года были перечислены следующие принципы: справедливости, свободы, защиты прав человека, экономического благополучия, солидарности и социальной ответственности, установление пространства свободы, безопасности и справедливости, продвижения на внутренний рынок, защиты потребителей и других лиц, нуждающихся в защите, сохранения культурного и лингвистического разнообразия, разумности, правовой определенности, предсказуемости, эффективности, защиты разумного доверия, надлежащего распределения ответственности за создания риска.

Обратная реакция была смешанной. Некоторые комментаторы приветствовали упоминание нематериальных ценностей (прав человека, солидарности и социальной

²¹ The Association Henri Capitant des Amis de la Culture Juridique Française and the Société de législation comparée, Fauvarque-Cosson B., Mazeaud D. Guiding Principles of European Contract Law. In: European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference. [Online]: http://www.legiscompare.fr/site-web/IMG/pdf/19_Guiding_Principles.pdf (Дата посещения: 31.05.2016).

ответственности). Другие высказывали сомнения относительно практического значения такого большого, разнообразного перечня, в котором не определенные приоритеты.²²

В редакции DCFR 2009 года был использованный несколько другой подход к определению круга принципов. Следует отметить то, что принципы были распределены на две группы: базовые принципы (*underlying principles*) и важные принципы (*overriding principles*). К базовым отнесены принципы свободы, безопасности, справедливости и эффективности.

Важными являются принципы защиты прав человека, поддержки солидарности и социальной ответственности, сохранение культурного и языкового многообразия, защита и содействие благосостоянию и продвижение внутреннего рынка. Вместе с тем, разработчики DCFR отмечают, что свобода, безопасность, справедливость и эффективность также играют роль важных принципов. Таким образом, их роль двойная.²³

Такой подход к определению принципов DCFR критиковался в юридической литературе. Так, М. Хезелинк, анализируя принципы DCFR в издании 2009 года и сравнивая их изданием 2008 года, отмечает, что: «Гот факт, которые базовые принципы могут быть изменены так легко на другие не только заставляет задуматься над известной фразой Граучо Маркса («Это мои принципы, если они вам не нравятся – у меня есть другие»).... Если лишь за один год принципы могут быть уменьшены с 15 до 4, изменены от репрезентативных до консервативных.... тогда представляется сомнительным, что перечень этого года действительно состоит из основоположных принципов. Скорее всего принципы свободы, безопасности, справедливости и эффективности являются зависимым от обстоятельств набором ценностей, выбор которых в значительной

мере зависел от них авторов и чувствительности к критике с разных сторон».²⁴

Кроме того, М. Хезелинк указывает на сомнительность того, что европейское частное право должно базироваться на закрытой системе ценностей. Вместе с тем, если ограниченный набор основоположных ценностей Европейского частного права является необходимым (в связи тем, что его закрепление в CFR требуется Европейской Комиссией), тогда эти ценности должны быть теми, на которых основан Европейский Союз.²⁵

Основанием для критики стали и ч.ч.1, 4 ст. I-1:102 Модельных правил DCFR, согласно которым: «(1) Эти правила должны толковаться автономно и согласно их базовым целям, и принципам. (4) Вопросы, которые охватываются этими правилами, но прямо у них не урегулированы, подлежат разрешению согласно их базовым принципам на сколько это возможно». Следовательно, отмечает М Хезелинк, суды, встречаясь с пробелами и неясностями в DCFR, должны искать их решение, руководствуясь свободой, безопасностью, справедливостью и эффективностью, и не должны обращать внимания на «солидарность и социальную ответственность», которые не являются базовыми, а важными принципами.²⁶

²⁴ Hesselink M. W. If you don't like our principles we have others. On core values and underlying principles in European private law: a critical discussion of the new 'Principles' section in the draft CFR. Paper presented at the conference 'The foundations of European private law', held 27-29 September 2009, at the European University Institute in Florence. Oxford, Hart Publishing, 2011, p. 10.

²⁵ В соответствии со ст. 2 Консолидированной версии Соглашения о ЕС: «Союз основан на уважении к человеческому достоинству, свободе, демократии, равенству, верховенству права, уважении прав человека, включая права лиц, являющихся меньшинствами. Эти ценности являются общими для Государств-Членов в обществе, в котором плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами преобладают». Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union and the Charter of Fundamental Rights of the European Union. Council of the European Union. Brussels, 12 November 2012. 6655/7/08 REV 7 [On-line]: http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st06/st06655-re07_en08.pdf (Дата посещения: 31.05.2016).

²⁶ Там же.

²² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Prepared by the Study Group on European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group). [On-line]: ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf, P. 10, 11. (Дата посещения: 31.05.2016).

²³ Ibid, p. 7.

Однако следует отметить, что анализ правил толкования и развития DCFR, установленных ст. I-1:102 Модельных правил этого документа, требует исследования не только ч.1 и 4 этой статьи, но и других ее частей, в частности, части второй. Согласно упомянутой норме: «(2) Правила должны читаться в свете любого применяемого документа, гарантирующего права человека и фундаментальные свободы и любых применяемых конституционных законов». Консолидированная версия соглашения о ЕС, безусловно, является документом, который гарантирует права человека. Поэтому ее положения могут учитываться во время толкования и развития DCFR в силу ч. 2 ст. I-1:102 Модельных правил DCFR.

Базовые принципы выполняли роль ключевых идей в ходе создания отдельных правил DCFR. Остальные принципы, по словам разработчиков DCFR, имеют больше политическую природу. Поэтому они являются важными, но не базовыми. Не считаясь с тем, что некоторые из них получили широкое закрепление в отдельных частях DCFR, они, главным образом, являются относительными с позиций оценки за пределами DCFR²⁷. Например, сохранение культурного и лингвистического разнообразия в ЕС является чрезвычайно важным. Однако, в других странах этот принцип может быть не настолько значимым.

Таким образом, принципы права нашли явное и неявное отражение в DCFR. При этом существует определенная дискуссия относительно необходимости закрепления принципов, а также роли, которую они должны играть в регулировании частноправовых отношений.

Рассматривая вопрос о роли принципов права в правовом регулировании международных частных договорных обязательств, невозможно обойти вниманием то, что в результате процесса унификации были созданы несколько документов, предназначенных для регулирования

договорных отношений, содержащие в своем названии слово «принципы».

Речь идет о Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА (Принципах УНИДРУА), Принципах Европейского договорного права (PECL), Принципах Европейского права (PEL), Принципах Acquis, Принципах Trans-Lex.

Вообще слово «Принципы» содержится и в полном названии DCFR. Однако кроме этого оно содержит слова «определения» и «модельные правила». Поэтому из названия следует, что DCFR вмещает не только принципы европейского частного права, но и модельные правила и определения.

То же можно утверждать и о других упомянутых документах. То есть, несмотря на то, что в своем названии они содержат слово «принципы», на самом деле они охватывают как общие принципы права, так и конкретные правила (то есть, правовые нормы).

Об этом пишет К. Бергер, анализируя Принципы УНИДРУА. В частности, общими принципами, которые закреплены в этом документе, он называет принципы свободы договора (ст. 1.1. Принципов УНИДРУА), «*facta sunt servanda*» (ст. 1.3. Принципов УНИДРУА), добросовестности и честного ведения дел (ст. 1.7. Принципов УНИДРУА).²⁸ Остальные положения Принципов УНИДРУА являются «нормами».

Автор отмечает, что правила имеют четко определенную сферу применения. К таким нормам в Принципах УНИДРУА он относит, статьи, касающиеся заключения договоров (ст. 2.1.1. и следующие), способа оплаты (ст. 6.1.7 и следующие), валюты платежа (ст. 6.1.9.), затрат на исполнение (ст. 6.1.11), приостановление исполнения (ст. 7.1.3), права стороны требовать исполнения (ст.ст. 7.2.1, 7.2.2.), права стороны требовать возмещения убытков в случае неисполнения (ст. 7.4.1), начисление процентов в случае неуплаты денежной суммы (ст. 7.4.9).

Общие принципы, которые содержатся в Принципах УНИДРУА, имеют преобладающую силу над нормами. Применение Принципов УНИДРУА всегда требует сравнения между нормами и общими принципами. Кроме того, общие принципы

²⁷ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Prepared by the Study Group on European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group). [On-line]: ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf P. 13. (Дата посещения: 31.05.2016).

²⁸ Berger K.P. The Creeping Codification of the New Lex Mercatoria 2nd. Revised Edition. The Netherlands: Kluwer Law International, 2010, p. 206.

выполняют важную функцию восполнения пробелов. Эта мысль закреплена ст. 1.6 (2) Принципов УНИДРУА, которая отмечает, что «вопросы, охватываемые сферой действия этих Принципов, но прямо в ней не решенные, подлежат решению согласно их основоположным общим принципам».²⁹

На наш взгляд, определяя систему принципов права, используемых для правового регулирования международных частных договорных обязательств, нужно выходить из стадий правового регулирования, во время которых они могут использоваться.

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению стадий правового регулирования. Одна из возможных точек зрения состоит в том, что правовое регулирование имеет три стадии: 1) стадию правовой регламентации общественного отношения, то есть создания правовых норм; 2) стадию действия права (возникновение субъективных прав и обязанностей); 3) стадию реализации права (исполнения прав и обязанностей). В отдельных случаях (например, при возникновении спора) может иметь место стадия правоприменения.³⁰

Следовательно, можно выделить принципы: 1) создания регуляторов международных частных договорных обязательств; 2) возникновения международных частных договорных обязательств; 3) реализации международных частных договорных обязательств; 4) применения регуляторов международных частных договорных обязательств.

Создание международных частных договорных обязательств может осуществляться их участниками или другими субъектами (негосударственными и государственными международными организациями, государством).

Создание международных частных договорных обязательств их участниками иначе именуется «контрактуализацией» и состоит в «регулировании хозяйствующими субъектами на основе предоставленной им правом свободы договора своих отношений в

максимальной степени предписаниями заключаемого ими контракта».³¹

Контрактуализация стала толчком к стандартизации договорных условий, разработки кодексов поведения в определенных сферах деятельности, которая осуществляется профессиональными организациями. Особенностью таких саморегулятивных актов является то, что они могут применяться не только, если стороны в договоре сослались на них, но и без такой договоренности, как доказательство существующей практики или обычаев, которые признаны участниками международного делового оборота. Этот способ регламентации применяется к коммерческим отношениям.

Принципами создания международных частных договорных обязательств, которая осуществляется их участниками, являются следующие:

1) принцип свободы договора, проявляющийся в том, что стороны международного контракта свободно определяют его условия (с учетом границ установленных законодательством или судебной практикой) включая условия о применимом к договору праве и способе разрешения споров, возникающих из договора;

2) принцип частноправовой или негосударственной унификации. Унификация в данном случае происходит путем изучения решений международных коммерческих арбитражей, практики, обычаев, которые сложились в определенных сферах международных коммерческих отношений, доктринальных наработок по определенному вопросу;

3) принцип справедливости, выражающийся в том, что типичные договора, договорные условия, руководства по поводу заключения определенных видов международных частных договоров и непосредственно сами договора должны разрабатываться таким образом, чтобы не создавать нечестного преимущества для одной из сторон, а наоборот содержать в себе условия, обеспечивающие баланс интересов сторон;

²⁹ Ibid, p. 204.

³⁰ Доржиев Ж.Б. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005, с. 129 – 130.

³¹ Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002, с. 229.

4) принцип эффективности. В результате частноправовой унификации должны создаваться документы, которые, с одной стороны, позволяют сторонам максимально упростить процесс заключения договора, а с другой стороны, создают возможность удачного формирования договорных условий с учетом специфики каждой сферы деятельности;

5) принцип правовой определенности, выражающийся в том, что документы, создающиеся в результате частноправовой унификации, должны содержать такие правила, последствия применения которых, являются предвиденными для сторон, а также предлагать регулирование по возможности большего количества ситуаций, могущих возникать в связи с заключением, выполнением, прекращением договора, толкованием его условий.

Принципами создания международных частных договорных обязательств, осуществляемой государством, являются следующие:

1) Принцип унификации и гармонизации норм, регулирующих международные частные договорные обязательства;

2) Принцип справедливости, выражающийся в том, что нормы, создающиеся в результате унификации и гармонизации, не должны создавать преимущества одной стороны над другой. Кроме того, если эти нормы могут применяться к договорам при участии потребителя они должны обеспечить возможность его защиты как слабой стороны договора;

3) Принцип предоставления определенных правовых режимов (национального, режима наибольшего благоприятствования, специального режима, использование принципов взаимности и реторсий) иностранным субъектам, участвующим в договорных обязательствах на территории определенного государства;

4) Принцип эффективности, выражающийся, прежде всего в том, что государство, прежде чем начать процесс унификации или гармонизации, должно взвесить в какой степени нормы, которые будут созданы в результате, будут действовать в конкретном государстве. Если речь идет о международном договоре

необходимо проанализировать: - степень вероятности вступления в его силу (для договоров, еще не вступивших в силу в связи с тем, что не были ратифицированы определенным минимальным количеством государств); - целесообразность присоединения к конвенции с учетом круга государств-участников (для действующих международных договоров).

В случае создания норм национального права, предназначенных для регулирования международных частных договорных обязательств путем гармонизации, необходимо учитывать: - в какой степени нормы, заимствованные из другой правовой системы (международной или национальной) будут восприняты в Украине (то есть, будут ли они реально действовать); - не нарушит ли применение таких норм существующего правопорядка; - соразмерность расходов по созданию норм путем гармонизации с тем экономическим эффектом, который ожидается в результате применения таких норм.

Реализация принципа эффективности обеспечивается также благодаря созданию норм, направленных на упрощение заключения, исполнения и прекращения договоров.

5) Принцип правовой определенности. Реализация этого принципа в данном случае является несколько усложненной, поскольку нормы, создающиеся в результате унификации и гармонизации, часто содержат «оценочные» понятия. Для воплощения в жизнь принципа правовой определенности важным является формирование единой правоприменительной практики в разных странах, при которой толкуются «оценочные» понятия, содержащиеся в соответствующих документах. Такая возможность создается путем формирования баз правоприменительной практики, а также доктринальных разработок по вопросам, связанным с применением соответствующих документов, и обеспечением возможности ознакомления с ними.

Принципами возникновения международных частных договорных обязательств являются:

1) Принцип свободы договора. Выражается в том, что стороны (с некоторыми исключениями) свободно

выбирают контрагента, решают, заключать ли им договор. В случае возникновения спора на преддоговорной стадии стороны могут выбирать способ разрешения спора и право, применяемое к его разрешению по существу.

2) Принцип добросовестности и честного ведения дел. На этой стадии выражается в том, что сторонам запрещается использовать нечестную практику заключения договора. Сторона обязана предоставлять определенную информацию потенциальному контрагенту, важную для оценки необходимости заключения договора и последствий такого заключения, а также не действовать вопреки предыдущим заявлениям и поведению;

3) Принцип правовой определенности. Заключается в том, что от сторон требуется предоставлять друг другу точную информацию по вопросам, которые будут предметом договора, или связанных с ним, не прерывать переговоры (если это противоречит требованиям добросовестности и честного ведения дел);

4) Принцип безопасности, проявляющийся в возможности судебной защиты нарушенных преддоговорных прав;

5) Принцип полного возмещения убытков, причиненных недобросовестным ведением или прерыванием переговоров.

Принципом толкования международных частных договоров является принцип добросовестности, проявляющийся в отдельных правилах толкования.

Принципами реализации международных частных договорных обязательств являются:

1) «Pacta sunt servanda», являющийся специальным проявлением принципов добросовестности и честного ведения дел и правовой определенности на этой стадии правового регулирования. Этот принцип заключается в том, что стороны должны выполнять взятые на себя договорные обязательства надлежащим образом, сотрудничать друг с другом, не совершать действий, которые бы помешали исполнению договора. Действие принципа может ограничиваться по соглашению сторон или в соответствии с нормами, регулирующими возможность изменения или прекращения договора в связи с непредвидимым изменением обстоятельств;

2) Принцип договорной безопасности выражающийся в том, что договорные условия должны, насколько это возможно, толковаться так, чтобы все они были действительными. Договорная безопасность обеспечивается также правом сторон на защиту нарушенных прав способами, предусмотренными договором или применяемым к нему правом, путем самозащиты, судебного, арбитражного разрешения споров для защиты своих нарушенных договорных прав;

3) Принцип свободы на этой стадии очень ограничен. Он может проявляться лишь фрагментарно, если договорные условия или нормы применимого права допускают определенные свободные действия сторон. Примером этого является условие о сроке поставки, сформулированное следующим образом: «Продавец обязан доставить товар покупателю не позднее, чем 10 октября 2013». При такой формулировке продавец свободно выбирает дату поставки, главное, чтобы она была не позднее, чем указано в договоре.

Примером проявления принципа свободы на стадии реализации международных частных договорных обязательств является возможность продавца выбрать пункт в названном месте назначения, больше соответствующий его целям, когда в договоре поставки, заключенного на условиях СРТ (Инкотермс 2010) не согласован пункт в месте назначения или не определен практикой подобного рода поставок.

На этой стадии стороны также могут изменить или заключить соглашение о выборе применимого права.

В случае возникновения спора на этой стадии принцип свободы может проявляться в том, что стороны могут выбирать способ его разрешения;

4) Принцип предвидимости убытков³²

³² Так, согласно п. 7.4.4. Принципов УНИДРУА сторона, нарушившая договор, отвечает только за ущерб, который она предвидела или могла разумно предвидеть при заключении договора как вероятное последствие его нарушения. UNIDROIT Principles of International commercial Contracts, Rome, UNIDROIT, 2010, p. 271.

Статья 74 (второе предложение) Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров предусматривает, что убытки не могут превышать ущерба, который нарушившая договор сторона,

5) Принцип освобождения от ответственности только в случае, если нарушение договора вызвано обстоятельством вне контроля стороны и что от нее нельзя было ожидать принятия во внимание этого обстоятельства при заключении договора либо избежания или преодоления этого обстоятельства или его последствий³³.

Принципами применения регуляторов (принципов и норм права) международных частных договорных обязательств, являются следующие.

1) Верховенство принципов права над нормами права. Об этом свидетельствуют нормы конвенций, регулирующих отдельные виды международных частных договорных обязательств, в частности, их требования относительно толкования положений соответствующих конвенций добросовестно.

2) Принцип свободы усмотрения правоприменительного органа. Особенно ярко это проявляется в случаях, когда спор решает международный коммерческий

предвидела или должна была предвидеть в момент заключения договора как возможное последствие его нарушения, учитывая обстоятельства, о которых она в то время знала или должна была знать. - Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 года. [On-line]: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_003 (Дата посещения: 31.05.2016).

В соответствии со ст. III. -3: 703 DCFR должник в обязательстве, возникающем из договора или иного юридического акта, несет ответственность за потери, которые должник предусматривал (или от него можно разумно ожидать, чтобы он предусматривал) в момент возникновения обязательства как возможный результат неисполнения, если только неисполнение не было умышленным или в результате грубой небрежности. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Edited by [Study Group on a European Civil Code, Research Group on the Existing EC Private Law \(Acquis Group\)](#), p. 947. [On-line]: ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf (Дата посещения: 31.05.2016).

Согласно п. VII. 2 Trans-Lex принципов требования о возмещении убытков ограничиваются потерями, которые сторона, нарушившая обязательство, предвидела или могла разумно предвидеть в момент заключения договора как возможный результат неисполнения. - Trans-Lex Principles. [On-line]: <http://www.trans-lex.org/principles> (Дата посещения: 31.05.2016).

³³ См. ст. 79 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, ст. 7.1.7. Принципов УНИДРУА, ст. 8 108 PECL, ст. III. -3 104 DCFR, п. VI.3 Trans-Lex Principles.

арбитраж, в частности, тогда, когда стороны уполномочили его действовать в качестве «дружественного посредника».

Кроме того, вопросы, по которым стороны не договорились в арбитражном соглашении, могут решаться по усмотрению арбитража (например, по поводу применяемого права).

Государственные суды имеют возможность в случаях, предусмотренных законодательством, использовать аналогию закона или аналогию права.

Кроме того, данный принцип реализуется всякий раз, когда применяется норма, содержащая оценочные категории. В случае применения принципов права правоприменительный орган сравнивает значимость определенных принципов в конкретных обстоятельствах дела, определяя какой принцип (какие принципы) следует использовать.

3) Принцип равенства всех перед законом³⁴. В случае разрешения спора международного характера, кроме общепринятого значения этого принципа, он выражается в том, что государственный суд или международный коммерческий арбитраж не должен относиться предвзято к стороне (сторонам) из-за принадлежности ее (их) к определенному(-ым) государству(-ам).

4) Принцип справедливости, означающий, что правоприменительный орган при решении дела взвешивает соответствие между правами и обязанностями сторон международного частного договорного обязательства, а также между нарушением договорного обязательства и его последствиями. Этот принцип требует также соблюдения требований по защите прав человека, среди которых обеспечение свободного доступа к правосудию.

5) Принцип уважения к свободе сторон договора. Данный принцип выражается в том, что правоприменительный орган решает спор, руководствуясь условиями договора, заключенного между сторонами, в соответствии с избранным ими правом. Проявлением принципа в процессуальной сфере является то, что международный спор решается государственным судом, избранным пророгационным соглашением сторон,

³⁴ Термин «закон» в данном случае следует толковать широко - как все регуляторы международных частных договорных обязательств.

юрисдикция которого будет исключительной (если стороны не договорятся об ином). При наличии арбитражного соглашения государственный суд, в который поступил иск по вопросу, охватываемого арбитражным соглашением, должен по просьбе одной из сторон направить стороны в арбитраж, если не найдет, что арбитражное соглашение недействительно, утратило силу или не может быть выполнено³⁵.

б) Принцип наиболее тесной связи - применяется в случае отсутствия соглашения сторон о выборе применимого к договору права.

8) Принцип приоритета норм международных договоров над нормами внутреннего права.

9) Принцип приоритета обычаев (о применении которых стороны договорились, или о которых они знали или должны были знать и которые в международной торговле широко известны и постоянно соблюдаются сторонами в договорах определенного рода в соответствующей области торговли), а также практики, установившейся в отношениях между ними над нормами международных унифицированных документов³⁶

10) Принцип единообразного применения принципов и норм международных унифицированных документов, который выражается в том, что применяя принцип или норму, правоприменительный орган не должен руководствоваться подходами национального права определенного государства, а принимать во внимание арбитражные и судебные решения, а также доктринальные разработки, в частности, содержащиеся в специальных информационных базах данных к соответствующему международному унифицированному документу.

11) Толкование принципов и норм международных унифицированных документов в соответствии с требованиями принципа добросовестности, учитывая их международный характер и цели, а также

необходимость способствовать единообразию в их применении.

12) Принципы применения норм права иностранного государства, регулирующего международные частные договорные обязательства: неппротиворечивость последствий применения права иностранного государства публичному порядку страны, в которой оно применяется, не нарушение действия императивных норм такой страны, соблюдения требований взаимности, если необходимость ее соблюдения установлена международными договорами или внутренним законодательством страны, в которой применяется иностранное право.

13) Принцип приоритета специальной нормы над общей.

14) Принцип обособленности арбитражного соглашения, а также пророгационного соглашения от основного договора.

15) *Lex validatatis*. Если стороны не договорились о праве, которое применяется к договору, презюмируется, что интерес сторон состоит в том, чтобы применить право, согласно которому договор является действительным с материальной и формальной точки зрения.

Исходя из изложенного можно утверждать, принципы правового регулирования международных частных договорных обязательств выполняют следующие функции:

1) обеспечивают реализацию человеческих представлений о добре и справедливости в практике правового регулирования международных частных договорных обязательств;

2) способствуют унификации правового регулирования международных частных договорных обязательств;³⁷

3) выступают регулятором поведения участников преддоговорных отношений, а

³⁵ Ст. II (3) Конвенции о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, подписанная 10 июня 1958 года в Нью-Йорке.

³⁶ Ст. 9 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, ст. 1.9. Принципов УНИДРУА, ст. 1:105 PECL.

³⁷ Особую роль общепризнанных принципов права в процессе унификации отмечали еще К.Цвайгерт и Х. Кетц. В частности, они отмечают, что: «В политико-правовом аспекте цель унификации - стремиться сопоставляя желаемое с возможным, к устранению или смягчению противоречий в национальных правовых системах на основе общепризнанных принципов права». Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т.1. Основы. Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998, с. 40.

также сторон международного частного договора;

4) являются заданным направлением для толкования условий международных частных договорных обязательств;

5) выполняют роль ориентира при разработке конкретных договоров, а также создания норм международных унифицированных документов, регулирующих международные частные договорные обязательства;

6) являются источником толкования норм международных унифицированных документов;

7) выступают источником правового регулирования международных договорных обязательств, не урегулированных нормами международных унифицированных документов, но таких, которые охватываются сферой их действия, или если стороны арбитражного соглашения уполномочили международный коммерческий арбитраж решать спор по принципу «ex aequo et bono»;

8) позволяют определить применяемое к договору право при отсутствии согласия сторон.

Библиография:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3-х т. Т. 1. Общая часть. Учебник. М.: БЕК, 2002, 288 с.

2. Боднар Т.В. Договірні зобов'язання в цивільному праві (Заг. положення): Навч. посіб. К.: Юстініан, 2007, 280 с.

3. Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 года. [On-line]: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_003 (Дата посещения: 31.05.2016).

4. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. 510 с.

5. Вольф М. Международное частное право. Пер. с англ., М.: Изд.-во Ин. Лит., 1948. 703 с.

6. Гердеген М. Європейське право. К.: КІС, 2008, 523 с.

7. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов. М.: КолосС, 2003, 544 с.

8. Довгерт А.С. Вступ до курсу «Міжнародне приватне право». В: Право України. 2012, №9, с. 238-256.

9. Довгерт А.С. Дія принципу верховенства права у сфері приватного права. В:

Університетські наукові записки. 2007, № 2, с. 83-89.

10. Доржиев Ж.Б. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005, с. 129 – 345с.

11. Задорожна С.М. Поняття, генетична основа та система принципів міжнародного приватного права. В: Право України. 2013, № 7, с. 34-45.

12. Земскова П.Е. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.

13. Калакура В.Я. Принципы міжнародного приватного права. В: Міжнародне приватне право. Загальна частина: підручник/ за ред. Довгерта А.С. і Кисіля В.І. К.: Алерта, 2012, с.134-147.

14. Кузнецова Н.С. Принципы сучасного зобов'язального права. В: Українське право. 2003, № 4, с. 9-15.

15. Макренко Л.О. Верховенство права як принцип природного права. В: Альманах права. Основоположні принципи права як його ціннісні виміри. Науково-практичний юридичний журнал. Випуск 3, К., Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2012, с. 222- 229.

16. Международное частное право: учеб. Отв. Ред. Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 2010. 656 с.

17. Міжнародне право: Навч. Посібник. За ред. М. В. Буроменьського. К.: Юрінком Інтер, 2005. 336.

18. Нгуен Куок Динь. Международное публичное право: в 2-х т. Пер. с фр. Киев: Сфера, 2000. Т.1. Кн.1-2, 440 с.

19. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм». В: Сибирский юридический вестник. 2003, № 1, с. 3-7.

20. Погребняк С. Загальні принципи права як джерело права. В: Вісник академії правових наук України. 2011, № 1, с. 14-25.

21. Рабінович П.М. Основы загальної теорії права та держави. Навчальний посібник. К.: Атіка, 2001, 176 с.

22. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т.1. Основы. Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998, 480 с.

23. Berger K.P. The Creeping Codification of the New Lex Mercatoria 2nd. Revised Edition. The Netherlands: Kluwer Law International, 2010. 422 p.

24. Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 490 p.

25. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union and the Charter of Fundamental Rights of the European Union. Council of the European Union. Brussels, 12 November 2012.

6655/7/08 REV 7 [On-line]:

<http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st06/st06655-re07.en08.pdf> (Data посещения: 31.05.2016).

26. Hesselink M. W. If you don't like our principles we have others. On core values and underlying principles in European private law: a critical discussion of the new 'Principles' section in the draft CFR. Paper presented at the conference 'The foundations of European private law', held 27-29 September 2009, at the European University Institute in Florence. Oxford, Hart Publishing, 2011.

27. Note, General Principles of Law in International Commercial Arbitration, 101 Harv.L.Rev. 1987/88, at 1816 et seq. [On-line]: <http://www.trans-lex.org/127400> (Data посещения: 31.05.2016).

28. Report on the Rule of Law. Adopted by the Venice Commission at its 86th plenary session (Venice, 25-26 March 2011). [On-line]: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD\(2011\)003rev-e.aspx](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2011)003rev-e.aspx) (Data посещения: 31.05.2016).

29. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Prepared by the Study Group on European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group). [On-line]: ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf P. 10, 11. (Data посещения: 31.05.2016).

30. The Association Henri Capitant des Amis de la Culture Juridique Française and the Société de législation comparée, Fauvarque-Cosson B., Mazeaud D. Guiding Principles of European Contract Law. In: European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference. [On-line]: http://www.legiscompare.fr/site-web/IMG/pdf/19_Guiding_Principles.pdf (Data посещения: 31.05.2016).

31. Trans-Lex Principles. [On-line]: <http://www.trans-lex.org/principles> (Data посещения: 31.05.2016).

32. UNIDROIT Principles of International commercial Contracts, Rome, UNIDROIT, 2010. 454 p.

Bibliography:

1. Anufrieva L.P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: V 3-h t. T 1. Obshhaja chast'. Uchebnik. M.: BEK, 2002, 288 p.

2. Bodnar T.V. Dogovirni zobov'jazannja v civil'nomu pravi (Zag. polozhennja): Navch. posib. K.: Justinian, 2007, 280 p.

3. Venskaja konvencija OON o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov ot 11 aprelja 1980 goda. [On-line]:

http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_003

(Visited on: 31.05.2016).

4. Vilkova N.G. Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote. M.: Statut, 2002. 510 p.

5. Volf M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Per. s angl., M.: Izd.-vo In. Lit., 1948. 703 p.

6. Gerdegen M. Evropejs'ke pravo. K.: KIS, 2008, 523 p.

7. Gojman-Kalinskij I.V., Ivanec G.I., Chervonjuk V.I. Jelementarnye nachala obshhej teorii prava: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: KolosS, 2003, 544 p.

8. Dovgert A.S. Vstup do kursu «Mizhnarodne privatne pravo». V: Pravo Ukraïni. 2012, №9, p. 238-256.

9. Dovgert A.S. Dija principu verhovenstva prava u sferi privatnogo prava. V: Universitets'ki naukovî zapiski. 2007, № 2, p. 83-89.

10. Dorzhiev Zh.B. Teorija gosudarstva i prava. Uchebno-metodicheskoe posobie. Ulan-Udje: Izd-vo VSGTU, 2005, c. 129 – 345 p.

11. Zadorozhna S.M. Ponjattja, genetična osnova ta sistema principiv mizhnarodnogo privatnogo prava. V: Pravo Ukraïni. 2013, № 7, p. 34-45.

12. Zemskova P.E. Obshhie principy prava, priznannye civilizovannymi nacijami, v mezhdunarodnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 26 p.

13. Kalakura V.Ja. Principi mizhnarodnogo privatnogo prava. V: Mizhnarodne privatne pravo. Zagal'na chastina: pidruchnik/ za red. Dovgerta A.S. i Kisilja V.I. K.: Alerta, 2012, p.134-147.

14. Kuznecova N.S. Principi suchasnogo zobov'jazal'nogo prava. V: Ukraïns'ke pravo. 2003, № 4, p. 9-15.

15. Makrenko L.O. Verhovenstvo prava jak princip prirodnoho prava. V: Al'manah prava. Osnovopolozhni principy prava jak jogo cinnisni vimiri. Naukovo-praktichnij juridichnij zhurnal. Vipusk 3, K., In-t derzhavi i prava im. V. M. Korec'kogo NAN Ukraïni, 2012, p. 222- 229.

16. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: ucheb. Otv. Red. G.K. Dmitrieva. M.: Prospekt, 2010. 656 p.

17. Mizhnarodne pravo: Navch. Posibnik. Za red. M. V. Buromens'kogo. K.: Jurinkom Inter, 2005. 336 p.

18. Nguen Kuok Din'. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: v 2-h t. Per. s fr. Kiev: Sfera, 2000. T.1. Kn.1-2, 440 p.

19. P'janov N.A. Konsul'tacii po teorii gosudarstva i prava. Tema: «Pravovoe regulirovanie i ego mehanizm». V: Sibirskij juridicheskij vestnik. 2003, № 1, p. 3-7.

20. Pogrebnjak S. Zagal'ni principy prava jak dzherelo prava. V: Visnik akademii pravovih nauk Ukraïni. 2011, № 1, p. 14-25.

21. Rabinovich P.M. Osnovi zagal'noi teorii prava ta derzhavi. Navchal'nij posibnik. K.: Atika, 2001, 176 p.

22. Cvajgert K., Ketc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2-h t. T.1. Osnovy. Per. s nem. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1998, 480 p.

23. Berger K.P. The Creeping Codification of the New Lex Mercatoria 2nd. Revised Edition. The Netherlands: Kluwer Law International, 2010. 422 p.

24. Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 490 p.

25. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union and the Charter of Fundamental Rights of the European Union. Souncil of the European Union. Brussels, 12 November 2012. 6655/7/08 REV 7 [On-line]: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st06/st06655-re07.en08.pdf> (Visited on: 31.05.2016).

26. Hesselink M. W. If you don't like our principles we have others. On core values and underlying principles in European private law: a critical discussion of the new 'Principles' section in the draft CFR. Paper presented at the conference 'The foundations of European private law', held 27-29 September 2009, at the European University Institute in Florence. Oxford, Hart Publishing, 2011.

27. Note, General Principles of Law in International Commercial Arbitration, 101 Harv.L.Rev. 1987/88, at 1816 et seq. [On-line]: <http://www.trans-lex.org/127400> (Visited on: 31.05.2016).

28. Report on the Rule of Law. Adopted by the Venice Commission at its 86th plenary session (Venice, 25-26 March 2011). [On-line]: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD\(2011\)003rev-e.aspx](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2011)003rev-e.aspx) (Visited on: 31.05.2016).

29. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Prepared by the Study Group on European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group). [On-line]: ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf P. 10, 11. (Visited on: 31.05.2016).

30. The Association Henri Capitant des Amis de la Culture Juridique Française and the Société de législation comparée, Fauvarque-Cosson B., Mazeaud D. Guiding Principles of European Contract Law. In: European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference. [On-line]: http://www.legiscompare.fr/site-web/IMG/pdf/19_Guiding_Principles.pdf (Visited on: 31.05.2016).

31. Trans-Lex Principles. [On-line]: <http://www.trans-lex.org/principles> (Visited on: 31.05.2016).

32. UNIDROIT Principles of International commercial Contracts, Rome, UNIDROIT, 2010. 454 p.

Copyright©DIKOVSKA Iryna, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

01601, Kiev, Ukraine,
Kiev National University „Taras Shevchenko”
Department of Civil Law

E-mail: irinadikovska@hotmail.com

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2016, Issue 2, Volume 11, Pages 196-208. ISSN 1857-1999 Submitted: 15.05.2016 Accepted: 15.06.2016 Published: 30.06.2016
---	--

**DREPT EUROPEAN
EUROPEAN LAW
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

TWO DECADES OF REFUGEE PROTECTION IN POLAND

DOUĂ DECENII DE PROTECȚIE A REFUGIAȚILOR ÎN POLONIA

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАЩИТЫ БЕЖЕНЦЕВ В ПОЛЬШЕ

KOŁODZIEJCZYK Marta* / KOŁODZIEJCZYK Marta / КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта

ABSTRACT:

TWO DECADES OF REFUGEE PROTECTION IN POLAND

The author analyses in this article the functioning on the Polish Refugee Protection System during the last two decades with the emphasis on the European Union enlargement process that has affected domestic immigration and asylum policies in Poland. As a result the following sections are provided here: 1) Origins of the refugee protection and contemporary debates on this issue; 2) Development of the EU Asylum Policy; 3) Incorporation of the EU Asylum law into the Polish law; 4) Role of NGOs in the Polish Refugee Protection System.

Keywords: refugee, Dublin Convention, NGOs, EU Asylum Policy.

JEL Classification: K1, K12, K140, F53

REZUMAT:

DOUĂ DECENII DE PROTECȚIE A REFUGIAȚILOR ÎN POLONIA

Autorul analizează în acest articol funcționarea sistemului polonez de protecție pentru refugiați pe parcursul ultimelor două decenii, cu accent pe procesul de extindere a Uniunii Europene, care a afectat politicile interne ale Poloniei în domeniul imigrației și azilului. În consecință, sunt analizate următoarele direcții: 1) Originile protecției refugiaților și dezbaterile contemporane cu privire la această chestiune; 2) Elaborarea politicii de azil a UE; 3) Incorporarea legislației UE în domeniul azilului în legislația poloneză; 4) Rolul ONG-urilor în sistemul de protecție polonez pentru refugiați.

Cuvinte cheie: refugiați, Convenția de la Dublin, ONG-uri, politica UE în materie de azil.

JEL Classification: K1, K12, K140, F53

CZU: 341.9, 341.924

* **KOŁODZIEJCZYK Marta** - Doctor în drept, Departamentul Drept și Științe Sociale, Școala Superioară de Finanțe și Drept din Bielsko-Biala (Bielsko-Biala, Polonia). / **KOŁODZIEJCZYK Marta** - PhD in Law, Department of Law and Social Sciences, Bielsko-Biala School of Finance and Law (Bielsko-Biala, Poland). / **КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта** - Доктор права, Департамент права и социальных наук, Высшая школа финансов и права в Бельско-Бяла (Бельско-Бяла, Польша).

РЕЗЮМЕ:

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАЩИТЫ БЕЖЕНЦЕВ В ПОЛЬШЕ

Автор анализирует в этой статье функционирование польской системы защиты беженцев в течение последних двух десятилетий, с акцентом на процесс расширения Европейского союза, который затронул внутреннюю практику иммиграции и предоставления убежища в Польше. В результате здесь анализируются следующие направления: 1) Происхождение защиты беженцев и современные дискуссии по этому вопросу; 2) Развитие политики ЕС о предоставлении убежища; 3) Включение закона о предоставлении убежища в ЕС в польском законодательстве; 4) Роль НПО в польской системе защиты беженцев.

Ключевые слова: беженец, Дублинская конвенция, НПО, политика ЕС о предоставлении убежища.

JEL Classification: K1, K12, K140, F53

УДК: 341.9, 341.924

Origins of the refugee protection

The refugee problem became the concern of the international community early in the twentieth century. The pattern of international action on behalf of refugees was established by the League of Nations and led to the adoption of a number of international agreements for their benefit.¹ However, the first truly international agreement covering the most fundamental aspects of a refugee's life came into effect in the 1951 Geneva Convention relating to the Status of Refugees. It was originally adopted to deal with the aftermath of World War II in Europe as well as growing East-West political tensions². According to Article 1 A (2) of 1951 Geneva Convention the term „refugee” applies to any person who „as a result of events occurring before 1 January 1951 and owing to well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion, is outside the country of his nationality and is unable or, owing to such fear, is unwilling avail himself of the protection of that country; or who, not having nationality and being outside the country of his former habitual residence as a result of such events, is unable or, owing to such fear, is unwilling to return to it”. In addition, the 1951 Geneva Convention outlines a refugee's rights including such things as freedom of religion and movement, the right to work, education and accessibility to travel documents, but it also underscores refugee's obligations to a host government. The key provision stipulates that refugees should not be returned to a country where he or she fears persecution. It also spells

out people or groups of people who are not covered by the Convention. The time limit „... events occurring before 1 January 1951” , originated in the wish of Governments, at the time the Convention was adopted, to limit their obligations to refugee situations that were known to exist at that time, or those which might subsequently arise from events that had already occurred. In addition, the original framers had not expected refugee issues to be a major international problem for very long. Thus, the United Nations High Commissioner for Refugees had been given limited three-year mandate to help the post-World War II refugees and then, it was hoped, to go out of business. But the hopes of the Convention's authors were not fulfilled; the new refugees crisis triggered preparation of a Protocol relating to the Status of Refugees. By accession to the 1967 Protocol states undertake to apply provisions of the 1951 Convention to refugees as defined in the Convention, but without 1951 dateline and geographical restrictions. In this context, it is worth to mention that all the EU member countries are parties to both documents: Geneva Convention and Protocol.

Refugees in contemporary debates

„Man's inhumanity to man. This trite phrase, often quoted, but one that sums up the reason for the existence of the 1951 Refugee Convention, seems to be still relevant. Hence, fifty years later, fifty years of torture, persecution, violence and human rights abuse - the Convention is as important as ever protecting those who have no other source of protection”³. However, nowadays

¹UNHCR Handbook 1992, p. 3.

² Refugees 2001, p. 16.

³ Straw J. The Convention: Britain's View, 2001, p. 9. [On-line]: <http://www.unhcr.org/3b5e90ea0.pdf> (Visited on: 02.04.2016).

(2013) the practicalities of refugee protection and its legal framework face new challenges. Various scholars underline dangers imposed on refugee protection by strict immigration policies. The so-called restrictive agenda has been documented by researchers and NGO's⁴. This stringent approach was reflected in the implementation of manifestly unfounded asylum applications. This solution became a product of „policy makers who pointed out that those availing of the asylum process on account of humanitarian need increasingly were joined by those exclusively driven by economic motives. As a result it was concluded that economic migrants disguised as asylum seekers constituted the overwhelming majority of asylum claims”⁵. Other controversial legal arrangements could be found in a form of regulations on safe third country or safe country of origin.⁶ In addition, ECRE's 1995 report „Safe Third Countries-myth and realities” documents that this practice reduces the guarantee of non-return; increases rather than reduces the incidence of „refugees in orbit”; encourages people fearing this practice to transit illegally; finally gives legitimacy to the dubious belief that asylum seekers circulate for frivolous reasons, as implied by the term 'asylum shopping' (ECRE 1995). „The shrinking” asks Tom Farer emphasizing that under the guise of harmonization European governments have effectively renounced their commitment to an inter-regional system of asylum⁷. Furthermore, „asylum, as well as immigration in general, is coming under increasingly severe controls because, in the words of another scholar/advocate, „to a great extent the distinction between refugees, illegal immigrants, drug traffickers and terrorists has become blurred in the public mind and they are all seen to be

⁴ Joly D. A New Asylum Regime in Europe. In: F. Nicholson & P. Twomey eds., *Refugee Rights and Realities: evolving international concepts and regimes*, Cambridge University Press 1999, p. 3.

⁵ Byrne R., *Future Perspective: Accession and Asylum in an Expanded European Union*, (in): *New Asylum Countries? Migration control and Refugee Protection in an enlarged European Union*, Kluwer Law International, Hague 2002, p. 403.

⁶ Mikołajczyk B. Zdanowicz M. *From Dublin to Amsterdam Asylum Policy*. In: *Refugee Protection*. Warsaw 2002, p. 160.

⁷ Arer T. *How the international system copes with involuntary migration: norms, institutions, and state practice*, (w:) M. S. Teitelbaum, *Threatened peoples, threatened borders: world migration and U.S. policy*, Oklahoma 1995, p.275.

problems which can only be resolved by stricter border controls”⁸. Similarly, Helen Lambert accentuated that „too many factors prevent the ordinary man in the street from differentiating genuine refugees from illegal immigrants: their colour, their language (usually poor command, if any at all, of English or French), their clothing, their eating habits, their religious traditions etc. Every aspect of a refugee makes him/her look like an immigrant, which is in turn seen as unwanted”⁹.

More and more often migration is put on a security agenda in Western Europe; in the Schengen Agreement and Dublin Convention, migration- i.e. refugees and asylum issue - were put into one basket with struggle against drugs and terrorism, police cooperation, mutual assistance in criminal matters, etc. In this context, Agnieszka Florczak portrays the current approach in this field, as far as Poland and other Western European countries are concerned, as a sort of struggle between humanitarianism and pragmatism. The former gives priority to providing with help every human being endangered by persecution. The latter favours security and stability of the state¹⁰. Moreover, „in a security narrative, the migrant (refugee) is not just any source of disharmony. The problem is not simply one of our jobs or our private or public purse. The drama, as played today in Western Europe, contains subtext in which the other- the foreigner (refugee) - is turned into a disease, a weed: something to be destroyed because it threatens life”¹¹.

More specifically „the migrant (refugee) is constructed as the cultural other, who puts in jeopardy cultural identity of the natives”. Similarly Hannah Arendt describes” a refugee as an element that, in reality of a modern national state, distorts continuity between a man and a citizen, as well as between ethnicity and

⁸Loescher G. Monahan L. *Refugees and International Relations*. In: *Threatened people, threatened borders, world migration and U.S. policy*, Oklahoma, 1995, p. 624.

⁹ Lambert H. *Asylum-seekers, refugees and the European Union: case studies of France and the UK*. In: *Migration and European Integration. The Dynamics of Inclusion and Exclusion*. Farleigh Dickinson University Press, 1995, p. 119.

¹⁰ Florczak A. *Uchodźcy w Polsce. Między humanitaryzmem a pragmatyzmem*. Wrocław 2003, p. 9.

¹¹Huysmans J. *The Politics of Insecurity. Fear. Migration and asylum in the EU*. London; New York: Routledge, 2006, p. 60.

nationality¹².

Furthermore, in the industrialized world some scholars have referred to a non-integration programme. What has happened is that more restrictive policies have been paired with less favourable reception/settlement policies. As a result, the increased proportion of refugees admitted on complementary statuses other than the Convention has entailed a downgrading of reception and settlement conditions with an inferior set of rights. In this context, refugee studies are primarily concerned with practical or functional aspects of settlement such as: assistance in housing, language training, education and re-training and access to labour market. These functional aspects of integration have been reflected in the research conducted in Poland by Halina Grzymała-Moszczyńska. Amongst key factors can be distinguished: „gaining competency in a language of the established (host) society, possibility to get a job appropriate to possessed skills and qualifications, accommodation equal to an average standard in a city or village, access to education, as well as involvement in a political life”.¹³ Moreover, it is the state that cooperates on the EU level in terms of common asylum policy, and as a result determines when and whom to open or close its frontiers, how many immigrants of different categories can be accepted as well as when and how to change rules of admission of newcomers¹⁴.

Development of the EU Asylum Policy

Taking into consideration historical perspective of asylum policies of the western European states Bernard Santel distinguishes two different phases: the first was marked by uncoordinated national policies designed to restrict the number of asylum seekers and to discourage applicants from requesting asylum. More restrictive approach became visible in a form of legislation, which limited the asylum seekers' rights to housing, employment, social welfare benefits or language training. The second phase began by introducing an integrated and

coordinated European asylum and immigration policy, so called 'Europeanization of asylum policies. Pursuing the ambition of setting up a Single Market as a borderless area, a group of Member States started cooperation concerning the regulation of free movement of persons already in the 1980s. However, it was the 1990 Schengen Convention (Schengen Implementation Agreement, 19 June 1990) where the reference to refugee issues, in the context of the removal of remaining security barriers to the free movement of persons, was included. In this respect, Chapter VII of the Schengen Convention deserves attention. In order to prevent 'asylum shopping'-abuse of the asylum system by asylum seekers who apply for international protection in several Member States simultaneously, once their application has been rejected, or seek to apply in a particular Member State after transiting other Member States in search of the best reception conditions, procedural standards or recognition rates¹⁵, Articles 28 to 38 of the above mentioned Convention laid down common rules to identify responsibility for processing asylum applications so that 'regardless of the Contracting Party with which a foreigner lodged an application for asylum, only one Contracting Party would be responsible for processing that application'. This achievement was followed by The Dublin Convention which superseded the seventh Schengen chapter on this issue, and thus became the first instrument of the European Community actually dealing with asylum policy and creating an 'effective system' for allocation of the responsibilities of Member States in examining claims for refugee status. The philosophy of the Dublin convention relied on the principle according to which the consideration of the individual application is proceeded in only one member state, the one of first entry. It is worth to emphasize in this context that the main problem that arose from the presented above provisions was that the initial objective of burden-sharing between Member States potentially became an excuse for burden shifting. This phenomenon pertained not only EU member countries at that time, but also Central European countries such as Poland or Slovakia, what will be evidenced in the next section of this paper. Taking into

¹² Arendt H. *We Refugees*. In: G. Agamben, *Homo sacer*. Stanford University Press, 1998 p. 12.

¹³ Grzymała Moszczyńska H. *Uchodźcy: podręcznik dla osób pracującymi z uchodźcami*, Kraków NOMOS 2000, p. 24.

¹⁴ Hammar T. *European immigration policy: A comparative study*, (w:) *Community and Ethnic relations in Europe*, Council of Europe. 1998, p. 151.

¹⁵ Kaunert Ch., *The Development of the EU Asylum Policy*. [On-line]: <http://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/MWG/201011/10-27-Kaunert.pdf> (Visited on: 02.04.2016).

consideration further legal arrangements, the Treaty on European Union signed in Maastricht (1992), introduced a three pillar structure: the European Community and intergovernmental Common Foreign and Security Policy as well as Justice and Home Affairs. But at that stage no binding resolutions could be adopted. In this respect, a major change was brought with the Treaty of Amsterdam of 1 May 1999, as a result of which asylum matters were shifted from intergovernmental platform under the third Pillar to the supranational under the First. In addition, in the Treaty of Amsterdam four areas of asylum policy that were in need of harmonisation could be distinguished: the responsibility of a Member State to consider an application for asylum submitted by a national of a third country in one of the Member States; the standards on the reception of asylum seekers within the Community territory; the qualification of third-country nationals as refugees; rules for granting or withdrawing refugee status. The unification of standards in these four areas has remained the priority of the European Union in the field of refugee protection up to the present. In this respect it is worth to emphasize that EU member states while confronted with the need to create common standards concerning granting refugee status, did pay attention, what was evidenced in the Tampere Milestones (European Council Conclusions 1999), to the challenge of the Amsterdam Treaty; ensuring that freedom, which includes the right to move freely throughout the Union, can be enjoyed in conditions of security and justice accessible to all; also non-EU citizens seeking access to it (...). This in turn required the Union to develop common policies on asylum and immigration consistent with the obligations of the Geneva Refugee Convention and other relevant human rights instruments. In addition, it has been concluded by the then 15 Member States to work towards establishing a Common European Asylum System (CEAS) by making full use of the provisions in the Amsterdam Treaty 1997. The operation ability of the CEAS was divided on several phases.

The first phase of the Common European Asylum Policy (CEAS)

In the first place, the adoption of key Directives and Regulations on matters of asylum concluded the first stage towards creation of CEAS. Firstly, the Directive on minimum standards for reception of asylum seekers of 2003

enumerates a number of standards such as employment, education, healthcare, right of residence that Member States have to comply with. In the same year the Regulation establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an asylum application (known as Dublin II) was passed. As far as the Directive on minimum standards for qualification as refugees of 2004 is concerned this legal arrangement focused on rules for the identification of people in need of international protection in the EU either as refugees or as beneficiaries of subsidiary protection. According to Article 2c of the Directive, a refugee is a person who, owing to a well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, political opinion or membership of a particular social group is, outside the country of nationality (or the country of former habitual residence for stateless persons) and is unable or, owing to such fear, is unwilling to avail himself or herself of the protection of that country. As can be observed the definition mirrors the description of the person who qualifies as refugee under the 1951 Geneva Convention. What is even more, the Directive introduced a form of subsidiary protection which can be granted to a person who does not qualify as a refugee but, if returned to his or her country of origin (or country of former habitual residence), would face a real risk of suffering serious harm. Furthermore, directive on minimum standards on procedures in Member States for granting or withdrawing refugee status of 2005 codified the basic procedural rights of refugees, such as the right of access to the asylum procedure, legal assistance and interpretation, the right to an interview, the right to remain in a Member State during the examination of the application, the conditions of detention and the right to appeal. In addition, the Directive introduced certain grounds for dismissal of an asylum application: 1) the concept of 'first country of asylum', where the asylum applicant already has the status of refugee in a non-Member State and as a result does not need to apply for such a status within Community territory; 2) the concept of the 'safe country of origin' that allowed to consider a group of applications coming from nationals of the same listed country in an accelerated procedure; 3) and a 'safe third country' as grounds for the possible transfer of the asylum procedure to countries

acceding to the EU. Among the above mentioned legal endeavours in the field of refugee protection within the European Union one should also mention the Decision of the European Parliament and of the Council of 23 May 2007 establishing the European Refugee Fund as well as the Regulation for establishing a European Asylum Support Office (EASO) of 2010.

The second phase of the CEAS

As it has been presented above at the first phase of the CEAS, minimum standards of protection offered to potential refugees were completed. Furthermore, a period of reflection was necessary to determine the direction in which the CEAS should develop. In order to have a uniform protection status across the EU, the European Parliament, the Council and the Commission worked intensively throughout 2012 to complete the necessary package of instruments for the second phase of the CEAS. After the adoption of the revised Qualification Directive in 2011, political agreement was reached in 2012 on the recasts of the Dublin Regulation and the Reception Conditions Directive. The former introduces for the first time detailed rules concerning asylum-related detention, including an exhaustive list of restrictive grounds for such detention, and strict requirements on detention conditions. The latter strengthens the right to appeal against transfer decisions and the maintenance of family unity. Moreover, in March 2013 political agreement was reached on the final two pieces of legislation forming the CEAS. The aim of the revised Asylum Procedures Directive was to provide the potential refugees with particular attention to unaccompanied minors and victims of torture with access to quicker and better quality asylum decisions. Furthermore, the revised EURODAC Regulation will furthermore allow law enforcement access to the EU database of the fingerprints of asylum seekers under strictly limited circumstances in order to prevent, detect or investigate the most serious crimes, such as murder, and terrorism. To conclude, once these CEAS measures are effectively implemented, the EU will have a comprehensive asylum system in place, providing common procedures and a uniform status for those granted asylum or subsidiary protection across the EU with sufficient safeguards in place to tackle misuse. These measures are also aimed at ensuring that the fundamental rights of asylum seekers are protected, in particular the principle of non-

refoulement and the right to effective means before the courts.

Refugee protection in Poland

Poland for more than two hundred years, since the partitions at the end of the eighteenth century, was a major migrant and refugee-producing country in Europe. The exodus continued long after World War II. Just between the years 1971-1989, two million Poles left the country¹⁶. However, the process of political, social and economic transformation initiated at the end of eighties and beginning of nineties diametrically reversed this trend: Poland not only stopped producing migrants but it also opened its doors to a wide range of foreigners. As a result at the beginning of nineties the number of foreigners coming to Poland has been increasing by 20 per cent annually. These changes coexisted with Poland's official application for the EU membership that entailed a fundamental change in the geopolitical position for Poland as the crucial border area at the edge of the European Union. As a result, far reaching political decisions came into being in the framework of the Treaties of Maastricht (1992), Amsterdam (1997) and finally in Lisbon. In the context of those regulations there was a certain amount of pressure exerted on such countries as Poland to tighten their borders in order to fight illegal immigration. Moreover, Eastern European countries were also obliged to restrict their entry conditions and consolidate their asylum systems in the framework of Europeanization¹⁷ understood as mechanisms through which the European level produces changes in the domestic context and as a result has affected domestic policies in the candidate countries before their accession to the EU in 2004.

At the beginning of the 1990s, Poland was recognized as a country of transit migration. However, today, as Heikki Mattila a researcher for the International Migration Organization, ascertains, „some Central and Eastern European countries: Poland, Hungary, the Czech Republic and Slovenia, have already been turning from mere emigration countries to countries of emigration, transit, and immigration at the same

¹⁶ Stachańczyk P., *Cudzoziemcy. The Aliens*. Warszawa 1998. Stachańczyk, 1998, p. 9.

¹⁷ Olsen J.P. *Many Faces of Europeanization*. In: *JCMS*. 2002, Vol. 40, Number 5, p. 932.

time”¹⁸. As a result Poland has gradually become a destination not only for migrants, but also for people seeking refuge. However, it seemed to be disputable and led to so called „vicious circle”. This phenomenon was „stimulated by the hosts' conviction that immigrants are only temporary, marginal residents in their country which caused the unwillingness to invest in the integration process, which-in turn-results in lack of provisions, in the host country, for successful integration of refugees and immigrants”¹⁹. Moreover, with the enlargement of the European Union, Poland and Slovakia have become crucial border areas at the eastern edge of the EU. Thus, within the negotiation process of the EU membership, Poland was obliged to tighten its borders in order to fight illegal immigration, restricted entry conditions as well as adjusted asylum regulations to the EU law in this respect. Taking the latter point of departure this section aims at giving insight into how Europeanization – understood here as the mechanisms through which the European level produces changes in domestic context – has affected domestic policies in the field of refugee protection before Poland's accession (2004) to the European Union. As it will be evidenced in this section of the paper some of the EU preconditions related to the establishment of equitable asylum procedures and laws. The majority of these, however, focused on the adoption of restrictive measures concerning border controls.

During the early 1990s, the so called European impact was felt in particular in the establishment of an asylum system as Poland joined the Geneva Convention on refugees and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedom. As a result according to the Polish Constitution of 1997, both the Geneva Convention and the New York Protocol form an integral part of the Polish legal system and may and should be applied directly by administrative organs and competent courts. As far as an institutional infrastructure necessary to deal with potential refugees in

Poland is concerned, the process of its development was stimulated by the circumstances in which Swedish authorities deported a group of one thousand migrants from North Africa to Poland. In response refugee centres were established and the government decided to convene a Task Force to deal with the issue of immigration (what would later become the Office for Repatriations and Aliens). Nevertheless, between 1990 and 1997 the mentioned above developments were slow and incidental. To illustrate this tendency it is worth to refer to Poland's readmission agreement with Germany, concluded in an effort to obtain visa-free entry for Polish citizens in Germany (1991). This agreement bound Poland to readmit third-country nationals who had illegally entered the Schengen area from Poland. Further legislative steps were taken from 1997 onwards what was accompanied by launching Poland's negotiations on the accession to the European Union²⁰. As a result a range of measures that had been discussed on the European level at that time including, for example, temporary residence permits, carrier sanctions and the safe third country concept, were finally given expression in the 1997 Alien Act. In this context, it is worth to note that further advancements on Poland side were demanded, what was underlined in the European Commission reports evaluating Polish candidacy by stating: “Poland should continue its analytical and organizational measures for active participation in EURODAC and should intensify its national access point for Dublin II; Poland also needs to increase its reception capacity as well as its efforts to integrate recognized refugees. Furthermore, the so called European impact intensified in a form of amendments of the Alien Act in 2001 and 2003 transposed many European proposals into Polish immigration policy. On 13 June 2003 Parliament passed new laws; while the old Aliens Act of 1997 was repealed, two new acts entered into force 2003 Aliens Act – dealing with the issues of visas, aliens, removals etc., and the completely new 2003 Act on ‘Granting Aliens protection in the territory of the Republic of Poland’ (‘Ustawa o udzielaniu cudzoziemcom ochrony na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej’). Furthermore, according to Article 13 sec. 1 of the AAP, ‘Refugee status is granted to

¹⁸ Allnutt L. Inflows to the East are a problem too. The EU migration debate. In: International Herald Tribune. 2004, April 21, p. 3.

¹⁹ Grzymała-Moszczyńska H. Nowicka E., Goście i gospodarze: problem adaptacji kulturowej w obozach dla uchodźców oraz otaczających je społecznościach lokalnych, Kraków NOMOS 2000; Moszczyńska H. Nowicka E. 2000, p. 152.

²⁰ Bem K. Changes in Polish Refugee Law. In: European Journal of Migration and Law. 2004, Issue 5, p. 463-478.

an alien who meets the requirements of being recognized as refugee as defined in the Geneva Convention and New York Protocol.' Applications should be made to the Chairperson of the Office for Repatriation and Aliens (hereinafter the Chairperson) who makes the decision in the first instance (Article 13 sec. 1, Aliens Act 2003 Article 141 sec. 1). The Chairperson's decisions are reviewed by the independent Refugee Board, whose decisions can be challenged in the administrative courts. Though the procedure remains largely the same as that in the 1997 Aliens Act, there are substantive differences when it comes to material law.

In the first place, Article 5 stipulates that because of public order reasons, state security and defense, the administrative organs may 'depart from reasoning its decision'. However, the rulings of the ECHR in cases such as *Al-Nashif v. Bulgaria* and *Chahal v. the United Kingdom*, stating that 'National authorities cannot do away with effective control of lawfulness of detention, by the domestic courts whenever they choose to assert that national security and terrorism are involved', offer little room for manoeuvre for such provisions. Secondly, 'Internal flight alternative' remains a reason to deny a refugee application. However, unlike in the 1997 Aliens Act (AA), internal flight alternative can only be invoked as sole basis for a denial of a refugee application, if 'based on the circumstances of the case, it would be unreasonable to expect for the applicant to go to another part of the territory of the country where he has been prosecuted' (Article 15 sec.1 pt. 1 and article 15 sec. 2 in fine). In addition, the 'internal flight alternative' cases have also been removed from the 'manifestly unfounded claims' to the normal procedure. Thirdly, the swift procedure for 'manifestly unfounded claims' is maintained with some modifications. Article 29 sec. 2 suggests that a negative decision because of an application being manifestly unfounded, should be made within 30 days from the filing of the application and Article 39 sec. 2 stipulates that an appeal from a negative decision in the first instance must be filed within 3 days upon receiving of such a decision (no time limits are set for 'normal' refugee petitions). Unlike in ordinary refugee cases, the Refugee Board adjudicates the manifestly unfounded claims in a panel of only one adjudicator (Article 87 in. ne). As far as time

constraints are concerned, the new AAP retains in an article 29 the condition previously expressed in the article 41 that a final decision should be made within the period of 6 months. Furthermore, internal security checks issues are addressed in Article 28. According to the AAP, the Chairperson is obliged to seek security clearance from the appropriate authorities, before granting refugee or tolerated status. These organs have 30 days to provide the Chairperson with information concerning the applicant. In default of any communication within that period, it is assumed that this requirement has been fulfilled. The period of 30 days can be extended to three months in 'well reasoned cases'.

One of the most fundamental changes introduced by the AAP is the new, subsidiary form of protection called 'tolerated stay permit' ('Pobyt tolerowany'; Deal III, Chapter II „Tolerated sojourn”, Articles 97–105). According to its provisions the administrative organs, while refusing a refugee application, have the duty to assess if she/he is eligible for the tolerated stay permit status. This can be granted when: (1) his or her removal would only be possible to a country where his or her rights and freedom as embodied in Articles 2, 3, 5, 6 of the ECHR would be violated; (2) his or her removal is impossible; (3) his or her removal would be possible only to a country which has been declared impossible by a court or the Minister of Justice; (4) if his or her removal would be for other reasons than public order, state security, and he/she is married to a Polish national (Article 16 and Article 97). This status can be given not only by the Chairperson and Refugee Board when dealing with refugee applications, but also by the local governors (*wojewodowie*), when they review a case of foreign national removal. Neither Convention refugees nor 'tolerated' aliens can be removed from Poland without prior revocation of their status (Articles 72 and 101).

It is worth to mention that new specific regulations have been added to address the concerns for unaccompanied minor refugees in Book II Chapter 3 Articles 47–53. According to the new provisions, in such a situation, the Chairperson petitions the local family court to appoint a legal probation officer (*kurator*), to represent the minor in refugee hearings, as well as a guardian (*opiekun faktyczny*), responsible for the well-being of the child. Such a minor is placed in a refugee centre or a centre for children

and infants. Moreover, a new chapter dealing with victims of violence or handicapped applicants has been added to the AAP, where special provisions are made to meet the needs of gender issues, such as gender of the interviewers, doctors and staff. The new AAP also transformed the EU directive on temporary protection into Polish law under the heading „Temporary Protection of Aliens” (Articles 106–118). Finally, the legal concept of ‘Asylum’ has been given a lift up, and is now defined as a status given to an alien, „when it is necessary for his protection and when it is supported by important interest of the Republic of Poland” (Article 90 sec. 1).

With the accession of Poland to the European Union, inter alia, the Council Regulation (EC) No 343/2003 of 18 February 2003 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an asylum application, lodged in one of the Member States by a third-country national (OJ L 50, 25.2.2003) entered into force. The Regulation stipulates the responsibility of only one Member State for examining an application for refugee status. A foreigner who makes a subsequent application in another country using the regulation will be forwarded to the State which is responsible for examining his application, according to the criteria contained therein. The experience shows that Poland is still regarded by foreigners as a transit country, and the real goal of most people applying for refugee status in Poland is to legalize their stay in other countries that provide access to the highest welfare benefits. Meanwhile, the Regulation, after a foreigner enters Poland and applies for refugee status, makes it virtually impossible to successfully apply for such status in another country using the Regulation.

In 2011 works on amending the Act on granting protection to foreigners in the territory of the Republic of Poland were completed. As a result The amendment to the Act on granting protection to foreigners in the territory of the Republic of Poland entered into force on 1 January 2012.

By way of the Act of 28 July 2011 on the legalization of stay of some foreigners in the territory of the Republic of Poland and on amendments to the Act on granting protection to foreigners in the territory of the Republic of Poland and to the Act on foreigners (Journal of Laws of 2011 no. 191, item 1133) two

institutions were introduced to the Polish legal order which are the symbol of solidarity with countries experiencing increased migration – resettlement or relocation. These may refer to foreigners fulfilling the conditions for granting refugee status or subsidiary protection specified in the Act on granting protection to foreigners in the territory of the Republic of Poland. Resettled or relocated individuals will be granted refugee status or subsidiary protection after the completion of refugee procedure that will be partially conducted in the foreigner’s country of residence. A decision will be made within 30 days from the date of the foreigner’s entry to the territory of the Republic of Poland.

The above mentioned reforms would not be possible without the influence of the NGOs that is why the next section focuses on their role in the Polish Refugee Protection System.

The Role of NGOs in refugee protection in Poland

Although there is no legally binding definition of an NGO, it is widely accepted that this term implies: firstly, an entity which is independent from government or any public administration; secondly, voluntary membership; thirdly, performing non-profit activity; fourthly, not aiming at gaining power²¹. As far as the role of NGOs in the human rights protection is concerned, one may distinguish three main functions: 1) by experiencing law in practice NGOs help diagnose the weaknesses of certain policies and invest their potential in developing better legal arrangements; 2) by assisting in legal acts implementation, monitoring of law application and, as a result, detecting abuses.

Contemporary, the idea to help refugees in Poland has its roots in the first humanitarian aid convoy organized by the Polish Humanitarian Action (PAH) that went to Sarajevo. Hence, the first steps taken by PAH on this field consisted of providing accommodation to people who had been refused lodging in the government refugee centre. In addition, while talking about the role of NGOs in the Polish refugee protection system, Irena Rzeplinska representing Helsinki Foundation for Human Rights distinguished two categories of NGOs involved in it: organizations providing humanitarian assistance, such as PAH, as well as NGOs dealing with providing legal

²¹ Kuźniar R., Prawa Człowieka. Prawo, instytucje, stosunki międzynarodowe, Scholar 2002, p. 291.

counsel needed in every respect and at every stage of asylum proceedings. In this way NGOs supplement and complement the system of state-funded benefits, e.g. by offering free legal advice to asylum seekers. This argument can be strengthened by the fact that in Central and Eastern European Countries there are no traditions of pro bono legal advice and applicants for refugee status, usually not capable of covering the costs of legal counsel, are not granted any free legal assistance²². There are three such organizations, whose members' points of view were expressed in the study: Poland's first university legal clinic established at the Faculty of Law and Administration of the Jagiellonian University in Krakow, Helsinki Foundation for Human Rights based in Warsaw, H. Nieć Human Rights Association from Krakow.

The main priority for NGOs working in the field of pro bono legal advice should be guarding the exact provision of law. Especially if, according to the experience of the university legal clinic the procedures are constantly misused by the public administration; very often refugees are unlawfully deprived of assistance. In addition, the majority of refugee status applicants is not well educated and therefore need some form of guidance in order not to be deprived of their rights unjust fully. Hence, students of the university law legal clinic assist refugees during status interviews, make appeals on the decisions of the president of the Office for Repatriation and Aliens - first instance body determining the status of refugees, prepare complaints against not granting refugee status decisions (within 14 days after having received the decision) to the Refugee Board that are appealable to the to the Voivodship Administrative Court in Warsaw within 30 days after having received the decision. In this respect, it is a duty of the University Legal Clinic to find out, whether the public administration acts according to law, e.g. there occurred accidents when students were banned from access to typed interviews. In addition, disputes that took place usually circled around the way certain provisions of 1951 Geneva Convention relating to the Status of Refugees were interpreted. Moreover, as far as the assistance of University Legal Clinic students during refugee status interviews is concerned,

their role consist also in supervising the process of translation as well as checking whether a public administration officer noted what had been said. In addition, students do not act freely; it is the teacher who bears the ultimate responsibility for students' actions which means that he/she must approve each decision a student makes and each documents he/she drafts²³.

The Helsinki Foundation for Human Rights has been providing assistance to aliens irrespective of their legal status since 1992. Not to mention about the fact that this particular NGO offered the first ever written expertise, in the branch of pro bono legal advice for foreigners and refugees, to the government officials. As prof. Irena Rzeplińska ascertains it is of huge importance for refugees to have an opportunity to come to a place such as NGO and be given information by a non-state actor. In this respect, a single individual demonstrates much more trust towards NGOs' workers. Hence, pro bono legal advice offered by the Helsinki Foundation for Human Rights consists of filling applications, translating documents, writing letters and appeals on behalf of refugees and foreigners. According to prof. Rzeplińska the majority of appeals question negative decisions concerning accommodation in the asylum centre or not granting certain assistance to refugees in procedure. It is worth to mention that the details of proceedings and the scope of benefits are specified by the act on social assistance and by the ordinance of the Minister of Labor and Social Policy of 1 December 2000 on detailed rules of providing assistance to refugees, the amount of monetary benefits, the form and scope of assistance, mode of operation in such matters and conditions for withholding assistance or its refusal. So far the foundation experienced situations, when refugees caught while attempting to cross the Polish-German border illegally, were refused lodging in the refugee camp afterwards. The foundations expressed its disapproval towards this kind of practice. Although it might have been troublesome for the public authorities to control the number of tenants and assistance offered to them as they are coming and going. But, on the other hand Poland is obliged by an international treaty (1951 Geneva Convention) to provide lodging, food and basic

²² Mikołajczyk B. Zdanowicz M., From Dublin to Amsterdam Asylum Policy. In: Refugee Protection, Warsaw 2002, p. 107.

²³ Clinical Review. Jagiellonian University Legal Clinic. Cracow 2000, p. 259.

medical treatment to refugees while their case is pending. The result of the above mentioned NGOs' interventions is to be found in the new provision according to which it is possible to deprive an individual of the state's guaranteed lodging on the conditions that he/she misbehaved or disobeyed regulations of the asylum center.

Members of the H. Nieć Association situate themselves in a role of middleman; they transmit the message received from a foreigner or refugee to the other site (public administration). According to the experience gained by this NGO the public administration implementing some rules of law in the field of refugee protection does not always act legally; e.g. the member of the H. Nieć Association uncovered forgery of a protocol of the status interview he assisted with. An average mistake comprises in disobeying general rules of law. In addition, when an NGO member represents his client (an individual who applied for refugee status in Poland or simply a foreigner seeking for a legal advice) in particular case, public administration officer perceives this fact as an act of aggression targeted at him/her. Instead of understanding that presence of the NGO's member guarantees the client a sort of psychological comfort, they would rather suspect the NGO of plotting something.

The Polish Humanitarian Action (PAH) represents an NGO that provides recognized refugees or those awaiting the status decision with humanitarian assistance. From the 1999 PAH, under the agreement with Social Affairs Department of the Warsaw Voivod's Office, has been receiving money from the budget reserve. Using this financial aid PAH rented as well as managed flats for recognized refugees. However, it quickly turned out that the financial support was insufficient. As a result during a two-year program the NGO had to make a contribution of seventy thousand zlotych. As the settlement of refugees occurred to be a huge burden for the NGO PAH changed its strategy: it started to concentrate on creating the network of flats for recognized refugees rented on temporary basis by local authorities on the level of powiat (county) or commune. As soon as inhabitants of a temporary apartment save enough money to afford a flat by their own, they leave and as a result new refugees maybe put up in the same flat. Such NGOs as PAH play invaluable role in the area of refugee integration. Although determining the exact meaning of this term

remains controversial, the so called integration program should consist of three elements: assistance in housing, education and access to labour market. In addition, PAH organizes Polish language courses that are attended mainly by individuals who await for a status decision. At the same time it cannot be denied that there are individuals who come just in order to read Russian press. Others openly acknowledge that they do not intend to learn Polish because their goal is to move on to e.g. Denmark. However, recently PAH has noted an increase in „numbers of refugees” improving their command of Polish language which may be sign that these refugees would wish to co-exist happily among Poles. There already exist in Poland tiny migrant communities that are preparing the ground for newcomers. Nevertheless, there is still tendency for refugees to merge with well-established Diasporas in Western Europe.

Apart from the language and housing issues mentioned above, work is also a vital component for the successful outcome of the integration process. Having recognized this important aspect in the well-being of refugees, the Polish Humanitarian Action runs a Refugee Club for adults. This gives them the opportunity to participate in computer courses, English or Polish language lessons, as well as find out information concerning rules governing the Polish job market or welfare system. In addition, together with refugees PAH workers write letters of reference, correct CVs, analyze job advertisements published in newspapers. Sometimes they even call a potential employer on behalf of a particular individual.

Since 1994 „One World” Association from Poznań is a member of Service Civil International founded in 1922 – an international umbrella organization which consists of 35 NGOs from all over the world. International voluntary activities consist of short-term or long-term work camps, e.g. in refugee camps. As a result members of the „One World” Association participated in the two-week camps that took place in the Polish asylums centers; Zajazd IGA – where around forty children was present, a smaller one-Zajazd budowlani – that hosted approximately twenty adolescence (not to mention infants). The role of „One World” Association volunteers was to: 1) teach foreign language; individuals interested in learning English were divided into three groups: children

up to age of eight, children between 8-14. Women and men were taught the language in separate groups; 2) coordinate activities and games to help the children integrate with each other. Hence, an ordinary day consisted of such activities as: playing football or other games with children, painting or drawing. As a result, visits of volunteers were welcomed by the staff of an asylum centre as well as by mothers who, while their children were being cared of, were able to involve themselves in other daily duties.

Taking into consideration educational role of non-governmental organizations, since 1996 „One World” Association has been involved in teaching about the plight of refugees at schools; those activities gained an official name „Educational Program Different-Equal”. Taking into consideration the experience of one of the „One World” Association volunteers it is essential to provide society with definitions of a refugee, economic migrant, minority group member because usually these three categories tend to be merged with one another. Anyone who is interested in this branch of human rights protection may contact „One World” Association and obtain scenarios of lessons as well as leaflets containing information about refugees. Last but not least this NGO conducts information campaigns on the occasion of International Human Rights Day, International Refugee Day.

Conclusion

This article documented the origins of the refugee protection system in Poland performed during the last two decades by the government bodies as well as non-governmental organizations. While in the past Poland used to be a major migrant and refugee-producing country in Europe, from the beginning of the nineties this situation has been changing gradually. Especially that in the run-up to EU enlargement Poland was subject to strong leverage from the EU to fulfil specific preconditions for accession in the field of asylum systems, visa regimes and border protection policies. Some of these preconditions related to the establishment of equitable asylum procedures and laws had meant to implement a fairer evaluation of asylum claims. Most of the leverage, however, was linked to the adoption of restrictive measures such as the tightening of visa regimes and admission systems, enforcement and deportation procedures, penalties for illegal immigration, bilateral readmission agreements, and improvement of the control and surveillance

of borders. Poland amended its Aliens Law in 2001, bringing the law's provisions for asylum seekers and refugees in line with EU standards. This process was assisted by the NGOs such as: the Helsinki Human Foundation for Human Rights, Halina Nieć Human Rights Association, Jagiellonian University Law legal Clinic providing refugees with legal advice; as well as the Polish Humanitarian Action offering to recognized refugees as well as to those awaiting the status decision an integration program consisting of vocational training and language courses. „One World” Association, on the other hand, concentrated its activity on strengthening the awareness about refugees among teachers and students.

Bibliography:

1. Allnutt L. Inflows to the East are a problem too. The EU migration debate. In: International Herald Tribune. April 21, 2004.
2. Arendt H. We Refugees. In: G. Agamben. Homo sacer. Stanford University Press, 1998.
3. Bem K. Changes in Polish Refugee Law. In: European Journal of Migration and Law. 2004, Issue 5, p. 463-478.
4. Byrne R. Future Perspective: Accession and Asylum in an Expanded European Union. In: New Asylum Countries? Migration control and Refugee Protection in an enlarged European Union. Kluwer Law International, Hague 2002.
5. Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities – Dublin Convention, [1997] OJ C 254/1.U.
6. Farer T. How the international system copes with involuntary migration: norms, institutions, and state practice. (w:) M. S. Teitelbaum, Threatened peoples, threatened borders: world migration and U.S. policy, Oklahoma 1995.
7. Florczak A. Uchodźcy w Polsce. Między humanitaryzmem a pragmatyzmem, Wrocław 2003.
8. Grzymała Moszczyńska H. Uchodźcy: podręcznik dla osób pracującymi z uchodźcami, Kraków NOMOS 2000.
9. Grzymała-Moszczyńska H. Nowicka E. Goście i gospodarze: problem adaptacji kulturowej w obozach dla uchodźców oraz otaczających je społecznościach lokalnych, Kraków NOMOS 2000.
10. Hammar T. European immigration policy: A comparative study. (w:) Community and Ethnic relations in Europe, Council of Europe 1998.
11. Huysmans J. The Politics of Insecurity. Fear. Migration and asylum in the EU. London; New York: Routledge, 2006. xiv + 191 p.

12. Joly D. A New Asylum Regime in Europe. In: F. Nicholson & P. Twomey eds., *Refugee Rights and Realities: evolving international concepts and regimes*, Cambridge University Press 1999.

13. Kaunert Ch. *The Development of the EU Asylum Policy*. [On-line]: <http://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/MWG/201011/10-27-Kaunert.pdf> (Visited on: 03.04.2016).

14. Lambert H. *Asylum-seekers, refugees and the European Union: case studies of France and the UK*. In: „Migration and European Integration. The Dynamics of Inclusion and Exclusion”, Farleigh Dickinson University Press, 1995.

15. Loescher G. Monahan L. *Refugees and International Relations*. In: *Threatened people, threatened borders, world migration and U.S. policy*, Oklahoma 1995.

16. Mikołajczyk B. Zdanowicz M. *From Dublin to Amsterdam Asylum Policy*. In: *Refugee Protection*,

Warsaw 2002.

17. Olsen J.P. *Many Faces of Europeanization*. In: *JCMS*. 2002, No 5, Vol. 40.

18. Stachańczyk P. *Cudzoziemcy (The Aliens)*. Warszawa 1998.

19. Straw J. *The Convention: Britain's View*, 2001. [On-line]: <http://www.unhcr.org/3b5e90ea0.pdf> (Visited on: 03.04.2016).

Copyright©KOŁODZIEJCZYK Marta, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Tańskiego 5, 43-382 Bielsko-Biala,
Bielsko-Biala School of Finance and Law,
Poland

Tel. +48 33 829 72 26

E-mail: mkolodziejczyk@wsfip.edu.pl

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2016, Issue 2, Volume 11, Pages 209-221. ISSN 1857-1999 Submitted: 16.07.2015 Accepted: 15.06.2016 Published: 30.06.2016
---	--

**DREPT EUROPEAN
EUROPEAN LAW
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

**EPUIZAREA CĂILOR DE RECURS INTERNE ȘI PRINCIPIUL SUBSIDIARITĂȚII
PRIN PRISMA CONVENȚIEI EUROPENE A DREPTURILOR OMULUI**

**ИСЧЕРПАНИЕ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
И ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

**EXHAUSTION OF DOMESTIC REMEDIES AND THE PRINCIPLE
OF SUBSIDIARITY IN THE LIGHT OF THE EUROPEAN CONVENTION
ON HUMAN RIGHTS**

SÂRCU Diana* / SARCU Diana / СЫРКУ Диана
ANTOHI Leonid* / ANTOHI Leonid / АНТОХИ Леонид

ABSTRACT:

**EXHAUSTION OF DOMESTIC REMEDIES AND THE PRINCIPLE OF SUBSIDIARITY
IN THE LIGHT OF THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS**

The European Convention on Human Rights prescribes certain admissibility criteria for an application lodged either by individuals or by states, among that exhaustion of domestic remedies is a basic one. The rule means that before a claim is filed to the international jurisdiction, the applicant should have lodged it to domestic courts in order to stop the alleged violation and/or to obtain a reparation for it. Only when all national remedies are exhausted and the application remains unsatisfied, the person could appeal to the European Court of Human Rights. This principle is genuinely linked to that of subsidiarity of the European mechanism of protection, according to the last, the states-parties to the Convention have primary capacities to manage applications and the international magistrate acts only if the omissions were not fully repaired at the domestic level.

In the present scientific demarche, the authors were interested to prove the importance of the exhaustion of domestic remedies criterion, as well as its connection with the fundamental principle of subsidiarity, making references to different cases solved by the European Court and the former European Commission.

Key words: *European Court of Human Rights, European Convention on Human Rights, application, admissibility criteria, exhaustion of domestic remedies, availability and effectiveness of the remedy, case law.*

JEL Classification: K33, K49, F55

* **SÂRCU Diana** – Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Directorul Institutului Național al Justiției al Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **SARCU Diana** – Doctor of Juridical Sciences, Associate professor, Director of the National Institute of Justice of the Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **СЫРКУ Диана** - Доктор юридических наук, доцент, Директор Национального института юстиции Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

* **ANTOHI Leonid** – Doctorand, Facultatea de Drept, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **АНТОХИ Leonid** – Ph.D. student, Law Department, State University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **АНТОХИ Леонид** – Аспирант, Факультет права, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

РЕЗЮМЕ:

ИСЧЕРПАНИЕ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Европейская Конвенция по правам человека устанавливает определенные критерии приемлемости для жалоб, поданной частными лицами или государствами; среди них исчерпание внутренних средств правовой защиты является основополагающим. Данное правило означает, что перед тем как заявление будет подано к рассмотрению международной инстанцией, заявитель должен представить его на обозрение национальным судам с целью прекращения нарушения и/или возмещения ущерба за последнее. Только когда все внутренние средства защиты использованы и жалоба заявителя остается неудовлетворенной, он может обратиться в Европейский суд по правам человека. Это правило неразрывно связано с принципом субсидиарности европейского механизма правовой защиты, в соответствии с которым, государства, подписавшие Конвенцию, обладают первичными полномочиями в рассмотрении поданных жалоб, а международный судья действует только, когда упущения не были полностью устранены на национальном уровне.

В настоящей научной статье авторы заинтересованы доказать важность критерия исчерпания внутренних средств правовой защиты, а также выявить четкую связь между данным критерием и основным принципом субсидиарности, ссылаясь на различные дела из судебной практики Европейского Суда и прежней Европейской Комиссии по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, Европейская конвенция по правам человека, жалоба, критерии приемлемости, исчерпание внутренних средств правовой защиты, доступность и эффективность средства правовой защиты, судебная практика.

JEL Classification: K33, K49, F55

УДК: 341.217(4), 341.223.7

REZUMAT:

EPUIZAREA CĂILOR DE RECURS INTERNE ȘI PRINCIPIUL SUBSIDIARITĂȚII PRIN PRISMA CONVENȚIEI EUROPENE A DREPTURILOR OMULUI

Convenția europeană a drepturilor omului stabilește anumite criterii de admisibilitate a cererii depuse de către indivizi sau state, printre care epuizarea căilor de recurs interne are un caracter principal. Regula în cauză presupune situația că înainte ca o plângere să fie adresată jurisdicțiilor internaționale, reclamantul trebuie să o depună la instanțele judecătorești interne cu scopul de a înceta încălcarea și/sau a obține repararea acesteia din urmă. Prin urmare, doar dacă toate căile de recurs intern sunt epuizate și cererea rămâne în continuare nesoluționată, persoana poate să sesizeze Curtea Europeană a Drepturilor Omului. Principiul în cauză este indisolubil legat de cel al subsidiarității mecanismului european de protecție, în conformitate cu care statele-părți la Convenție beneficiază de abilități primordiale să se pronunțe asupra plângerilor adresate, iar magistratul internațional intervine doar în situația în care carențele nu au fost pe deplin remediate la nivel intern.

În prezentul demers științific autorii au fost interesați să demonstreze importanța criteriului de epuizare a căilor de recurs interne, precum și să scoată în evidență conexiunea acestuia cu principiul fundamental al subsidiarității, făcând referințe multiple la diverse spețe soluționate de Curtea Europeană și fosta Comisie Europeană a Drepturilor Omului.

Cuvinte-cheie: Curtea Europeană a Drepturilor Omului, Convenția Europeană a Drepturilor Omului, plângere, criterii de admisibilitate, epuizarea căilor de recurs interne, accesibilitatea și eficiența căii de recurs, jurisprudență.

JEL Classification: K33, K49, F55

CZU: 341.217(4), 341.223.7

Plângerile adresate Curții Europene a Drepturilor Omului¹ sunt minuțios cercetate sub

aspectul respectării condițiilor de admisibilitate în cadrul excepțiilor preliminare pentru a stabili

¹ A se vedea Pagina oficială a Curții Europene a Drepturilor Omului. [On-line]:

<http://echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home> (Vizitat la: 25.07.2015).

dacă plângerea este sau nu conformă dispozițiilor Convenției europene a drepturilor omului (în continuare Convenția EDO)². Prin urmare, nu orice plângere introdusă în baza art. 33 sau art. 34 al Convenției EDO este admisă de Curtea Europeană pentru examinare în fond.

De fapt, art. 35 din Convenția europeană a drepturilor omului este unicul care reglementează nemijlocit condițiile de admisibilitate a unei cereri prin care partea reclamantă, individul, grupul de indivizi, sau, eventual, statul, sesizează Curtea de la Strasbourg cu un contencios al drepturilor omului. Cu toate acestea, în temeiul interpretărilor altor articole ale Convenției și principiilor de drept internațional recunoscute, pot fi distinse și alte condiții de admisibilitate, cum ar fi cele referitoare la reclamant și pârât, la state și indivizi.

Datele statistice oficiale prezentate de Grefa Curții Europene a Drepturilor Omului demonstrează că sunt lovite de inadmisibilitate peste 90% din plângeri adresate forului internațional.³ La prima vedere, acest nivel pare surprinzător, dar este ușor explicabil. După M. de Salvia, explicația rezidă în faptul că însăși recursul individual supranațional demonstrează în același timp caractere *atractiv* și *restrictiv*.⁴ Recursul este unul atractiv deoarece reprezintă în esență un recurs individual, deschis tuturor, inclusiv cetățenilor străini dintr-un stat și nerezidenților statului reclamat. El este atractiv, deoarece se plasează sub sigla „drepturile omului”, care promite o garanție contra tuturor frustrărilor, interdicțiilor și nenorocirilor sociale.

Dar, fiind unul atractiv prin căile sale de acces, recursul individual supranațional se dovedește a fi restrictiv prin condițiile succesului său. Este vorba de un recurs jurisdicțional susceptibil unor cerințe minuțioase, care adeseori implică intervenții frecvente ale dreptului național în cauză, pe de o parte, și subtilități originale ale Convenției europene, ce nu explică sensul și

întinderea lor decât prin prisma jurisprudenței degajate, care este una evolutivă și fără îndoială, bogată. Anume din această perspectivă se explică numărul mare de cereri declarate inadmisibile. Spre exemplu, în a. 2014 au fost declarate inadmisibile și radiate de rolul Curții 83 675, și doar 2 388 de cereri au fost examinate în fond cu pronunțarea unei hotărâri în acest sens.⁵

Dacă ne referim la condițiile de admisibilitate, urmează să evidențiem că art. 35 le consacră într-un mod cert și imperativ, prescriind atât condiții privind fondul plângerii, cât și cele de procedură. Pe terenul prezentului demers științific, suntem interesați de condițiile de admisibilitate ce țin de procedură, și anume aspectul epuizării căilor de recurs interne, condiție formulată de art. 35 para. 1 din Convenția europeană, care stipulează că: “Curtea nu poate fi sesizată decât după epuizarea căilor de recurs interne, așa cum se înțelege din principiile de drept internațional general recunoscute”.

În esență, condiția respectării regulii de epuizare a căilor de recurs interne nu constituie o novație a Convenției EDO. La caz, suntem în fața unui principiu tradițional al dreptului internațional public. Cu toate acestea, jurisprudența Curții de la Strasbourg, precum și cea a fostei Comisii Europene a Drepturilor Omului formulată înainte de amendarea Convenției prin Protocolul nr. 11⁶, furnizează un anumit număr de indicații generale asupra principiului în cauză. Astfel, studiul practic al cauzelor examinate de forul contenciosului european permite stabilirea întinderii acestui principiu, conturarea existenței obligației de epuizare, formularea unor recursuri eficiente, ineficace sau lipsite de orice șanse de succes, adică precizarea noțiunii de recursuri eficiente și accesibile a căror existență condiționează cerința epuizării și în exercitarea cărora trebuie să fie dezvoltate în substanță pretențiile formulate în cererea adresată Curții.⁷

Trebuie menționat faptul că practic toate instanțele judecătorești internaționale a căror activitate ține de contenciosul drepturilor omului

² Convenția europeană a drepturilor omului din 04 noiembrie 1950. [On-line]: http://echr.coe.int/Documents/Convention_ROM.pdf (Vizitat la: 25.07.2015).

³ European Court of Human Rights, General statistics for 2014. [On-line]: http://echr.coe.int/Documents/Stats_annual_2014_ENG.pdf (Vizitat la: 25.07.2015).

⁴ De Salvia M., Soyer J.-C. Convention européenne de Droits de l'Homme. Le recours individuel supranational. Mode d'emploi. Paris: Librairie générale de droits et de la jurisprudence, 1992, p. 167.

⁵ European Court of Human Rights, General statistics for 2014, citat *supra*.

⁶ Protocolul nr. 11 la Convenția Europeană a Drepturilor Omului din 11 mai 1994, în vigoare din 01 noiembrie 1998. [On-line]: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/155.htm> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁷ Charrier J. L., Chiriac A. Codul Convenției Europene a Drepturilor Omului. Chișinău: Balacron, p. 556-565.

aplică regula conform căreia individul trebuie să epuizeze toate recursurile interne posibile înainte de a depune un recurs formal la organul internațional de control. Este o regulă ce își găsește fundamentare în baza a trei principii de drept internațional, și anume: *subsidiaritatea mecanismului internațional de protecție, suveranitatea statelor și prioritatea sancțiunii naționale*. Aceste principii țin de convingerea că un stat trebuie să poată îndrepta o eventuală încălcare a obligațiilor sale internaționale pe căi juridice proprii, înainte de a fi supus unui control și/sau unei supravegheri la nivel internațional.⁸ Curtea Europeană va instrumenta cauza doar în situația în care autoritățile naționale nu restabilesc dreptul încălcat și nu acordă o reparație echitabilă victimei încălcării. Iar statele nu vor răspunde de actele lor în fața unui organism internațional înainte de a fi avut posibilitatea de a redresa situația litigioasă în ordinea lor internă.⁹

Din conținutul art. 35 para. 1 citat supra, rezultă că acesta face direct trimitere la principiile de drept internațional general recunoscute. Regula aplicării recursurilor interne este preluată din dreptul internațional general, jurisprudența internațională recunoscând în repetate rânduri, caracterul său cutumiar.¹⁰ Aceasta regulă, care presupune ca reclamantul să se adreseze în primul rând suveranului teritorial pentru a obține justiție, are, în mod principal, ca obiectiv protejarea organismelor internaționale contra procedurilor internaționale nedorite. În realitate, prezența sa în Convenția EDO contrabalansează și a făcut posibilă cutezanța recunoașterii dreptului de recurs individual chiar de către state.

Noțiunea de *caele de recurs* nu trebuie înțeleasă potrivit normelor oricărui drept național. Fosta Comisie a Drepturilor Omului și Curtea Europeană au dat o noțiune autonomă, care trebuie interpretată în lumina Convenției EDO. Sunt reținute toate căile de drept susceptibile de a da un rezultat satisfăcător privind obiectul plângerii. Această regulă este fundamentală, deoarece anume ea delimitează domeniul în care statele contractante au consimțit să răspundă

pentru omisiunile ce le sunt reproșate în fața Curții.

Criteriul epuizării căilor de recurs interne implică caracterul complementar al dispozitivului european de protecție și, în primul rând, în ceea ce privește sesizarea Curții. Curtea Europeană a specificat clar în hotărârea sa de referință dată în speța *Handyside c. Marii Britanii*¹¹ (07 decembrie 1976) că mecanismul de protecție instituit prin Convenția europeană implică un **caracter subsidiar** în raport cu sistemele naționale de garanție a drepturilor omului.

Prin urmare, Convenția EDO are un caracter complementar dreptului intern. Ea nu ține să înlocuiască acest drept, dar să atenueze carențele înregistrate la nivel național. Convenția încredințează în primul rând fiecărui stat contractant sarcina să asigure respectarea drepturilor pe care le enunță și, în special, autorităților jurisdicționale naționale, atribuțiile de a controla aplicarea dispozițiilor sale.¹²

Fosta Comisie Europeană a Drepturilor Omului a reiterat în repetate rânduri că înainte de sesizarea unui tribunal internațional, reclamantul urmează să epuizeze toate recursurile pe care i le oferă legislația națională și care sunt de natură să-i asigure o reparație eficientă și suficientă pentru eventuala încălcare a dreptului său garantat pe terenul Convenției europene. Această regulă se întemeiază pe principiul că statul reclamat trebuie să poată mai întâi să redreseze pretinsa încălcare prin propriile sale mijloace în cadrul ordinii juridice interne.¹³ Iar dacă o persoană dispune în sistemul juridic intern căi de atac ce par a fi eficace și suficiente, în mod normal ea trebuie să le utilizeze și să le epuizeze; într-o asemenea situație se cer epuizate întreg ansamblul mijloacelor de protecție legală, precum acest principiu este organizat în ordinea juridică

⁸ Speța Guzzardi c. Italiei, hotărârea CEDO din 06 noiembrie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57498> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁹ Bîrsan C. Convenția europeană a drepturilor omului: comentariu pe articole. București: C.H. Beck, 2010, p. 1234.

¹⁰ Speța Anglo-Iranian Oil Co., hotărârea CIJ din 22 iulie 1952. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/16/1997.pdf> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹¹ Speța Handyside c. Marii Britanii, hotărârea CEDO din 07 decembrie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹² Speța De Cubber c. Belgiei, hotărârea CEDO din 26 octombrie 1984. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57465> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹³ Speța Nielsen c. Belgiei, raportul Comisiei EDO din 15 martie 1960. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73439> (Vizitat la: 25.07.2015).

internă, înainte de a sesiza jurisdicția internațională.¹⁴

Din această perspectivă, rezultă că statele semnatare ale Convenției EDO sunt obligate să garanteze justițiabililor căi de recurs interne efective, care pot îndrepta direct starea de lucruri și redresa încălcările drepturilor și libertăților consacrate de respectivul tratat internațional.

De principiu, toată literatura juridică și întreaga jurisprudență a organelor Convenției au evidențiat întotdeauna că necesitatea epuizării căilor de recurs interne de atac înainte de exercitarea dreptului la recurs individual se întemeiază pe principiul subsidiarității în dreptul internațional.

Or, nu este posibil a fi pusă în evidență *ratio legis* a regulii epuizării căilor de recurs interne fără a fi evocat, în prealabil, caracterul fundamental subsidiar pe care-l are mecanismul european de protecție a drepturilor omului prin raportare la instanțele naționale. Vocația acestui mecanism nu constă nicidecum în a înlocui sau a submina jurisdicțiile naționale, ci, mai degrabă, în a se adăuga acestora, cu scopul de a remedia, atunci când va fi cazul, carențele ce le afectează pe acestea din urmă.¹⁵

Având în vedere prioritatea în cauză a sistemului național de protecție a drepturilor omului, Curtea de la Strasbourg face o concluzie care merge dincolo de sfera art. 35, și anume că autoritățile statului sunt, în principiu, mai bine plasate decât judecătorul internațional să se pronunțe asupra restricțiilor drepturilor enunțate de Convenție. Această analiză, care fondează teoria complexă a *marjei de apreciere*, autolimitează, într-un mod puțin surprinzător, controlul judiciar european.¹⁶

Precum vedem, principiul epuizării căilor de recurs interne are ca obiectiv de a lăsa statului responsabil de o încălcare a Convenției facultatea de a o redresa utilizând mijloacele dreptului intern anterior sesizării jurisdicției internaționale. Acest principiu accentuează caracterul subsidiar al sistemului pus în aplicare de Convenție, judecătorul de drept comun al acesteia rămânând

totuși judecătorul național. Numai atunci când un drept garantat nu a putut fi în mod acceptabil protejat de autoritățile naționale ale unui stat, acesta poate fi pretins încălcat în fața Curții Europene și sistemul de la Strasbourg este chemat să intervină. Regula epuizării absolvă statele de a răspunde pentru acțiunile lor pe plan internațional dacă ele au avut ocazia de a le remedia în ordinea lor juridică internă.¹⁷

În esență, implementarea principiului epuizării căilor de recurs interne este subordonată cumulării a două elemente esențiale. În primul rând, ca statul să fie răspunzător pentru încălcarea unui drept subiect protejat de Convenția EDO, dreptul în cauză trebuie să fi fost ales în fața jurisdicțiilor naționale ale aceluia stat. În caz contrar, în lipsa unor motive obiective, statului nu i se poate reproșa pe plan internațional o încălcare care nu a fost invocată în fața judecătorilor naționali. Dacă jurisdicția națională i-a dat satisfacție individului, se consideră că statul a aplicat în mod corespunzător Convenția europeană și nimic nu mai justifică vreo sesizare a Curții de la Strasbourg. Este marcant faptul că respectiva satisfacție poate să nu fie acordată reclamantului de jurisdicția de fond (gradul I), dar să fie stabilită ulterior de instanța de apel și/sau recurs, după casarea hotărârii date de tribunalul inferior.

În cel de al doilea rând, se cere ca pe parcursul diferitelor recursuri, dreptul în cauză să fie invocat *in substanță*, adică, în actele sale de procedură, individul să invoce dacă nu expres și direct încălcarea unui anumit drept, făcând referință la un articol concret al Convenției europene, cel puțin un drept cu certitudine protejat de aceasta.

De principiu, este preferabil de a invoca chiar dispozițiile Convenției în acele state care au integrat-o în ordinea juridică internă. Dar chiar și într-o atare ipoteză fosta Comisie a apreciat că un reclamant nu este obligat să invoce Convenția în fața jurisdicției naționale dacă el a invocat dispoziții juridice interne al căror conținut este fundamental același. Reclamantul urmează să invoce Convenția atunci când aceasta constituie unicul temei al cererii.¹⁸

¹⁴ Speța Retimag c. Germaniei, decizia Comisiei EDO din 16 decembrie 1961. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-27971> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹⁵ Birsan C. *Op. cit.*, p. 1232.

¹⁶ Speța M.N. și alții c. San Marino, hotărârea CEDO din 07 iulie 2015. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155819> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹⁷ Speța De Wilde, Ooms și Versyp c. Belgiei, hotărârea CEDO din 18 iunie 1971. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57606> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹⁸ Speța Deweer c. Belgiei, hotărârea CEDO din 27 februarie 1980. [On-line]:

Caracterul subsidiar al mecanismului de control instituit prin Convenția EDO explică condiția formulată în mod constant de organele de control de la Strasbourg, și anume că pretențiile trebuie să fi fost invocate în substanță în fața judecătorului național pentru ca căile de recurs interne să fie considerate epuizate, însă nu este necesar ca reclamantul să invoce formal un articol anume al Convenției, precum s-a specificat în speța *Van Oosterwijck c. Belgiei*¹⁹. Prin urmare, nu este necesar în mod sistematic de a invoca în plângerea adresată instanțelor judecătorești naționale textul exact al Convenției, fiind suficient adeseori de a enunța argumente echivalente

De asemenea, pentru a considera că regula epuizării căilor de recurs interne este respectată, reclamantul trebuie să folosească toate mijloacele de procedură prevăzute de legea națională susceptibile să prevină o încălcare a Convenției. Dacă nu s-a respectat regula epuizării, guvernul reclamat va înainta în fața Curții excepția de neepuizare a căilor de recurs interne. În acest context este marcant faptul că nu se va considera epuizare a căilor de recurs situația în care reclamantul a omis un recurs ce a apărut între momentul introducerii cererii și decizia Curții asupra admisibilității, dar care ar fi putut fi exercitat în această perioadă de timp.²⁰

O altă condiție impusă de regula mijloacelor de recurs interne se referă la însăși caracterele recursului: să fie realmente intentat; să fie epuizate toate recursurile interne posibile; să reprezinte un recurs curent sau obișnuit; să fie eficace și adecvat; să fie accesibil; să nu fie lipsit de orice șanse de succes.

Cel care se plânge de o încălcare trebuie să poată dispune de mijloacele juridice și materiale pentru a intenta recursul. De asemenea, el are obligația să intenteze acel recurs care-i va permite să împiedice sau să înceteze încălcarea unui drept convențional protejat. Astfel, se consideră că nu a epuizat căile de recurs interne cel care se plânge de durata detenției sale provizorii, fără a cere

<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57469> (Vizitat la: 25.07.2015).

¹⁹ Speța *Van Oosterwijck c. Belgiei*, hotărârea CEDO din 06 noiembrie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57549> (Vizitat la: 25.07.2015).

²⁰ Speța *Fell c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 19 martie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73909> (Vizitat la: 25.07.2015).

punerea sa în libertate.²¹ Iar în situația în care o persoană are de ales dintre mai multe căi de recurs, conținutul normei ce consacră criteriul respectiv de admisibilitate urmează a fi înțeles ținând cont de situația concretă a reclamantului și de protecția eficace a drepturilor garantate.²²

Totuși, subiectul vizat rămâne responsabil de desfășurarea procedurii în fața jurisdicțiilor naționale și, dacă un recurs a fost respins din cauza necunoașterii dreptului intern sau din cauza unei erori de procedură, precum omiterea termenului relevant, fosta Comisie a Drepturilor Omului întotdeauna a considerat că criteriul epuizării căilor de recurs interne, nu a fost întrunit.²³

În interpretarea pe care a dat-o expresiei de *epuizare a recursurilor interne*, fosta Comisie a apreciat în repetate rânduri că un reclamant trebuie să epuizeze toate recursurile oferite de dreptul intern, cu caracter administrativ sau judecătoresc. Din moment ce există o șansă rezonabilă ca o cale de recurs să poată remedia o încălcare pretinsă, această cale trebuie să fie exploatată, iar mijlocul de recurs în cauză utilizat.²⁴

Cu toate acestea, reclamantul nu este obligat să epuizeze decât recursurile recunoscute ca un drept și nu considerate ca un privilegiu. El este ținut să declare recurs la toate organele judecătorești aflate la dispoziția sa, însă nu este obligat să cerceteze anumite servicii sociale, nici să ceară grațierea din partea executivului, sau să pretindă revizuirea cauzei, ceea ce reprezintă un recurs extraordinar.

Mijlocul de recurs trebuie să fie *eficace* și *adecvat*, astfel se regăsește principiul subsidiarității sistemului instituit prin Convenție. Recursul individual trebuie să fie eficace, adică de natură să-i permită reclamantului a obține încetarea încălcării, împiedicarea sau repararea ei.

²¹ Speța *Bonazzi c. Italiei*, decizia Comisiei EDO din 13 decembrie 1978. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74911> (Vizitat la: 25.07.2015).

²² Speța *Agosi (Allgemeine Gold- Und Silberscheideanstalt A.G.) c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 09 martie 1983. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74098> (Vizitat la: 25.07.2015).

²³ Speța *Le Compte c. Belgiei*, decizia Comisiei EDO din 06 octombrie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74763> (Vizitat la: 25.07.2015).

²⁴ De Salvia M., Soyfer J.-C., *Op. cit.*, p. 172.

Dacă, prin natura lor, unele recursuri apar fără contestare posibilă ca fiind recursuri eficiente și altele ca fiind ineficace, decizia se ia în funcție de speță, materie, situația reclamantului. În principiu, prin prisma art. 35 se consideră recurs eficiente care este de natură să anuleze direct și integral încălcarea invocată.

Pentru a constata în ce măsură un reclamant a epuizat recursurile interne, forul contenciosului european examinează în același timp fondul cauzei precum s-a derulat aceasta la nivel intern, și eficacitatea recursurilor puse la dispoziție de legea națională. Astfel, pentru a satisface criteriul epuizării căilor de atac interne, reclamantul trebuie să recurgă la recursuri într-adevăr eficiente și suficiente. Această noțiune de eficacitate domină întreaga jurisprudență a fostei Comisii Europene a Drepturilor Omului cu rezerva de a aprecia în fiecare cauză dacă un mijloc anumit, într-o cauză concretă, îi oferă reclamantului un recurs eficient și suficient.

Metoda respectivă implică imposibilitatea și inutilitatea alcătuirii unui catalog al tuturor aprecierilor făcute de fosta Comisie pe parcursul jurisprudenței sale, care se referă la sisteme juridice destul de variate ale statelor contractante. Totuși câteva exemple ilustrează modul în care fosta Comisie a analizat noțiunea de recurs eficient. În primul rând, în sens larg, se consideră eficiente acele recursuri care sunt accesibile, nelipsite de orice sorți de izbândă și în mod normal adecvate. Pentru a fi eficiente în sensul art. 35, recursul trebuie să aibă șanse de succes. Astfel, un recurs va fi considerat ca ineficient dacă la momentul intentării sale nu avea nici o șansă de reușită conform unei jurisprudențe naționale bine stabilită. Prin urmare, este scutit de obligația de epuizare acela care demonstrează că conform jurisprudenței interne recursul său ar fi fost sortit eșecului.²⁵ Astfel, nu este exclusă obligația de epuizare decât atunci când există o jurisprudență bine stabilită și reclamantul va fi în măsură să furnizeze exemple recente. Iar un simplu dubiu asupra eficacității unui recurs nu este suficient pentru a-l scuti de această obligație.²⁶ Mai mult decât atât, atunci când lipsa

²⁵ Speța X. c. Austriei, decizia Comisiei EDO din 06 martie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74267> (Vizitat la: 25.07.2015).

²⁶ Speța Donnelly ș.a. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 05 aprilie 1973. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-3173> (Vizitat la: 25.07.2015).

jurisprudenței lasă dubiu asupra eficacității eventuale a unui recurs, recursul va trebui valorificat.²⁷ De asemenea, nu este cazul de a exercita un recurs care, chiar dacă permite de a evidenția un viciu al deciziei atacate, nu poate permite obținerea anulării sale.²⁸ Însă, nu este scutit de obligația de epuizare a căilor de recurs interne cel care a întârziat mai mulți ani de a exercita un recurs după ce acest recurs a apărut ca fiind eficient ca urmare a unei schimbări de jurisprudență.²⁹

Este de menționat faptul că eficacitatea recursurilor se estimează în raport cu încălcările invocate, adică autoritatea națională la care se apelează trebuie să dispună de o putere reală să redreseze dreptul protejat de Convenție. În această privință, într-o cauză cu privire la expulzare, fosta Comisie a Drepturilor Omului a considerat că nu constituie un recurs eficient posibilitatea de a cere unei autorități revizuirea deciziei sale emise și nici posibilitatea de a face demersuri la un organ cu caracter consultativ.³⁰

Mai mult, în toate cazurile în care încălcarea Convenției ar constitui luarea unei măsuri de expulzare, un recurs fără efect suspensiv nu poate fi considerat eficient și nu este necesar de a apela la el.³¹ Această situație este una logică deoarece are drept scop evitarea situațiilor ireversibile, atunci când în urma expulzării individului se pot ridica chestiuni pe marginea dreptului la viață (art. 2 din Convenția EDO), interzicerii torturii (art. 3), libertății și siguranței persoanei (art. 5) etc.

Analizând criteriul epuizării căilor de recurs interne, Curtea de la Strasbourg pune în sarcina

²⁷ Speța De Varga-Hirsch c. Franței, decizia Comisiei EDO din 09 mai 1983. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74691> (Vizitat la: 25.07.2015).

²⁸ Speța Van Der Sluijs, Zuiderveld și Klappe c. Olandei, decizia Comisiei EDO din 04 mai 1982. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74691> (Vizitat la: 25.07.2015).

²⁹ Speța Cunningham c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 01 iulie 1985. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74848> (Vizitat la: 25.07.2015).

³⁰ Speța Agee c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 17 decembrie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75001> (Vizitat la: 25.07.2015).

³¹ Speța Becker c. Danemarcei, decizia Comisiei EDO din 03 octombrie 1975. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75008> (Vizitat la: 25.07.2015).

statelor-părți la Convenție să formuleze obiecții în sensul că reclamantul nu ar fi epuizat căile de recurs interne, cât și să dovedească existența unor căi de recurs interne *suficiente*. Statele reclamate au, de asemenea, sarcina să dovedească că recursurile existente sunt *eficace*, dar numai când există un dubiu serios în această privință.³² Fosta Comisie a Drepturilor Omului a conchis adesea că unele recursuri interne sunt ineficace deoarece precedentele stabilite în dreptul statului vizat au fost contrare șanselor de a reuși, sau obiectul unei cereri a corespuns în mod direct unei cereri deja tranșate de autoritățile interne. În fine, fosta Comisie a apreciat *eficacitatea* recursurilor interne în lumina avizului dat reclamantului de către avocatul său. Dacă acesta din urmă indica fără echivoc că un anumit recurs nu are o șansă de reușită, reclamantul a fost în general scutit de obligația de a recurge la acest recurs. Dacă, dimpotrivă, avocatul a exprimat îndoieli asupra unei soluții de succes în speță, reclamantul a fost ținut să îndeplinească condiția epuizării căilor de recurs interne.

Efectuând în continuare o analiză pragmatică a jurisprudenței forului contenciosului european asupra criteriului admisibilității de epuizare a căilor de recurs interne, constatăm anumite situații în care recursurile valorificate la nivel intern de către reclamanți au fost apreciate ca fiind ineficace și contrare art. 35 para. 1. Astfel, la cazul termenelor rezonabile de examinare a cauzelor, un recurs nu poate fi considerat ca fiind eficace decât dacă asigură o protecție rapidă și directă a drepturilor garantate de art. 6 § 1 al Convenției EDO (dreptul la un proces echitabil). În acest sens, nu se referă la regula epuizării căilor de recurs interne mijloacele pe care reclamantul le-ar fi putut utiliza pentru a accelera o procedură civilă³³ sau penală³⁴. De altfel, pentru a sesiza Curtea Europeană nu este necesar de a aștepta ca să intervină o decizie internă definitivă. Astfel s-a decis că o plângere privind

durata unei proceduri putea fi introdusă înaintea deciziei finale a procedurii, totuși, cu condiția ca reclamantul să epuizeze recursurile efective având ca obiect exclusiv durata acestei proceduri.³⁵ Atunci când o cauză este în curs de examinare, este important ca persoana interesată să aibă posibilitatea să se plângă în fața jurisdicțiilor naționale de durata termenului judecării ei. Deci, trebuie de determinat dacă recursul național poate remedia pretenția reclamantului, asigurând o protecție directă și rapidă drepturilor garantate de articolul 6 din Convenția europeană.³⁶

De asemenea, în spețele în care se reclamă încălcarea art. 3 (interzicerea torturii), posibilitatea de a obține o despăgubire poate constitui un recurs adecvat și suficient, dar numai în situația în care nu există o practică administrativă contrară acestui articol³⁷, or acțiunea privind daunele și interesele contra unor astfel de tratamente nu va reprezenta un recurs eficace în sensul Convenției europene atunci când autoritățile naționale direct sau tacit tolerează relele tratamente sau se abțin să împiedice repetarea acestora.³⁸

De asemenea, nu vor fi considerate ca fiind eficace în sensul Convenției EDO recursurile extraordinare exercitarea cărora depinde de puterea discreționară a unei autorități³⁹; cererile de revizuire (acestea sunt calificate ca căi de atac ineficiente conform principiilor general recunoscute ale dreptului internațional⁴⁰); recursuri care nu pot fi exercitate decât după încetarea unei situații continue care constituie ea

³² Speța *Lingens & Leitgeb c. Austriei*, decizia Comisiei EDO din 11 decembrie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74023> (Vizitat la: 25.07.2015).

³³ Speța *X. c. Germaniei*, decizia Comisiei EDO din 08 decembrie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74025> (Vizitat la: 25.07.2015).

³⁴ Speța *X. c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 06 martie 1982. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74003> (Vizitat la: 25.07.2015).

³⁵ Speța *Poiss c. Austriei*, hotărârea CEDO din 23 aprilie 1987. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57560> (Vizitat la: 25.07.2015).

³⁶ Speța *Guincho c. Portugaliei*, decizia Comisiei EDO din 06 iulie 1982. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74456> (Vizitat la: 25.07.2015).

³⁷ Speța *Donnelly ș.a. c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 05 aprilie 1973, *citată supra*.

³⁸ Speța *X. c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 08 iulie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74424> (Vizitat la: 25.07.2015).

³⁹ Speța *X. c. Danemarcei*, decizia Comisiei EDO din 16 decembrie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73664> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁴⁰ Speța *G c. Germaniei*, decizia Comisiei EDO din 16 decembrie 1983. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74142> (Vizitat la: 25.07.2015).

însăși obiectul cererii⁴¹; plângerile adresate unei autorități administrative în ipoteza în care examinarea lor excedează termene rezonabile; cererile adresate unei autorități în vederea reexaminării unei decizii date anterior sau apelurile la organe cu caracter consultativ⁴²; cererile de indemnizație dacă acordarea acesteia ține de discreția autorităților publice⁴³; nu se permite nici de a formula două plângeri concomitent și nici de a introduce o plângere nouă dacă cea anterioară încă se află pe rolul instanței sesizate.

Interpretând prevederile art. 35 para. 1 din Convenția europeană, rezultă că reclamantul trebuie să fie în măsură să declanșeze efectiv procedura de recurs, aceasta trebuie să-i fie disponibilă, deci trebuie să existe în ordinea juridică internă cu un grad suficient de certitudine și să-i fie accesibilă. Reclamantul nu este chemat de a fi un pionier procedural.⁴⁴

Corolarul principiului epuizării căilor de recurs interne constă evident în faptul ca recursul, care trebuie să fie intentat în fața jurisdicțiilor naționale, să-i fie *accesibil* individului.⁴⁵ Astfel, nu se va considera încălcarea condiției de epuizare situația când recursul, susceptibil de a înceta încălcarea, de a o împiedica sau a o repara, nu este deschis celui care se plânge de încălcare. El trebuie să poată declanșa recursul în mod personal, direct și efectiv. Prin urmare, la cazul recursului constituțional, în dependență de cadrul legal intern al statului respondent, acesta poate fi obligatoriu spre valorificare pentru a satisface criteriul epuizării, precum în cererile contra Bosniei și Herțegovinei⁴⁶. Totuși, în marea majoritate a statelor Consiliului Europei, recursul

constituțional nu se încadrează în ierarhia internă a căilor ordinare de atac, prin urmare acesta nu urmează a fi apelat înainte de introducerea unei plângeri în fața forului european.

Cu toate acestea, practica dezvoltată de organele de control de la Strasbourg demonstrează existența unor *circumstanțe care permit neaplicarea regulii* de epuizare a căilor de recurs interne. Fosta Comisie Europeană a Drepturilor Omului a reținut cel puțin două situații ce-l scutesc pe reclamant de obligația de a epuiza recursurile interne.⁴⁷

Astfel, în *Afacerea greacă* (speța *Danemarca, Suedia, Norvegia și Olanda c. Greciei*)⁴⁸, fosta Comisie a permis neîndeplinirea condiției epuizării căilor de recurs interne atunci când reclamantul a fost în măsură să stabilească clar că statul respondent a utilizat *practici administrative* de tortură, tratamente inumane și/sau degradante contrare exigențelor art. 3 din Convenție. Fosta Comisie a cerut ca dovada acestor practici să releve două aspecte: caracterul repetat al actelor și tolerarea lor oficială. Ea a estimat că prin *caracterul repetat al respectivelor acte* trebuie de înțeles un număr considerabil de acțiuni contrare art. 3 ce corespund unei situații generale, adică aceste acte fie că au fost săvârșite în același loc și au fost imputabile agenților unei și aceeași autorități de poliție sau militare, ori victimele aparțineau aceleiași categorii politice, sau au fost săvârșite în mai multe locuri ori de autorități distincte, aplicate persoanelor cu diverse nuanțe politice. La rândul său, prin *tolerare oficială* se subînțelege că actele ilegale sunt expres sau implicit acceptate, în sensul că superiorii persoanelor imediat responsabile cunosc despre existența acestora, dar nu iau nici o măsură pentru a pedepsi autorii sau a împiedica repetarea actelor ilegale, ori autoritatea superioară este indiferentă față de numeroasele plângeri adresate de victime refuzând orice anchetă serioasă, sau pe parcursul procedurii judiciare aceste plângeri nu sunt examinate în mod echitabil. În speța interstatală

⁴¹ Speța Poiss c. Austriei, decizia Comisiei EDO din 09 martie 1984. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-7413> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁴² Speța Agee c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 17 decembrie 1976, *citată supra*.

⁴³ Speța Temple c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 16 mai 1985. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73716> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁴⁴ De Salvia M., Soyer J.-C., *Op. cit.*, p. 170.

⁴⁵ Speța Manoussakis și alții c. Greciei, hotărârea CEDO din 26 septembrie 1996. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58071> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁴⁶ A se vedea spre exemplu Speța Zornić c. Bosniei și Herțegovinei, hotărârea CEDO din 15 iulie 2014, definitivă din 15 decembrie 2014. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145566> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁴⁷ Gomien D., Harris D., Zwaak L. *Convention européenne des droits de l'homme et la Charte sociale européenne: droits et pratique*. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1997, p. 64.

⁴⁸ *Afacerea greacă* (speța *Danemarca, Suedia, Norvegia și Olanda c. Greciei*), raportul Comisiei EDO din 05 noiembrie 1969. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73020> (Vizitat la: 25.07.2015).

ulterioară *Irlanda c. Marii Britanii*⁴⁹ Curtea a specificat noțiunea de *practică administrativă* și a declarat că o practică incompatibilă cu Convenția EDO constă într-o acumulare de abțineri de natură identică sau analogică, destul de numeroase și legate între ele pentru a nu conduce la incidente izolate sau excepții și pentru a forma un ansamblu sau sistem.

O altă circumstanță care eliberează reclamantul de a satisface criteriul imperativ al epuizării căilor de recurs interne se referă la situația în care plângerea lui vizează direct o *legislație precisă* și nu există nici un recurs eficace pentru a cere anularea ^{acesteia}.

Din cele relatate supra, deducem că obligația epuizării căilor de recurs interne este valabilă atât pentru cererile individuale cât și pentru cele interstatale. Totuși, pentru acestea din urmă, condiția în cauză nu se aplică dacă statul reclamant nu denunță cazuri individuale de încălcare, în care ar fi victime identificate, dar se plânge de măsuri legislative sau practici administrative incompatibile cu Convenția europeană. În acest caz, îi revine statului reclamant sarcina de a demonstra prin probe suficiente existența practicilor aleagate și tolerarea lor oficială de către statul pârât.

De asemenea, existența unor circumstanțe particulare poate uneori, conform principiilor de drept internațional general recunoscute, să-l absolve pe reclamant de obligația de a epuiza căile de recurs interne. Fosta Comisie a Drepturilor Omului examina, inclusiv și din oficiu, dacă nu există o asemenea circumstanță. În acest mod, referindu-se la jurisprudența Curții Permanente de Justiție Internațională, *Afacerea Căilor ferate Panevezys-Saldutiskis* (Estonia c. Lituaniiei)⁵⁰, Comisia a admis neepuizarea recursului al cărui rezultat nu ar fi decât repetarea unei decizii deja emise⁵¹.

În anumite cazuri s-a întâmplat ca organele de la Strasbourg să rețină elemente atât de specifice, încât ignorarea lor ar însemna nerespectarea obiectivelor de eficacitate ale Convenției. Astfel, a fost luată în considerare situația financiară a unei reclamante pentru a o scuti de obligația de epuizare a căilor de recurs interne din cauză că resursele sale financiare, ținând cont de caracterul oneros al recursului în cauză, nu-i permiteau un drept efectiv de acces la justiție.⁵² Mai recent, Curtea Europeană a Drepturilor Omului a estimat că cel care a constituit obiectul torturilor și tratamentelor inumane, ce-i provoacă un sentiment de vulnerabilitate și de teamă legitimă față de reprezentanții statului, era, din cauza acestor circumstanțe speciale, scutit de obligația de epuizare.⁵³ Regula de epuizare a căilor de recurs interne se apreciază totuși ținând cont de criterii obiective: astfel, maladia mintală sau simpla necunoaștere a dreptului nu sunt acceptate ca motive de scutire a obligației de epuizare a căilor de recurs interne.⁵⁴

Epuzarea căilor de recurs interne trebuie consumată, în principiu, la momentul introducerii cererii, dar jurisprudența organelor de control de la Strasbourg demonstrează unele situații atenuante pentru această regulă, admitând că epuizarea ar putea fi realizată după sesizarea forului internațional, cu condiția ca ea să poată fi constatată la momentul soluționării chestiunii admisibilității. În unele cazuri ar putea fi util, în timp ce se formalizează recursul, de a sesiza forul european, spre exemplu în cazul în care Curtea ar estima că, din cauza jurisprudenței constante, recursul nu avea nici o șansă de succes și nu putea fi deci considerat ca un recurs „eficace” în conformitate cu prevederile art. 35. Reclamantul nu este obligat să aducă dovada epuizării căilor de recurs interne, dar pur și simplu trebuie să furnizeze elemente ce permit a se stabili că au fost respectate condițiile prevăzute de articolul 35.

⁴⁹ Speța *Irlanda c. Marii Britanii*, hotărârea CEDO din 18 ianuarie 1978. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵⁰ *Afacerea Căilor ferate Panevezys-Saldutiskis* (Estonia c. Lituaniiei), hotărârea CPJI din 28 februarie 1939. [On-line]: http://www.icj-cij.org/pcij/serie_AB/AB_76/01_Panevezys-Saldutiskis_Arret.pdf (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵¹ Speța *Hilton c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 05 martie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75004> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵² Speța *Airey c. Irlandei*, hotărârea CEDO din 09 octombrie 1979. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57420> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵³ Speța *Aksoy c. Turciei*, hotărârea CEDO din 18 decembrie 1996. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58003> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵⁴ Speța *X. c. Marii Britanii*, decizia Comisiei EDO din 12 mai 1977. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74476> (Vizitat la: 25.07.2015).

Pe de altă parte, atunci când reclamantul pretinde că a epuizat căile de recurs interne, guvernului care invocă o excepție de neepuizare îi revine obligația de a stabili că reclamantul dispunea efectiv de un recurs pe care nu l-a exercitat.⁵⁵ Mai mult ca atât, el trebuie să indice recursurile la care face trimitere și să demonstreze existența lor, Curtea nesuplinind din oficiu impreciziile sau lacunele comise de statele reclamate.⁵⁶ Astfel, statului respondent îi revine obligația de a stabili existența la nivel național a unui recurs accesibil și eficace.⁵⁷

Cu toate acestea, atunci când o cerere a fost declarată inadmisibilă pentru că nu au fost epuizate căile de recurs interne, aceasta nu constituie decât un obstacol provizoriu: Curtea o poate reexamina de îndată ce reclamantul a epuizat recursurile interne aflate la dispoziția sa, cu condiția respectării cumulative a celorlalte criterii de admisibilitate.

Se reține că corelarea regulii epuizării căilor de recurs interne cu termenul de șase luni consacrat de același art. 35 para. 1, ajută la interpretarea conceptului de *decizie definitivă*, de la a cărei dată începe a curge perioada de șase luni. Și anume, într-o cauză determinată, se stabilește care este decizia definitivă în raport cu ultima cale de recurs internă care trebuie epuizată în aplicarea art. 35. Astfel, de exemplu, dacă în legislația internă relevantă toate căile de atac interne sunt epuizate odată cu recursul în fața tribunalului suprem, atunci decizia pronunțată de acel tribunal este decizie definitivă în sensul art. 35. Deja în 1958 fosta Comisie a Drepturilor Omului preciza că decizia internă definitivă, în sensul Convenției EDO reprezintă în mod exclusiv decizia definitivă pronunțată în cadrul normal al epuizării căilor de recurs interne, astfel cum este înțeles de principiile dreptului internațional general recunoscute, în sensul că termenul de 6 luni nu poate funcționa decât în

acest cadru.⁵⁸ Însă spre deosebire de epuizarea căilor de recurs interne, care ține de ordinea juridică internă a fiecărui stat contractant, exigența termenului de 6 luni ține de ordinea publică europeană.

În concluzie la cele relatate supra, enunțăm că îndeplinirea criteriului epuizării căilor de recurs interne are o importanță crucială pentru reclamantul la introducerea unei cereri de succes în fața Curții Europene a Drepturilor Omului; cât despre state, regula epuizării demonstrează atât caracterul subsidiar al mecanismului de protecție instituit de Convenția europeană a drepturilor omului, precum și scoate în evidență întâietatea magistratului intern la soluționarea plângerilor depuse împotriva guvernului național.

Bibliografie:

1. Afacerea Căilor ferate Panevezys-Saldutiskis (Estonia c. Lituaniei), hotărârea CPJI din 28 februarie 1939. [On-line]: http://www.icj-cij.org/pcij/serie_AB/AB_76/01_Panevezys-Saldutiskis_Arret.pdf (Vizitat la: 25.07.2015).

2. Afacerea greacă (speța Danemarca, Suedia, Norvegia și Olanda c. Greciei), raportul Comisiei EDO din 05 noiembrie 1969. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73020> (Vizitat la: 25.07.2015).

3. Bîrsan C. Convenția europeană a drepturilor omului: comentariu pe articole. București: C.H. Beck, 2010. 1887 p.

4. Charrier J. L., Chiriac A. Codul Convenției Europene a Drepturilor Omului. Chișinău: Balacron. 724 p.

5. Convenția europeană a drepturilor omului din 04 noiembrie 1950. [On-line]: http://echr.coe.int/Documents/Convention_ROM.pdf (Vizitat la: 25.07.2015).

6. De Salvia M., Soyer J.-C. Convention européenne de Droits de l'Homme. Le recours individuel supranational. Mode d'emploi. Paris: Librairie générale de droits et de la jurisprudence, 1992. 287 p.

7. European Court of Human Rights, General statistics for 2014. [On-line]: http://echr.coe.int/Documents/Stats_annual_2014_ENG.pdf (Vizitat la: 25.07.2015).

8. Gomien D., Harris D., Zwaak L.

⁵⁵ Speța Wiggins c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 08 februarie 1978. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74362> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵⁶ Speța Bozano c. Franței, hotărârea CEDO din 18 decembrie 1986. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57448> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵⁷ Speța P. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 12 decembrie 1990. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-791> (Vizitat la: 25.07.2015).

⁵⁸ Speța De Becker c. Belgiei, raportul Comisiei EDO din 08 ianuarie 1960. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73711> (Vizitat la: 25.07.2015).

Convention européenne des droits de l'homme et la Charte sociale européenne: droits et pratique. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1997. 479 p.

9. Pagina oficială a Curții Europene a Drepturilor Omului. [On-line]: <http://echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home> (Vizitat la: 25.07.2015).

10. Protocolul nr. 11 la Convenția Europeană a Drepturilor Omului din 11 mai 1994, în vigoare din 01 noiembrie 1998. [On-line]: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/155.htm> (Vizitat la: 25.07.2015).

11. Speța Agee c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 17 decembrie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75001> (Vizitat la: 25.07.2015).

12. Speța Agosi (Allgemeine Gold- Und Silberscheideanstalt A.G.) c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 09 martie 1983. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74098> (Vizitat la: 25.07.2015).

13. Speța Airey c. Irlandei, hotărârea CEDO din 09 octombrie 1979. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57420> (Vizitat la: 25.07.2015).

14. Speța Aksoy c. Turciei, hotărârea CEDO din 18 decembrie 1996. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58003> (Vizitat la: 25.07.2015).

15. Speța Anglo-Iranian Oil Co., hotărârea CIJ din 22 iulie 1952. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/16/1997.pdf> (Vizitat la: 25.07.2015).

16. Speța Becker c. Danemarcei, decizia Comisiei EDO din 03 octombrie 1975. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75008> (Vizitat la: 25.07.2015).

17. Speța Bonazzi c. Italiei, decizia Comisiei EDO din 13 decembrie 1978. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74911> (Vizitat la: 25.07.2015).

18. Speța Bozano c. Franței, hotărârea CEDO din 18 decembrie 1986. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57448> (Vizitat la: 25.07.2015).

19. Speța Cunningham c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 01 iulie 1985. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74848> (Vizitat la: 25.07.2015).

20. Speța De Becker c. Belgiei, raportul Comisiei EDO din 08 ianuarie 1960. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73711>

(Vizitat la: 25.07.2015).

21. Speța De Cubber c. Belgiei, hotărârea CEDO din 26 octombrie 1984. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57465> (Vizitat la: 25.07.2015).

22. Speța De Varga-Hirsch c. Franței, decizia Comisiei EDO din 09 mai 1983. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74691> (Vizitat la: 25.07.2015).

23. Speța De Wilde, Ooms și Versyp c. Belgiei, hotărârea CEDO din 18 iunie 1971. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57606> (Vizitat la: 25.07.2015).

24. Speța Deweer c. Belgiei, hotărârea CEDO din 27 februarie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57469> (Vizitat la: 25.07.2015).

25. Speța Donnelly ș.a. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 05 aprilie 1973. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-3173> (Vizitat la: 25.07.2015).

26. Speța Fell c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 19 martie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73909> (Vizitat la: 25.07.2015).

27. Speța G c. Germaniei, decizia Comisiei EDO din 16 decembrie 1983. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74142> (Vizitat la: 25.07.2015).

28. Speța Guincho c. Portugaliei, decizia Comisiei EDO din 06 iulie 1982. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74456> (Vizitat la: 25.07.2015).

29. Speța Guzzardi c. Italiei, hotărârea CEDO din 06 noiembrie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57498> (Vizitat la: 25.07.2015).

30. Speța Handyside c. Marii Britanii, hotărârea CEDO din 07 decembrie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499> (Vizitat la: 25.07.2015).

31. Speța Hilton c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 05 martie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75004> (Vizitat la: 25.07.2015).

32. Speța Irlanda c. Marii Britanii, hotărârea CEDO din 18 ianuarie 1978. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506> (Vizitat la: 25.07.2015).

33. Speța Le Compte c. Belgiei, decizia Comisiei EDO din 06 octombrie 1976. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74763> (Vizitat la: 25.07.2015).

34. Speța Lingens & Leitgeb c. Austriei, decizia Comisiei EDO din 11 decembrie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74023> (Vizitat la: 25.07.2015).

35. Speța M.N. și alții c. San Marino, hotărârea CEDO din 07 iulie 2015. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155819> (Vizitat la: 25.07.2015).

36. Speța Manoussakis și alții c. Greciei, hotărârea CEDO din 26 septembrie 1996. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58071> (Vizitat la: 25.07.2015).

37. Speța Nielsen c. Belgiei, raportul Comisiei EDO din 15 martie 1960. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73439> (Vizitat la: 25.07.2015).

38. Speța P. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 12 decembrie 1990. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-791> (Vizitat la: 25.07.2015).

39. Speța Poiss c. Austriei, decizia Comisiei EDO din 09 martie 1984. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74134> (Vizitat la: 25.07.2015).

40. Speța Poiss c. Austriei, hotărârea CEDO din 23 aprilie 1987. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57560> (Vizitat la: 25.07.2015).

41. Speța Retimag c. Germaniei, decizia Comisiei EDO din 16 decembrie 1961. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-27971> (Vizitat la: 25.07.2015).

42. Speța Temple c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 16 mai 1985. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73716> (Vizitat la: 25.07.2015).

43. Speța Van Der Sluijs, Zuiderveld și Klappe c. Olandei, decizia Comisiei EDO din 04 mai 1982. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74691> (Vizitat la: 25.07.2015).

44. Speța Van Oosterwijck c. Belgiei, hotărârea CEDO din 06 noiembrie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57549>

(Vizitat la: 25.07.2015).

45. Speța Wiggins c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 08 februarie 1978. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74362> (Vizitat la: 25.07.2015).

46. Speța X. c. Austriei, decizia Comisiei EDO din 06 martie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74267> (Vizitat la: 25.07.2015).

47. Speța X. c. Danemarcei, decizia Comisiei EDO din 16 decembrie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73664> (Vizitat la: 25.07.2015).

48. Speța X. c. Germaniei, decizia Comisiei EDO din 08 decembrie 1981. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74025> (Vizitat la: 25.07.2015).

49. Speța X. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 06 martie 1982. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74003> (Vizitat la: 25.07.2015).

50. Speța X. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 08 iulie 1980. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74424> (Vizitat la: 25.07.2015).

51. Speța X. c. Marii Britanii, decizia Comisiei EDO din 12 mai 1977. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74476> (Vizitat la: 25.07.2015).

52. Speța Zornić c. Bosniei și Herțegovinei, hotărârea CEDO din 15 iulie 2014, definitivă din 15 decembrie 2014. [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145566> (Vizitat la: 25.07.2015).

Copyright© SÂRCU Diana, ANTOHI Leonid,
2015.

Contacte / Contacts / Контакты:

Str. Alexei Mateevici, 60
MD-2009, mun. Chișinău, Republica Moldova
E-mail: sircu@yahoo.com
E-mail: antohi@gmail.com

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2016, Issue 2, Volume 11, Pages 222-230. ISSN 1857-1999 Submitted: 12.05.2016 Accepted: 15.06.2016 Published: 30.06.2016
---	--

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОК-ЗАПАД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
И ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ***

**EAST-WEST CONFRONTATION AT THE PRESENT STAGE
AND FROZEN CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE**

**CONFRUNTAREA EST-VEST LA ETAPA ACTUALĂ
ȘI CONFLICTELE ÎNGHEȚATE DIN SPAȚIUL POST-SOVIETIC**

BURIAN Alexandru / BURIAN Alexander / БУРИАН Александр**

ABSTRACT:

**EAST-WEST CONFRONTATION AT THE PRESENT STAGE
AND FROZEN CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE**

The article analyzes the process of reformatting the global system of international relations from a unipolar to a multipolar and the emergence, in this regard, the new opposition elements in the frozen conflicts in the post-Soviet space.

The author notes that in the process of conflict resolution in the post-Soviet space in addition to the West (the USA and EU), on the one hand, and Russia, on the other hand, became more and more interfere with other actors of international relations. For example, it is very noticeable interest and activity of Turkey and Iran in the Karabakh conflict, Romania has become more and more involved in the Transnistrian conflict, while Poland and Turkey in the Ukrainian conflict.

* Articolul a fost perfectat în cadrul Proiectului instituțional 15.817.06.10F al ICJP al AȘM „Redimensionarea politicii externe și interne a Republicii Moldova din perspectiva evoluției proceselor integraționiste și modificărilor geopolitice a sistemului internațional”. / Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Института юридических и политических исследований АН Молдовы 15.817.06.10F «Переосмысление внешней и внутренней политики Республики Молдова с перспективы эволюции интеграционных процессов и геополитических изменений международной системы». / The article is made within the framework of a Research project of the Institute of Legal and Political Studies of the Academy of Sciences of Moldova 15.817.06.10F „Rethinking foreign and domestic policy of the Republic of Moldova from the perspective of the evolution of the integration process and the geopolitical changes in the international system”.

** **BURIAN Alexandru** - Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova, Consultant științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM (Chișinău, Republica Moldova); Profesor universitar la Catedra Politologie a Universității „Alexander Dubcek” din Trenčin (Trenčin, Republica Slovacă). / **BURIAN Alexander** - Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of The Institute for Strategic Studies of The European University of Moldova, President of the Moldavian Association of International Law, Scientific adviser of the Institute of Legal and Political Research of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Professor at the Department of Political Science of the University „Alexander Dubcek” in Trenčin (Trenčin, Slovak Republic). / **БУРИАН Александр Дмитриевич** - Доктор юридических наук, профессор, Директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, Президент Молдавской Ассоциации международного права, научный консультант Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Профессор кафедры Политологии Университета им. Александра Дубчека в Тренчине (Тренчин, Словацкая Республика).

According to the author, in order to defuse the tense situation arose between the East and the West, one of the outputs could be the creation of buffer zones between the EU and Russia and between Russia and NATO, which could weaken the opposition of the parties.

Keywords: frozen conflicts, the Transnistrian conflict, the Karabakh conflict, Russia, the USA, the East and the West.

JEL Classification: F51, F52, K33

УДК: 327.8, 327.33

РЕЗУМАТ:

CONFRUNTAREA EST-VEST LA ETAPA ACTUALĂ ȘI CONFLICTELE ÎNGHEȚATE DIN SPAȚIUL POST-SOVIETIC

Articolul analizează procesul de reformatare a sistemului global al relațiilor internaționale de la unipolar la multipolar și apariția, în acest sens, a unor noi elemente de contrapunere în conflictele înghețate din spațiul post-sovietic.

Autorul constată că, în procesul de soluționare a conflictelor în spațiul post-sovietic, în afară de Occident (SUA și UE), pe de o parte, și Rusia, pe de altă parte, au început să se implice tot mai activ și alți actori ai relațiilor internaționale. Spre exemplu, în conflictul din Karabah este vizibil interesul și se observă activitatea Turciei și Iranului, în conflictul transnistrean a devenit tot mai vizibilă implicarea României, iar în conflictul din Ucraina – amestecul Poloniei și Turciei.

Conform opiniei autorului, în scopul de a dezamorsa situația tensionată apărută între Est și Vest, una dintre ieșiri ar putea fi crearea de zone tampon între UE și Rusia, precum și între Rusia și NATO, care ar putea scădea tensiunea contrapunerii între părți.

Cuvinte cheie: conflicte înghețate, conflictul transnistrean, conflictul din Karabah, Rusia, SUA, Est, Vest.

JEL Classification: F51, F52, K33

УДК: 327.8, 327.33

РЕЗЮМЕ:

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОК-ЗАПАД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируется процесс реформатирования мировой системы международных отношений из монополярной в многополярную и возникновение, в связи с этим, новых элементов противостояния в замороженных конфликтах на постсоветском пространстве.

Автор отмечает, что в процесс решения конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве помимо Запада (США и ЕС), с одной стороны, и России, с другой стороны, стали все больше и больше вмешиваться и другие акторы международных отношений. Так, в карабахском конфликте заметны интерес и активность Турции и Ирана, в приднестровском конфликте стала все больше и больше связываться Румыния, в украинском конфликте – Польша и Турция.

По мнению автора, для того чтобы разрядить возникшую напряженную ситуацию между Востоком и Западом, одним из выходов могло бы стать создание буферных зон между Россией и ЕС, между Россией и НАТО, которые могли бы ослабить противостояние сторон.

Ключевые слова: замороженные конфликты, приднестровский конфликт, карабахский конфликт, Россия, США, Восток, Запад.

JEL Classification: F51, F52, K33

УДК: 327.8, 327.33

Сегодня мы являемся свидетелями нового витка противостояния Восток-Запад, и нравится нам это, или нет, но факт остается фактом: мир перестал быть монополярным и

все увереннее и увереннее превращается в многополярный.

Общеизвестно, что любому переделу мировой системы международных отношений предшествовали войны, иногда

длительные и кровавые, которые заканчивались подписанием соответствующих мирных договоров об установлении нового мирового порядка.

Вспомним Вестфальскую систему международных отношений 1648 года, которая стала возможной лишь после окончания Тридцатилетней войны. Вспомним Венскую систему международных отношений (Система «Европейского концерта») 1815 года, которая стала возможной после окончания Наполеоновских войн. Вспомним Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений 1919 года, которая появилась по окончании Первой мировой войны и, разумеется, Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений 1945 года, которая закрепила итоги Второй мировой войны.

Эти системы международных отношений, так или иначе, выполняли возложенные на них задачи, поскольку в их основу была заложена идея сотрудничества и взаимопонимания, а также разделения зон интересов и влияния между центрами силы того времени.

Вместе с тем, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений сразу же дала сбой, так как в ходе её «юридического оформления» (Парижские мирные договоры 1947 года) началась холодная война между двумя мировыми системами – капиталистической и социалистической, не дав, тем самым, возможность реализовать те принципы, которые были заложены в Уставе ООН (Система «Мирового концерта»), превратив существующую *многополярную* систему международных отношений в *биполярную*, с двумя центрами силы – в Вашингтоне и в Москве.

Началась холодная война между двумя системами, так как инициировать Третью мировую, сразу же после окончания Второй мировой, не было ни сил, ни средств.

Вместе с тем, *биполярная* система международных отношений, имея огромное количество минусов, имела и один несомненный плюс: баланс сил на международной арене, поскольку утвердившийся ракетно-ядерный паритет между двумя сверхдержавами не позволял ни

одной стороне рассчитывать на победу в случае прямого столкновения между ними.

И если эта реальность первоначально осознавалась лишь гипотетически, то во время Карибского ракетного кризиса в октябре 1962 года, когда мир стоял на пороге термоядерной войны из-за геополитических и геостратегических «разборок» между двумя сверхдержавами, опасность прямого столкновения между ними была осознана и «де-факто».

Все знают, чем кончилась холодная война – распадом Советского Союза.

Все знают, кого объявили «победителем» в холодной войне – Соединенных Штатов Америки.

По большому счёту – незаслуженно, поскольку, если трезво оценить ситуацию, то СССР распался не из-за «козней» ЦРУ и АНБ, поскольку эти уважаемые организации даже не смогли прогнозировать этот распад, и не из-за непомерно низких цен на нефть и газ, как пытаются нас уверить, и не из-за непомерных военных расходов и гонки вооружений, а из-за внутренних причин «Союза нерушимого», главной из которой была неумелая попытка Горбачёва и его команды реформировать общество. «Перестройку» они начали, но куда двигаться дальше, и главное – как, они и понятия не имели.

Опыт Китая, который на том этапе был в значительно худшем экономическом положении чем СССР, и который (примерно при такой же общественно-политической организации общества), имел намного меньше ресурсов и технологических возможностей, ясно показывает, что причины развала «советской сверхдержавы» кроются в неумении советской верхушки правильно оценить как внутренние, так и внешние риски которые влияли на процессы и механизмы обеспечения национальной безопасности страны.

Необходимо отметить, в связи с этим, что именно в этот период и начались конфликты на территории бывшего СССР, которых сейчас мы называем «замороженными». В разных регионах они начинались и развивались по-разному, но одной из главных особенностей состояла в том, что при определении административных границ между субъектами советской федерации не

всегда учитывались исторические реалии, этнический и религиозный состав населения, что впоследствии и привело к возникновению конфликтных ситуаций, чаще всего кровавых. Огульная передача территорий от одного субъекта к другому проходила, как правило, в сталинские времена (включение Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР, Абхазии и Южной Осетии в состав Грузинской ССР, Юга и Севера Бессарабии в состав Украинской ССР), хотя были случаи и позже, при Хрущеве (включение Крыма в состав Украинской ССР). В сталинские времена, да и в хрущевские, несогласие с передачей территорий от одной республики другой проходило или вяло или молча, так как репрессивный аппарат действовал на всю мощь, однако во время «перестройки» несогласие перешло первоначально в митинги, потом в бунты, а впоследствии, в некоторых регионах в настоящую войну.

Другой особенностью «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве является тот факт, что после распада СССР, когда «развод» союзных республик произошел в рамках административных границ, с уже существующими конфликтными ситуациями, новые независимые государства были признаны и ООН, и ЕС, а впоследствии и остальными государствами, в спешке, «скопом», группой, вместе со своими нерешенными территориальными, этническими, религиозными и языковыми проблемами и конфликтами.

И если в рамках СССР существовал механизм мирного решения подобных конфликтов, то в рамках ООН, ОБСЕ, ЕС такого механизма не оказалось.

При биполярной системе Запад практически не имел возможности влиять напрямую на переговорный процесс при решении тех или иных конфликтов на постсоветском пространстве.

После распада СССР, при утвердившемся однополярном мире, Запад начал вмешиваться в переговорный процесс по мирному решению замороженных конфликтов на постсоветском пространстве. В карабахском конфликте появилась Минская группа, в приднестровском – формат 5+2, в украинском – минские соглашения.

Вместе с тем, в связи с переформатированием мировой системы международных отношений и проявлением все более явных признаков многополярности, в процесс решения конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве помимо Запада (США и ЕС), с одной стороны, и России, с другой стороны, стали все больше и больше вмешиваться и другие акторы. Так, в карабахском конфликте заметны интерес и активность Турции и Ирана, в приднестровский конфликт стала все больше и больше вмешиваться Румыния, в украинский – Польша и Турция.

Разумеется, этот момент необходимо учитывать, так как с появлением новых «фигурантов» в замороженных конфликтах их мирное решение становится еще более проблематичным.

Необходимо также отметить, что одной из главных причин нерешенности конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве было, и остается, отсутствие четкой и конкретной внешнеполитической доктрины России относительно ближнего зарубежья. Более того, на протяжении многих лет у России не было избирательного подхода относительно замороженных конфликтов на территории СНГ.

Все конфликты «паковали в общий ящик», выявляя, как главные, два-три мотива конфликтности ситуаций: «националистический подход местных властей», «борьба с русскоязычным населением», «преклонение перед Западом», хотя в каждом конкретном случае, в каждом замороженном конфликте, была своя особенность и уникальность, которая временами даже не бралась в расчет.

К примеру, если в случае карабахского, абхазского, южно-осетинского конфликтов главными причинами и мотивами возникновения конфликтности между различными слоями населения этих регионов послужили религиозный, этнический, и языковые факторы, то в случае приднестровского конфликта эти факторы вообще не присутствуют: большинство населения (более 95%) как в правобережной, так и в левобережной Молдавии – православные; как в правобережной, так и в левобережной Молдавии большинство населения составляют молдаване (в

«баррикад» холодной войны, а также и США и Канаду, поскольку на тот момент они являлись частью (компонентой) евроатлантической системы безопасности Европы.

Однако, после распада СССР, такая логика перестала оправдываться, так как Берлинская стена рухнула и Европа стала стремиться к единению, а не к дальнейшему противостоянию, и присутствие в ОБСЕ США и Канады начало мешать, а не способствовать установлению мира и взаимопониманию на европейском континенте.

Отчасти, от того, что эти страны не европейские, и не до конца понимают специфику межевропейских отношений, а отчасти от того, что их интересы далеко не всегда совпадают с европейскими интересами.

Это чётко прослеживается практически на протяжении всего «послесоветского периода» европейской истории и Европе необходимо определиться, как быть дальше, если она действительно беспокоится о своей безопасности.

Одним из вариантов могло бы стать исключение из состава ОБСЕ США и Канады, на основе того, что эти страны не являются европейскими и их присутствие не облегчает межевропейский диалог, а наоборот, усложняет его. При всей кажущейся безумности, эта формула не лишена логики.

Другим вариантом могло бы быть упразднение ОБСЕ, как отжившая себе организация, и передача её функций и полномочий Совету Европы, превратив, таким образом, эту организацию в действительно общеевропейскую, так как сейчас она является лишь «правозащитной» и «местно-административной», сузив свою деятельность до минимума по сравнению с первоначальной идеей европейского единства.

Разумеется, в таком случае придётся переосмыслить роль ПАСЕ, Комитета министров и Генерального секретариата этой организации, но это больше техническая часть проблемы, чем политическая.

Тем более что Европейский союз, при всём нашем уважении к этой организации, не представляет всю Европу, а только отдельную

её часть, и говорить от имени всей Европы относительно европейской безопасности, у неё явно нет полномочий. Да и возможностей, если учитывать последние события с террористическими актами в Париже и в Брюсселе.

Как бы то ни было, но вопрос обеспечения европейской безопасности – вопрос не праздный, и решать его надо как можно быстрее, исходя из интересов Европы, а не других акторов международных отношений.

Разумеется, главная проблема ЕС сегодня не Украина, и не Сирия, а внутренняя, институциональная реорганизация, так как при теперешней формуле, когда любые решения принимаются консенсусом, 28 членами ЕС, в том числе и по таким важнейшим вопросам как внешняя и оборонная политика, то Евросоюзу – не выжить в новых условиях многополярного мира.

События в Украине как раз и подтвердили эту малоприятную перспективу, так как внятной позиции со стороны ЕС так никто и не услышал, хотя и нет сомнения в том, что в Берлине и в Париже понимают ситуацию не хуже, чем в Вашингтоне.

Превращение ЕС в самостоятельного актора международных отношений предполагает не только институциональную реорганизацию Евросоюза, но и её качественное и количественное преобразование, так как не все страны-члены ЕС готовы отказаться от своего суверенитета (в первую очередь от своей внешней политики и от своей армии).

Более того, некоторые страны-члены ЕС имеют на своей территории военные базы США (как НАТО-вские, так и вне блока НАТО), что может стать неприемлемым атрибутом для дальнейшего их пребывания в составе ЕС, который будет иметь свою собственную армию, отличную от НАТО.

Нет сомнения в том, что если и появится европейская армия, то ЕС, скорее всего, заключит соглашение с НАТО, или с США (если НАТО перестанет функционировать) или с какими-либо другими альянсами под эгидой США, но это будет уже не прямое подчинение Вашингтону, что США абсолютно не нравится.

Тем более что в зависимости от ситуации и возможных угроз, ЕС сможет заключить

соглашения и с другими странами и военными альянсами (Россией, Китаем и др.), что может не совпадать с интересами США, или даже противоречить им, хотя это и будет отражением именно европейских интересов.

Резюмируя, можно констатировать, что процессы европейской интеграции в рамках Европейских сообществ, а позже в рамках Евросоюза, принесли несомненные позитивные результаты, минимум по нескольким направлениям: удалось избежать новой европейской войны; заметно укрепилась экономическая и финансовая составляющая европейских стран; значительно поднялся уровень жизни населения.

Вместе с тем, для того чтобы выжить в новых геополитических условиях в многополярном мире, Европейскому союзу необходимо реорганизовываться, провести серьезную институциональную реформу для того, чтобы иметь единую общеевропейскую внешнюю политику и единую общеевропейскую армию.

Кроме того, ЕС необходимо научиться действовать более конструктивно в странах, которые граничат с Россией и которые Москва считает зоной своих интересов.

Возможно, для того чтобы разрядить возникшую напряженную ситуацию между Востоком и Западом, одним из выходов могло бы стать создание буферных зон между Россией и ЕС, между Россией и НАТО. Относительно Нагорного Карабаха, а также Южной Осетии и Абхазии это маловероятно, однако относительно Молдовы и Приднестровья, а также Украины – это вполне реально.

Литература:

1. Буриан Александр. Федерализация Евросоюза и перспективы НАТО. [On-line]: <http://regnum.ru/news/polit/1603510.html> (Дата посещения: 25.04.2016).

2. Буриан Александр. Молдавия между Востоком и Западом в контексте современных геополитических трансформаций. [On-line]: <http://ava.md/analytics-commentary/021020-moldaviya-mezhdu-vostokom-i-zapadom-v-kontekste-sovremennih-geopoliticheskikh-transformacii.html> (Дата посещения: 27.04.2016).

3. Буриан Александр. Многополярный мир и новые параметры безопасности в

Причерноморском регионе. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46703.html> (Дата посещения: 25.04.2016).

4. Буриан Александр. Многополярный мир и место Европы в новой системе международных отношений. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html> (Дата посещения: 27.04.2016).

5. Буриан Александр. Фактор Сноудена и «замороженные конфликты» на постсоветском пространстве. [On-line]: <http://regnum.ru/news/1690399.html> (Дата посещения: 27.04.2016).

6. Буриан Александр. «Замороженные конфликты» и тройные стандарты «правозащиты». [On-line]: <http://regnum.ru/news/polit/1682690.html> (Дата посещения: 25.04.2016).

7. Буриан Александр. ПРО США в Европе и уроки Карибского кризиса: Румыния в роли Кубы, Бэеску в роли Кастро. [On-line]: <http://regnum.ru/news/1596472.html> (Дата посещения: 27.04.2016).

8. Burian A. Problém zabezpečenia svetového systému medzinárodných vzťahov na Európskom kontinente v kontexte premeny svetového systému medzinárodných vzťahov z jedнополárneho na mnohopolárny / On securing a World System of International Relations on the European continent in the context of conversion of the world system of international relations from a unipolar to the multipolar one. In: Journal of International Relations, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava, 2015, Volume XIII, Issue 4, p. 303-312. [On-line]: http://fmv.euba.sk/files/MV_2015_4_303-312_Burian.pdf; <http://fmv.euba.sk/RePEc/brv/journal/MV2015-4.pdf> (Дата посещения: 27.04.2016).

9. Burian Alexander. Preformátovanie svetového systému medzinárodných vzťahov z monopolárneho na multipolárny a zabezpečenie bezpečnosti na európskom kontinente. / Adjusting the global system of international relations from monopolar to multipolar and ensuring security on the European continent. In: Zborník príspevkov zo 16. Medzinárodnej vedeckej konferencie. Zámok Smolenice. 3. – 4. december 2015. Ekonomická univerzita v Bratislave Fakulta medzinárodných vzťahov s podporou Taipejskej reprezentačnej kancelárie v Bratislave a Slovenskej asociácie Organizácie spojených národov. International Relations 2015. Current issues of world economy and politics Conference proceedings 16th International Scientific Conference Smolenice Castle 3th 4th December 2015, p. 131 – 134. [On-line]: http://fmv.euba.sk/files/Invitation_Smolenice_2015.pdf;

http://fmv.euba.sk/files/ZBORNIK_spojene_uprav_v_18022016.compressed.pdf (Дата посещения: 25.04.2016).

10. Kindibalyk Olyana. About the Current Trends in the Oil Market and Energy Security Issues. In: Zborník príspevkov zo 16. Medzinárodnej vedeckej konferencie. Zámok Smolenice. 3. – 4. december 2015. Ekonomická univerzita v Bratislave Fakulta medzinárodných vzťahov s podporou Taipejskej reprezentačnej kancelárie v Bratislave a Slovenskej asociácie Organizácie spojených národov. International Relations 2015 Current issues of world economy and politics Conference proceedings 16th International Scientific Conference Smolenice Castle 3th 4th December 2015, p. 403 – 406. [On-line]: http://fmv.euba.sk/files/Invitation_Smolenice_2015.pdf; http://fmv.euba.sk/files/ZBORNIK_spojene_uprav_v_18022016.compressed.pdf (Дата посещения: 25.04.2016).

11. Липкова Людмила, Маттош Борис. Особый статус Великобритании в Европейском союзе. В: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, Nr. 1 (Vol. 11), 2016, p. 35-45. [On-line]: <http://rmdir.md/wp-content/uploads/2015/01/RMDIRI-2016-nr.-1.pdf> (Дата посещения: 16.05.2016).

Bibliography:

1. Burian Aleksandr. Federalizacija Evrosojuza i perspektivy NATO. [On-line]: <http://regnum.ru/news/polit/1603510.html> (Visited on: 25.04.2016).

2. Burian Aleksandr. Moldaviya mezhdru Vostokom i Zapadom v kontekste sovremennyh geopoliticheskikh transformacij. [On-line]: <http://ava.md/analytics-commentary/021020-moldaviya-mezhdru-vostokom-i-zapadom-v-kontekste-sovremennih-geopoliticheskikh-transformacij.html> (Visited on: 27.04.2016).

3. Burian Aleksandr. Mnogopoljarnyj mir i novye parametry bezopasnosti v Prichernomorskom regione. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46703.html> (Visited on: 25.04.2016).

4. Burian Aleksandr. Mnogopoljarnyj mir i mesto Evropy v novoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html> (Visited on: 27.04.2016).

5. Burian Aleksandr. Faktor Snoudena i «zamorozhennye konflikty» na postsovetskom prostranstve. [On-line]: <http://regnum.ru/news/1690399.html> (Visited on: 27.04.2016).

6. Burian Aleksandr. «Zamorozhennye konflikty» i trojnye standarty «pravozashhity». [On-

line]: <http://regnum.ru/news/polit/1682690.html> (Visited on: 25.04.2016).

7. Burian Aleksandr. PRO SShA v Evrope i uroki Karibskogo krizisa: Rumynija v roli Kuby, Bjesesku v roli Kastro. [On-line]: <http://regnum.ru/news/1596472.html> (Visited on: 27.04.2016).

8. Burian A. Problém zabezpečenia svetového systému medzinárodných vzťahov na Európskom kontinente v kontexte premeny svetového systému medzinárodných vzťahov z jednopólarneho na mnohopólarňy / On securing a World System of International Relations on the European continent in the context of conversion of the world system of international relations from a unipolar to the multipolar one. In: Journal of International Relations, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava, 2015, Volume XIII, Issue 4, p. 303-312. [On-line]: http://fmv.euba.sk/files/MV_2015_4_303-312_Burian.pdf ; <http://fmv.euba.sk/RePEc/brv/journal/MV2015-4.pdf> (Visited on: 27.04.2016).

9. Burian Alexander. Preformátovanie svetového systému medzinárodných vzťahov z monopolárneho na multipólarňy a zabezpečenie bezpečnosti na európskom kontinente. / Adjusting the global system of international relations from monopolar to multipolar and ensuring security on the European continent. In: Zborník príspevkov zo 16. Medzinárodnej vedeckej konferencie. Zámok Smolenice. 3. – 4. december 2015. Ekonomická univerzita v Bratislave Fakulta medzinárodných vzťahov s podporou Taipejskej reprezentačnej kancelárie v Bratislave a Slovenskej asociácie Organizácie spojených národov. International Relations 2015. Current issues of world economy and politics Conference proceedings 16th International Scientific Conference Smolenice Castle 3th 4th December 2015, p. 131 – 134. [On-line]: http://fmv.euba.sk/files/Invitation_Smolenice_2015.pdf; http://fmv.euba.sk/files/ZBORNIK_spojene_uprav_v_18022016.compressed.pdf (Visited on: 25.04.2016).

10. Kindibalyk Olyana. About the Current Trends in the Oil Market and Energy Security Issues. In: Zborník príspevkov zo 16. Medzinárodnej vedeckej konferencie. Zámok Smolenice. 3. – 4. december 2015. Ekonomická univerzita v Bratislave Fakulta medzinárodných vzťahov s podporou Taipejskej reprezentačnej kancelárie v Bratislave a Slovenskej asociácie Organizácie spojených národov. International Relations 2015 Current issues of world economy and politics Conference proceedings 16th International Scientific Conference Smolenice Castle 3th 4th December 2015, p. 403 – 406. [On-line]: http://fmv.euba.sk/files/Invitation_Smolenice_2015.pdf

[f:http://fmv.euba.sk/files/ZBORNIK_spojene_uprav_v18022016.compressed.pdf](http://fmv.euba.sk/files/ZBORNIK_spojene_uprav_v18022016.compressed.pdf) (Visited on: 25.04.2016).

11. Lipkova Ljudmila, Mattosh Boris. Osobyj status Velikobritanii v Evropejskom sojuze. V: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, Nr. 1 (Vol. 11), 2016, p. 35-45. [On-line]: <http://rmdiri.md/wp-content/uploads/2015/01/RMDIRI-2016-nr.-1.pdf> (Visited on: 16.05.2016).

Copyright©BURIAN Alexander, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Bd. Ștefan cel Mare, 1, of. 301,
Chișinău, Republica Moldova, MD-2009.

E-mail: alexandrururian@mail.ru

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2016, Issue 2, Volume 11, Pages 231-243. ISSN 1857-1999 Submitted: 17.04.2016 Accepted: 15.06.2016 Published: 30.06.2016
---	--

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ПРИ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**ESTABLISHMENT OF STATE BORDERS OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC,
DURING ITS APPEARANCE AFTER WORLD WAR I**

**STABILIREA FRONTIEREI DE STAT A REPUBLICII CEHOSLOVACE,
ÎN TIMPUL APARIȚIEI EI, DUPĂ PRIMUL RĂZBOI MONDIAL**

MRAZ Stanislav / MRAZ Stanislav / МРАЗ Станислав*
ZUBRO Tetyana / ZUBRO Tetyana / ЗУБРО Татьяна**

ABSTRACT:

**ESTABLISHMENT OF STATE BORDERS OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC,
DURING ITS APPEARANCE, AFTER WORLD WAR I**

Article on the basis of previously unknown works by Czech authors and documents of the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia archive considers the problems of establishing the state borders of the Czechoslovak Republic, which arose as a result of the application of the right to self-determination of the Czech and Slovak peoples. After the defeat of the Austro-Hungarian Empire in the First World War a lot of independent states, among which was Czechoslovak Republic emerged on its ruins.

The article focuses on the issues related to its borders, which were determined in the peace agreements and have completed a certain stage of development on the European continent. It concludes that the Versailles system originated in the critical period of the historical turning point, when the contradictions between the great powers deepened that influence international relations throughout the period after the First World War and resulted in serious and deep crisis of the whole system.

Keywords: *Czechoslovak Republic (PMR), the state border, the Versailles system, the peace treaty, the issue of the borders, the delimitation commission, the conference of ambassadors.*

JEL Classification: F51, F52, K33

* **MRAZ Stanislav** - Doctor în drept, Profesor universitar, Șef Catedră drept internațional, Facultatea Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă). / **MRAZ Stanislav** - PhD. In Law, Professor, Head of The Department of International Law, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic). / **МРАЗ Станислав** - Кандидат юридических наук, профессор, Заведующий кафедрой международного права, Факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Республика Словакия).

** **ZUBRO Tetyana** - Doctor în științe politice, Lector superior, Catedra relații internaționale și științe politice, Facultatea relații internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă). / **ZUBRO Tetyana** - PhD. In Political Sciences, Professor, Head of The Department of International Law, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic). / **ЗУБРО Татьяна** - Доктор политических наук, Старший преподаватель, Кафедра международных политических отношений, Факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Республика Словакия).

РЕЗЮМЕ:

УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основании ранее неизвестных работ чешских авторов и документов архива министерства иностранных дел Чехословакии рассматривается проблематика установления государственных границ Чехо-Словацкой Республики, которая возникла в результате применения права на самоопределение чешского и словацкого народов. После поражения Австро-Венгерской монархии в Первой мировой войне на ее руинах возникло много независимых государств, среди которых была и Чехо-Словацкая Республика.

В статье особое внимание уделяется вопросам, связанным с ее границами, которые определялись в рамках мирных договоров и завершили определенный этап развития на европейском континенте. Делаются выводы, что Версальская система возникла в критический период исторического перелома, когда противоречия между сильными державами углубились, что и влияло на международные отношения на протяжении всего периода после окончания Первой мировой войны и вылилось в серьезный и глубокий кризис целой системы.

Ключевые слова: Чехо-Словацкая Республика (ЧСР), государственная граница, версальская система, мирный договор, вопросы границы, комиссии по делимитации, конференция послов.

JEL Classification: F51, F52, K33

УДК: 327.8, 327.33

REZUMAT:

STABILIREA FRONTIEREI DE STAT A REPUBLICII CECOSLOVACE, ÎN TIMPUL APARIȚIEI EI, DUPĂ PRIMUL RĂZBOI MONDIAL

În articol pe baza unor lucrări necunoscute anterior de către autori cehi și documentul Ministerului cehoslovac al Afacerilor Externe Arhivelor analizează problemele stabilirii granițelor publice cehoslovac al Republicii, care a apărut ca urmare a aplicării dreptului la autodeterminare a popoarelor ceh și slovac. După înfrângerea Imperiului Austro-Ungar, în primul război mondial, pe ruinele ei a apărut o mulțime de state independente, printre care și Republica Cehoslovacă.

Articolul se concentrează asupra problemelor legate de frontierele sale, care au fost stabilite în acordurile de pace și au încheiat un anumit stadiu de dezvoltare pe continentul european. Se ajunge la concluzia că sistemul de la Versailles are originea în perioada critică a punctului de cotitură istorică, atunci când contradicțiile dintre marile puteri adâncit care influențează relațiile internaționale pe toată perioada de după primul război mondial și a avut ca rezultat într-o criză serioasă și profundă a întregului sistem.

Cuvinte-cheie: Republica Cehoslovacă (RCS), frontiera de stat, sistemul de la Versailles, tratatul de pace, problema frontierelor, Comisiile de delimitare, conferința ambasadurilor.

JEL Classification: F51, F52, K33

CZU: 327.8, 327.33

Территориальное становление Чехословацкого государства непосредственно после его возникновения в октябре 1918 г. отличало с одной стороны усилие обеспечить государственные территории собственными властными средствами, с другой стороны, стремление на международном уровне достичь оптимального установления государственных границ, что, по логике вещей, привело к разнообразным формам дипломатической активности.

То внимание, которое уделялось в послевоенном обустройстве Европы установлению государственных границ, естественным образом исходит из усилий по преодолению указанной проблемы, взаимосвязь которой с суверенитетом государства, очевидна.

Международно-правовое закрепление чехословацких границ было осуществлено мирными договорами: Версальским (28 июня 1919 г.), Трианонским (4 июня 1920 г.), Сен-Жерменским (10 сентября 1919 г.) и не ратифицированным Севрским мирным договором (10 августа 1920 г.). Границы с Польшей в Тешине, на Ораве и Спише были установлены конференцией послов в городе Спад 28 июля 1920 г.

Мирная конференция в Париже акцептировала большинство территориальных требований участвующих членов конференции, за исключением экстремальных претензий на коридор с Югославией, или же далеко идущие претензии по отношению к Венгрии или Польше. Чешским регионам признали их

претензии на исторические границы, причем Словакия и Закарпатье были утверждены как составная часть Чехословакии.

Версальский мирный договор.

Ллойд Джордж 25 марта 1919 г. послал Жоржу Клемансо и Вудро Вильсону из своей резиденции в Фонтенбло меморандум «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». Документ содержал, кроме предупреждений о новой волне революционного движения в Европе, британскую программу решения ситуации и критику французских требований¹. В этом меморандуме, известном под названием «Документ из Фонтенбло» Ллойд Джордж с решительностью уговаривал державы-победительницы не только немедленно остановить дальнейшие взаимные споры в ситуации, когда назревала чрезвычайная опасность анархии и большевизации Европы, но и одновременно указал на необходимость ускоренного предложения мира, приемлемого для Германии. На основании британских предложений во второй половине апреля 1919 г. Клемансо и Вильсон пришли к принципиальному соглашению, базирующемуся, по сути, на французской политической активности, в которой главная роль принадлежала ее премьер-министру. Французский премьер Клемансо критиковал британскую и американскую благосклонность по отношению к Германии, которую усматривал как в их противодействии в вопросе ограниченных территориальных требований, так и в противодействии в вопросе ограничения германской военной силы в целом². Аргументы Великобритании и США о необходимости таких шагов в интересах использования германской армии для «подавлению большевизма» Клемансо воспринимал лишь как часть истинной цели, реальный смысл которой состоял в укреплении собственных позиции этих двух государств в Европе, что противоречило французской гегемонистской политике в этой области.

7 мая 1919 г. на Парижской мирной

конференции германская делегация получила проект мирного договора. Несмотря на протестное движение в Германии Национальное собрание приняло решение мирный договор без оговорок подписать.

Для Чехословацкой Республики (ЧСР) Версальский мирный договор с Германией в территориальном аспекте имел относительное значение. И, несмотря на то, что согласно нему (если не брать во внимание границы в историческом регионе Глучинско и Глубчице (Леобшюц)) ничего не менялось на существующих исторических чехословацко-немецких границах, этот договор был чрезвычайно важен в вопросе международного положения Чехословацкой Республики. Границы с Германией охватывали почти целую Чехию от юго-запада и до северной Моравии. Даже один этот факт указывает на то, что позиция по отношению к Германии влияла на всю чехословацкую внешнюю политику. Отношение к Германии имело еще большее значение в связи с тем, что страна, несмотря на поражение в войне и положения Версальского договора, который значительно ограничил ее силу, оставалась одной из главных европейских великих держав а, тем самым, важным игроком в международных отношениях.

Версальский мирный договор между Союзными и Объединившимися державами с одной стороны и Германией с другой был ратифицирован 10 января 1920 г. В соответствии со ст.82 договора граница между Германией и Чехословацким Государством была определена старой границей между бывшей Австро-Венгрией и Германской империей так, как она существовала к 3 августа 1914 г. Глучинской областью и Глубчице (Леобшюц) обозначалась часть Моравско-Силезской территории протяженностью приблизительно 315 кв.км с 51 219 жителями, которые проживали в 36 населенных пунктах³. Эта часть была присоединена к Чехословацкому Государству согласно ст.83 Версальского договора, который предписывал Германии обязательство отказаться от всех своих прав и оснований на часть Силезской

¹ Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties. Vol.1. London: Victor Gollancz, 1938, p. 752.

² Kolektiv. Dějiny diplomacie. Praha: SNPL, 1967, p. 186.

³ Uhlír J. Hlučínsko // Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno, 1929, p. 715.

территории. Конкретное территориальное разграничение было определено от пункта, находящегося приблизительно в 2 километрах на юго-восток от Качера на границе между уездами (Kreise) Леобшюц и Ратибор, как и самими границами обоих уездов. Далее разграничение продолжилось бывшей границей между Германией и Австро-Венгрией до пункта, находящегося на Одере непосредственно к югу от железной дороги Ратибор-Одерберг; отсюда на северо-запад и до пункта, находящегося приблизительно в 2 километрах к юго-востоку от Качера.

Установление пограничной линии на северо-востоке согласно положениям Версальского мирного договора первоначально должна была осуществить на месте немецко-польская комиссия по делимитации. Ее роль впоследствии взяла на себя международная чехословацко-немецкая комиссия по делимитации. Она временно определила границу сначала в 1920 г., а окончательно в 1923 г., когда к первоначально уступленным в пользу Чехословацкого Государства населенным пунктам были присоединены еще два (Гать а Писть)⁴.

Уступленная Германией территория Глучинска была занята 4 февраля 1920 г. чехословацкими органами и далее (13 февраля 1920 г.) был обнародован Закон №76/1920 Сборника законов и постановлений, согласно которому в соответствии с §1 расширило Чехословацкое Государство свой суверенитет на часть Верхней Силезии в пределах, которые будут... установлены международной комиссией.

В этой связи, имея в виду вышеуказанную ст.83 мирного договора, необходимо отметить, что положение, согласно которому Германия уступала в пользу Чехословацкого Государства часть Глучинского уезда (Леобшюц), в случае, если бы в процессе установления границ между Польшей и Германией дошло бы к их отделению от Германии - не вступило в силу. Это условие не было выполнено, потому что германско-польская государственная граница не была установлена так, что измененная часть

Глучинского уезда была отделена от Германии (плебисцит, проведенный на этой территории, завершился в пользу Германии), вследствие чего ее присоединение к Чехословацкому Государству стало беспредметным⁵. Сама инкорпорация Глучинска в Чехословацкое Государство реализовывалась на основании Закона №76/1920 Сборника законов и постановлений с учетом в то время действующего там немецкого правового порядка так, что §2 указанного закона устанавливал, что на этой территории останутся в силе действующие до этого правовые нормы, если они будут совместимы с чехословацким суверенитетом, в случае если не будут изменены или отменены.

Более того, §3 Закона №76/1920 Сборника законов и постановлений устанавливает, что чехословацкие законы с 1 мая 1920 г. автоматически вступают в действие и в Глучинску. Правительство, на основании §4 указанного закона было уполномочено правительственным постановлением вводить в действие чехословацкие законы по мере необходимости и в Глучинску. Предоставленные вышеуказанные полномочия чехословацкое правительство во многих случаях использовало в форме расширения действия чехословацких законов и на эту территорию⁶. Впрочем, также можно указать и на другое важное полномочие, предоставленное правительству в §5 Закона №76/1920 Сборника законов и постановлений, которое состояло в его праве реализовывать на инкорпорированных территориях все меры, необходимые для внедрения надлежащего чехословацкого управления и судопроизводства, что и было сделано правительственными постановлениями №152/1920 и №321/1920 Сборника законов и постановлений.

Поскольку Версальский мирный договор определял границу отсылкой на бывшую границу между Австро-Венгрией и Германией так, как она существовала к 3 августа 1914 г. (ст. 27, п. 6, ст. 82), необходимо было для конкретного установления этой пограничной линии уточнить, как именно пролегла в

⁴ Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno: Nakl. Polygrafia, 1929, p. 715.

⁵ Ibidem, p. 797.

⁶ Ibidem, p. 715.

установленный день германско-австрийская граница. Поэтому нужно было обратиться к ранее существовавшим международным актам, которые определяли германско-австрийскую границу. Речь шла о международных договорах, которые устанавливали указанную границу, как и о других документах, или же более поздних договорах, заключенных между двумя соседними государствами. Вступление их в силу осуществилось последующей нотой чехословацкого министерства иностранных дел от 8 июля 1920 г. №15772/992 на основе ст. 289 Версальского мирного договора. Эта нота была подтверждена в законном порядке 4 августа 1920 г. нотой посольства Германской империи №1519⁷.

Версальский мирный договор был подписан на конференции в Париже уполномоченными от чехословацкой делегации К. Крамаром и Э. Бенешом. На основании постановления Национального собрания от 10 ноября 1919 г. договор был утвержден ратификационной грамотой. Ее требуемая передача на хранение на министерство иностранных дел в Париже состоялась 10 января 1920 г. параллельно с составлением первого протокола о хранении ратификационных грамот, чем договор вступил в силу на международном уровне. Чехословакия, таким образом, непосредственно принимала участие при создании этого договора, которым формально завершилась Первая мировая война.

Сен-Жерменский мирный договор.

Подписание договора с Австрией в парижском предместье Сен-Жермен-ан-Ле фактически состоялось в тот момент, когда основные переговоры Парижской мирной конференции были закончены. Из бывших австрийских территорий в Чехословакию вошли Богемия, Моравия, два населенных пункта Нижней Австрии и часть Силезии. Австрия в Сен-Жерменском договоре признала полную независимость Чехо-Словацкого Государства⁸. Уже в преамбуле договора констатируется, что главные союзные и объединившиеся державы признают Чехо-Словацкое Государство (в

территорию которого входит часть территории Австро-Венгрии) как государство свободное, независимое и союзное.

Границы между Чехословацкой Республикой и Австрией мирный договор устанавливал в ст.27 п.6 частично отсылкой на старые административные границы между Богемией и Моравией с одной стороны, и Нижней и Верхней Австрией с другой. Конкретно определение пограничной линии было установлено от совместной точки границы (стык границ Австро-Венгрии и Чехословакии) приблизительно 1 км на запад от Антоньегофа - на восток от населенного пункта Копчаны (Киттзе) откуда аж к изгибу старой границы 1867 г. между Австрией и Венгрией около 2 км 500 м к северо-востоку от Берга.

Линия разграничения должна была определиться на месте, пересекая дорогу от Копчан в Братиславу, оттуда на север до точки, которая должна быть избрана на главном фарватере Дуная около 4 км 500 м вверх по течению от братиславского моста.

Ее дальнейшее прохождение было выбрано по течению Моравы и Дие (Тайя), как и частичным указанием пограничной линии с определенным требованием, что окончательно она будет уточнена на конкретной местности⁹.

В интересах как можно более быстрой и безболезненной работы международной комиссии по разграничению в Праге 10 марта 1921 г. между ЧСР и Австрией был заключен договор о проведении австрийско-чехословацкой границы и некоторых связанных с этим вопросах¹⁰. Договор не содержал окончательных диспозиций что касается местности, но в территориальных вопросах создал подготовительную основу для решений делимитационной комиссии. В отделе II договора, в котором составной частью были положения об установлении пограничной линии в области Валтице, речь не шла об отклонении от границы, описанной в Сен-Жерменском мирном договоре, поскольку в этом случае имелась в виду договоренность двух государств относительно установления границы на участке, где линия дословно должна быть

⁷ Vyhláška ministerstva zahraničných vecí č.387/1921 Sbírky zákonů a nařízení.

⁸ Oddiel III. čl.53 Saint-Germainskej zmluvy. // Sbirka zákonů a nařízení č.507/1921.

⁹ Sbírky zákonů a nařízení, částka 133 z 31.12.1921, č.507, p. 1899-1901.

¹⁰ Č. 288/1922 Sbírky zákonů a nařízení.

определена делимитационной комиссией¹¹. Документ был определяющим и для работы австрийской делимитационной комиссии, которая действовала в области Валтице.

В соответствии со ст.55 Сен-Жерменского договора была создана международная комиссия по делимитации, состоявшая из семи членов, пять из которых назначали Главные Союзные и Объединившиеся державы, и по одному государство чехословацкое и австрийское.

В целом можно констатировать, что Сен-Жерменский мирный договор несмотря на прописанные детали, не охватывал все правовые и иные аспекты новой ситуации, которая была связана с возникновением ЧСР, поэтому его необходимо было дополнять последующими договорами, в этом случае речь шла о двухсторонних соглашениях. Сен-Жерменский мирный договор вступил в силу 10 января 1920 г.

Трианонский мирный договор

Трианонский мирный договор¹², также как и Сен-Жерменский мирный договор, означал признание распада Австро-Венгерской монархии. Венгрия, которая вместе с Австрией образовывала ядро монархии, подписанием этого документа была вынуждена без оговорок принять новую ситуацию.

Однако в этой связи необходимо отметить, что линия границы, обозначенная в Трианонском договоре, уже перед этим указывалась в постановлении Верховного совета союзников от 12 июня 1919 г. и письмом генерального секретариата мирной конференции была нотифицирована 14 июня 1919 г. одновременно Чехословакией и Венгрией¹³.

Линия границы, определенная предметным способом, была однако модифицирована на участке в районе Шальготарьян между населенными пунктами Сомошова и Сомошка¹⁴ решением Совета Лиги Наций от 23 апреля 1923 г. Причиной изменений была спорность решения

чехословацко-венгерской комиссии по делимитации о новой пограничной линии в этом месте. Комиссия по делимитации в результате голосования по вопросу о двух вариантах пограничной линии не пришла к окончательному решению.

Председатель комиссии в связи с негативным результатом, в конце концов, нашел выход из критической ситуации, приняв решение о внесении вопроса на Совет Лиги Наций. Совет после предварительных обязательств обеих сторон подчинится постановлению, выступил в роли арбитра и вынес решение 23 апреля 1923 г. таким способом, что установил подробное описание границы на спорном участке. Решение обеспечило Чехословакии возможность использовать железнодорожную станцию в Сомошовой (Somoskőújfalu) как пограничный и таможенный пункт, причем чехословацкая сторона предоставила Венгрии различные льготы, связанные с добычей камня в одной из каменоломен севернее от Венгрии, включая возможность его последующего вывоза на венгерскую территорию. Эти вопросы были подробно урегулированы договором правительств обеих государств 9 января 1924 г.¹⁵

Само уточнение границ, аналогично как в случае с Австрией осуществилось уже на базе последующих более детальных переговоров.

В третьей части IV раздела Трианонского мирного договора сформулировано отношение Венгрии к Чехословакии с международно-политической точки зрения. В ст. 48-49 договора Венгрия признает полную независимость Чехословацкого Государства. Одновременно отказывается в его пользу от всех прав и законных титулов на территории бывшей Австро-Венгерской монархии, которая расположена за границами Венгрии, так как это установлено в ст.24 часть II (границы Венгрии) и признано частью Чехословацкого Государства Трианонским договором или договорами, заключенными в последующем для урегулирования этих вопросов¹⁶.

Трианонским договором со стороны Венгрии было высказано однозначное

¹¹ Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. *Op. cit.*, p. 798.

¹² Č. 102/1922 Sbírky zákonů a nařízení.

¹³ Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. *Op. cit.*, p. 798.

¹⁴ Sbírka zákonů a nařízení, částka 29, č. 102 z 28.3.1922, část II, p. 335.

¹⁵ Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. *Op. cit.*, p. 788-789.

¹⁶ Sbírka zákonů a nařízení, částka 29, č. 102 z 28.3.1922, část II, p. 341-342.

согласие с вхождением Словакии и Закарпатской Украины в состав Чехословацкого Государства. Можно констатировать, что таким образом после длительного периода словаки получили национальную свободу, хотя и значительно ограниченную.

Венгрия так никогда и не смирилась с выходом словацких земель из состава Венгрии, также как и с окончательным оформлением государственных границ. Страна использовала каждую возможность для возобновления споров по этим вопросам и целенаправленно стремилась к пересмотру Трианонского договора, что, в конечном итоге, при массивной поддержке гитлеровской Германии удалось осуществить в Мюнхене в 1938 г.

Севрский мирный договор.

Чехословацко-румынская государственная граница была урегулирована Севрским мирным договором в ст.2 п.4 как течением рек (Батар и Тиса), так и по необходимости линиями водоразделов или наконец в виде приблизительно установленной линии, которая должна была быть уточнена на месте. Таким способом урегулированная граница была определена предшествующим постановлением Верховного совета союзников от 7 августа 1919 г.

Указанное постановление было одновременно нотифицировано письмом генерального секретариата мирной конференции двум государствам-участникам 8 августа 1919 г. Таким способом конкретизированная государственная граница была впоследствии изменена практически в трех местах чехословацко-румынским договором от 4 апреля 1921 г., в котором вопросы границы были более детально урегулированы. Речь шла об изменениях на западной границе, где была осуществлена полная либо частичная замена некоторых населенных пунктов и кадастров Велкий Палад, Фергеш-Алмаш и Акли, которые отошли Чехословакии, и населенные пункты Бочков, Батарач, Селло-Комбош, Шаразпатак и Велка Турна вошли в Румынию¹⁷. А также Чехо-Словакия уступила Румынии в соответствии с договором территории южнее

от реки Тиса, которые были локализованы частично в кадастре населенного пункта Тячив с пунктом Франзестал включая населенный пункт Реметэ. А также Чехословакия уступила Румынии находящееся восточнее от Тисы селение Вишевелги.¹⁸

Чехословацко-румынская комиссия, которая была учреждена 1 марта 1923 г. постановлением конференции послдов, действовала в соответствии с намерениями, содержащимися в договоре, подписанном государствами-участниками еще 4 апреля 1921 г. А двухсторонние переговоры о статусе пограничного режима (начатые в 1929 г.) имели затяжной характер и часто прерывались¹⁹.

Это в немалой степени было связано с фактом, что Севрский мирный договор не был ратифицирован «Союзными и Объединившимися державами» в связи с турецким революционным движением и созданием нового правительства в азиатской части Турции.

Севрский мирный договор называли еще «пограничным договором» поскольку его подписали 5 государств Антанты с одной стороны и Чехословакия, Югославия и Румыния с другой. Польша его не подписала из-за того, что в нем не были указаны границы между Польшей и Восточной Галицией. Севрский мирный договор, который определял границы четырех указанных государств, от Чехословакии подписал уполномоченный Ш. Осуский.

Необходимость подписания этого договора была связана в первую очередь с тем, что вторая часть мирных договоров, в которых излагались положения о границах, часто определяла границы этих государств лишь частично и негативно, в особенности, когда это касалось Чехословакии. Установление границ ЧСР реализовывалось постепенно, особенно беря во внимание факт, что международные правомочия отдельных мирных договоров давали данные, которые значительно разнились. Поэтому необходимо было определить установление границ решением Верховного совета мирной конференции в Париже.

¹⁷ Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. *Op. Cit.*, p.799.

¹⁸ Idem.

¹⁹ Idem.

Появилась необходимость позитивно установить пограничные пункты Чехословацкого Государства, в первую очередь на тех отрезках, о разграничении которых в мирных договорах не имелось никаких положений. Это осуществилось «пограничным договором», подписанным в г. Севре 10 августа 1920 г., который, как уже упоминалось, окончательным способом установил также границы государства румынского, польского и югославского.

Статья 2 этого договора генеральным способом устанавливает линию границы ЧСР следующим образом: граница с Германией определена Версальским мирным договором, граница с Австрией - Сен-Жерменским мирным договором, с Венгрией - Трианонским, который корреспондирует с решением Верховного совета союзников об этих границах от 12 июня 1919 г. (утверждено Национальным собранием 7 ноября 1919 г.).

Граница с Румынией детально описана и совпадает полностью с границей, определенной решением Верховного совета мирной конференции от 7 августа 1919 г. (утверждено Национальным собранием 7 ноября 1919 г.).

Границу между ЧСР и Польшей образовывала бывшая пограничная линия между Галицией и Венгрией, бывшая граница между Силезией и Венгрией, и, наконец, бывшая граница империи между Австрией и Германией.

Исключением являлись лишь бывшие территории, где были проведены плебисциты - Тешин, Орава, Спиш. Граница в этих областях проходила по линии, установленной решением Совета послов в Париже от 28 июля 1920 г.²⁰.

В Севрском мирном договоре содержится и интерпретация мотивации заключения договора в виде констатации, чтобы был обеспечен суверенитет Польши, Румынии, Государства Словенцев, Хорватов и Сербов, Государства Чехословацкого на территориях, которые были признаны каждому из них.

Кроме договора о границах, подписанного в г. Севре Главными Союзными и Объединившимися державами и Румынией, Государством Словенцев, Хорватов и Сербов, Чехословакией (при отсутствии подписи

Польши), 10 августа 1920 г. в том же г. Севре Италия, Польша, Румыния, Государство Словенцев, Хорватов и Сербов и Чехословакия, то есть государства «successifs de la Monarchie Austro-Hongroise» подписали между собой еще и новый договор, который урегулировал некоторые вопросы экономического и правового характера, возникшие в результате распада Австро-Венгерской монархии.

С учетом того, что Севрский мирный договор не был ратифицирован, необходимо обратить внимание на договор, подписанный между Румынией и Чехословакией 4 мая 1921 г. Этот договор изменил и продолжил границу чехословацко-румынскую, поскольку обменом трех населенных пунктов в пользу Чехословакии и шести населенных пунктов плюс три поселения в пользу Румынии произошел фактический компенсационный обмен соответствующих частей приграничных территорий.

На основании этого договора Румыния окончательно уступила ЧСР уже указанные населенные пункты Велкий Палад, Акли, Фертеш-Алмаш, а населенные пункты Бочков, Комбош, Велка Тэрнавка и Сухий Поток ЧСР уступила Румынии, включая несколько селений территориально находящихся в Закарпатской Украине.

Деятельность комиссий по делимитации и принятие окончательных решений по вопросам границ.

Мировые договоры, заключенные на конференции в Париже, создали правовой базис для установления границ лимитрофных государств, однако конкретные правомочия установления пограничных линий на месте, определенных в мирных договорах как «линии, подлежащие определению на месте», были поручены комиссиям по делимитации.

Комиссии по делимитации имели правомочия определять и новое прохождение границы, несмотря на изначально указанные в мирных договорах, а в случае необходимости пересматривать отрезки границ, установленные в соответствии с границами административными, если об этом заявило одно из заинтересованных государств.

Конференция послов в Париже выдала в соответствии с этим 22 июля 1920 г. «Регламентации для комиссий по разграничению», где в общем разделе этого

²⁰ Zákon č.20/1925 Sbírky zákonů a nařízení.

документа относительно подробно отрегулировала их полномочия.

Комиссии по разграничению были уполномочены зафиксировать на конкретной местности: а) в начале, границы, установленные в мирных договорах; б) дополнительно также границы, установленные на основании плебисцита, предусмотренного в случаях, определенных мирными договорами.

Положения мирных договоров о составе комиссий по делимитации, как о содержании их деятельности были согласованы. В связи с этим необходимо указать на ст. 83 Версальского договора (глуцинская граница), ст. 55 Сен-Жерменского и ст. 50 Трианонского договора; статьи 29-30 Версальского договора, ст. 28-35 Сен-Жерменского, ст. 28-35 Трианонского договора.

Комиссии состояли из семи членов, из которых пять были назначены Главными Союзными и Объединившимися державами (Великобритания, Франция, Италия, Япония, США) и по одному члену от каждого из двух государств, прямо участвующих в установлении государственной границы.

В соответствии со статьей 83 Версальского, статьей 29 Сен-Жерменского и статьей 29 Трианонского договора «решения Комиссии будут приниматься большинством голосов и будут обязательны для заинтересованных сторон».

Из этого положения, как и из общего состава комиссий по делимитации становится очевидным, что пять держав-победительниц претендовали на право территориального определения «новой Европы», непосредственно модифицируя установление границ правопреемственных государств в центральной и восточной Европе. Державы, таким способом, обеспечили для себя решающее влияние, которое внедряли на практике через своих послов в Париже, которые здесь по этим вопросам вели переговоры в специальном сборе на так называемой конференции послов.

Хотя мирные договора не содержат упоминание о том, что комиссия послов в Париже должна была иметь указанные полномочия, но комиссия по сути дела стала высшей инстанцией для семичленных комиссий по делимитации учрежденных

мирной конференцией в 1919-1920 гг.

Для окончательного установления пограничной линии между Чехословакией и соседними государствами Совет послов назначил «Международную комиссию для установления границ» в состав которой вошли полковник Р. Уффлер как представитель Франции, полковник Кери от Великобритании и полковник Пелицелло от Италии. При установлении границы в Тешине в работе комиссии принимал участие от октября 1920 г. до февраля 1921 г. и представитель США. Представитель Японии был членом комиссии по делимитации от начала 1920 г. аж до конца марта 1923 г., когда Япония отозвала своих уполномоченных из всех комиссий по делимитации в Европе²¹.

Под наблюдением конференции послов в соответствии с вышеуказанными статьями договоров 16 января 1920 г. была учреждена уже вышеуказанная чехословацко-польская комиссия по делимитации. После определения глуцинской границы, обозначенной на восток от Качера, комиссия завершила свою деятельность 6 декабря 1923 г. Чехословацко-румынская комиссия по делимитации полностью закончила выполнение своих функций 19 мая 1923 г.

Местонахождение чехословацко-венгерской комиссии по делимитации, которая работала с 27 июля 1921 г., сначала было в городе Вац, Венгрия (с мая 1922 г.), потом в Братиславе (до декабря 1922 г.), потом до окончания своей деятельности 15 мая 1925 г. в Будапеште. Работу этой комиссии характеризовало не только самое большое количество вопросов, которые предстояло решить (всего состоялось 40 заседаний комиссии - абсолютно наибольшее число из всех комиссий), но и резистентность по отношению к политическому давлению со стороны членов венгерской делегации²². Уже 9 августа 1921 г. один из членов венгерской делегации на заседании комиссии предъявил

²¹ Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J. *Op. Cit.*, p. 331.

²² Houdek F. *Práca rozhraničovacej komisie*, Comenius, Slovenský almanach, Bratislava; Chaloupek V. *Unsere Grenze gegen Ungar*, Prager Presse, 1921, august 26-31; Hranice Československé Republiky, Praha, 1920; Horna R. *Hranice Republiky Československé ve svetle historie*, Bratislava, 1924.

этнографическую карту бывшей Венгрии в стремлении наглядно продемонстрировать населенную венграми территорию, переданную мирным договором Чехо-Словакии. Со ссылкой на сопроводительное письмо А. Мильерана, председателя мирной конференции, член венгерской делегации требовал пересмотра границ на некоторых отрезках, но что в его интерпретации выглядело как изменение целой чехословацко-венгерской пограничной линии²³. Он предложил к рассмотрению два варианта новых границ, которые почти полностью были изменены и отклонились бы от пограничной линии, установленной мирным договором.

В рамках переговоров представитель чехословацкой делегации в этом вопросе в противовес указал на тот факт, что и в Венгрии остаются за границами территории-анклавы, на которых проживают словаки, в регионе Новоградской столице и по Вацов. В интересах избегания дальнейших недоразумений он предложил карту, на которой были очерчены границы согласно положениям мирного договора и требовал, чтобы эта карта была акцептирована как базис для дальнейших разработок комиссии²⁴.

Комиссары, участвующие в переговорах, пришли к единому мнению относительно предложения представителя Венгрии, высказавшись по поводу упоминания А.Мильерана о способе реализации некоторых поправок границы. Они констатировали, что формулировка предложенных изменений границы не распространяется ни в коем случае на целую границу Венгрии с некоторыми из соседних государств, но лишь исключительно на некоторые участки границы, на которых бы была определена явная необоснованность пограничной линии. Державы-победительницы хотели создать новое государство, Чехословакию, и создать для этого необходимые условия, а предложения представителя Венгрии бы создало из Словакии страну, которая «невозможна». Кроме того, из сопроводительного письма А.Мильерана явно исходит, что речь идет не о возможности полного перемещения

пограничной линии, а лишь о изменениях на определенных «некоторых местах».

Само количество конкретно решенных комиссией вопросов (171), сложность ситуации на участках границы: Шаги, Тарьяны, Новоград, Гемер, Нове место под Шиатром и другие, показывает насколько тяжелой была работа этой делимитационной комиссии. Несмотря на это, в период с 4 по 6 мая 1922 г. она окончательно урегулировала и верифицировала все критические участки чехословацко-венгерской границы, на которых были осуществлены изменения по сравнению с Трианонским мирным договором.

Кроме указанных трех комиссий по делимитации, созданных в соответствии с положениями мирных договоров, все остальные комиссии в которые входили представители Чехословакии (не считая чехословацко-немецкую комиссию) были созданы на основе решения конференции послев. Речь шла о следующих комиссиях по делимитации: чехословацко-польской, чехословацко-румынской и чехословацко-немецкой (созданной в 1923 г. исключительно для дефинитивной делимитации глучинской границы).

На основании договора между Чехословакией и Германией от 13 апреля 1926 г. была создана новая чехословацко-немецкая комиссия по делимитации с целью пересмотра целой чехословацко-немецкой границы, кроме уже вышеуказанного глучинского участка. Чехословацко-немецкая граница, т.е. бывшая австрийско-немецкая, хотя и была прямо установлена в ст. 27 п. 6 и ст. 83 Версальского мирного договора с примечанием, что граница будет обозначена так, как существовала к 3 августа 1914 г., однако в этой связи в примечании не содержалось никаких детальных аспектов возможного пересмотра. Именно актуальность осуществления единого пересмотра целой чехословацко-немецкой границы и привела к последующему возникновению этой новой комиссии. Результатом работы комиссии стало договорное установление границ Чехословакии с Германией²⁵ по вопросам

²³ Houdek F. Vznik hranice Slovenska, Bratislava, 1931, p. 374.

²⁴ Idem.

²⁵ Zákon č. 212/1937 a č. 213/1937 Sbirky zákonů a nařízení.

пограничных водных токов на саксонском и баварском участках, как и обмен частей пограничных территорий.

Государства в интересах целенаправленного проведения границ договорились о взаимобмене на 12 участках и на 80 местах общей площадью 108 га, что было связано, в значительной степени, с перемещением границ на середину русла пограничных рек (Эльба и Огрже), как и с выравниванием пограничных территорий²⁶.

Порядок работы всех комиссий по делимитации регламентировали общие положения конференции послов, которые базировались на положениях ст.29-35 Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров. В целом эти договора регламентировали последовательность деятельности комиссий, разделив их на четыре основных этапа: 1) подготовка общего плана для действий на данной границе; 2) установление положения и направления пограничной линии на карте; 3) установление знаков и подробное нанесение местоположения на картах; 4) просмотр осуществленного разграничения и оформление протокола на картах. Следует дополнить, что один из членов чехословацко-венгерской делегации Ф.Гоудек уточнил эту процедуру на основе практического опыта следующим образом: 1) установление границ в целом; 2) подробное установление границ на отдельных участках; 3) оформление рабочего графика; 4) проведение линии границы на местности; 5) ее обозначение; 6) замеры; 7) размещение пограничных знаков; 8) ревизия всей технической работы; 9) политический контрольный обход; 10) составление окончательного протокола с разработкой всех документов²⁷.

Все этапы работы комиссии по делимитации привнесли множество поводов, которые в процессе конфронтации прямо участвующих сторон вели к спорам немаловажного политического характера. Урегулирование этих конфликтов было предпосылкой позитивного результата их общих стремлений.

Чехословацкое правительство после

²⁶ Tobolka Zd. Naučný slovník aktualit, Praha, 1938, p. 79-80.

²⁷ Houdek F. Vznik hranice Slovenska, Bratislava, 1931, p. 387.

интенсивных переговоров с соседними государствами в марте 1930 г. предложило палате депутатов проект конституционного закона²⁸ об урегулировании государственных границ с Германией (о границе в регионе Глущинско), с Австрией и Венгрией. Исходными документами для закона были протоколы комиссий по делимитации.

Палата депутатов Национального собрания 11 июля 1930 г. утвердила проект этого закона²⁹, что привело к формальному завершению вопросов границ, непосредственно актуализировавшихся с распадом Австро-Венгерской монархии.

Проблематика чехословацко-польских границ в регионе Тешин и Яворина.

Измененная международная ситуация, выплывающая из послевоенного экономического кризиса, отразилась и на развитии чехословацко-польских отношений. Непосредственной причиной того, почему чехословацкое и польское правительство отошли от платформы обостренных неприяельских отношений, вылившихся в военный конфликт в Тешинской области, было в частности с тревогой наблюдаемое развитие событий в Германии. Кроме того на улучшении взаимоотношений Чехословакии и Польши настаивали Франция и Румыния³⁰.

Тогдашний спор Польши с Германией о Верхнюю Силезию в наибольшей степени оттеснял на второй план спор с Чехословакией о меньшие изменения границ, как обоюдную борьбу за получение территорий в области Яворины. Э.Бенеш использовал такую возможность и предложил посредничество для пользы Польши³¹. В этой атмосфере в августе 1921 г. начались прямые переговоры между Чехословакией и Польшей, которые закончились 6 ноября 1921 г. заключением чехословацко-польского договора.

Приложения этого договора содержат меры по урегулированию связанных вопросов на плебисцитной территории Тешина, на Ораве и Спише. Была учреждена специальная

²⁸ Tisk Poslanecké snemovne č.293 Národného Shromáždění Republiky Československé, 1930.

²⁹ Zákon č. 102/1930 Sbírky zákonů a nařízení.

³⁰ Gajanová A. ČSR a Stredoevropská politika veľ'moci (1918-1938), ČSZV, Praha, 1967, p. 89-90.

³¹ Archiv Ministerstva zahraničních věcí (AMZV), telegram podacie č.5695 z 19.6.1921.

польско-чехословацкая комиссия, уполномоченная к изучению «мер необходимых для введения состояния законности, благопристойности и справедливости на упомянутой территории в интересах успокоения отношений между поляками и чехословаками»³². Одновременно в пункте б) приложения стороны договорились о сроке в 6 месяцев для урегулирования спорного вопроса Яворины³³.

Чехословацко-польская комиссия по делимитации в этой атмосфере предложила в июле 1921 г. указанный спор на Конференцию послов в Париже, которая далее в процессе принятия решения по этой проблеме обратилась с запросом о заключение в Совет Лиги Наций, который 20 сентября 1921 г. принял решение о вынесении спора на Международный суд в Гааге.

Международный суд после рассмотрения спора в период с 13 ноября 1923 г. по 6 декабря 1923 г. склонился к чехословацкой позиции, аргументы которой базировались на действующем решении Совета послов от 28 июля 1920 г. по вопросу о новых границах³⁴. Совет Лиги Наций 17 декабря 1923 г. постановил возложить обязательство на чехословацко-польскую комиссию по делимитации предложить новый проект с учетом гаагских выводов. Комиссия по делимитации впоследствии выработала новый проект, акцептирующий аспекты гаагских выводов и предложила его Совету Лиги Наций, которая 12 марта 1924 г. выдала резолюцию, совпадающую с чехословацкой позицией³⁵.

Последней формальностью, предшествующей окончательному решению проблемы спорных территорий, было составление протокола 6 мая 1924 г. (в г. Краков) между двумя участвующими государствами и подписание достигнутого договора.

Проект придерживался пограничной линии, установленной Советом послов в 1920 г., с незначительными изменениями на

участке от реки Дунаец по Маляровку в пользу Чехословакии, далее придерживался в целом компромиссно избранной линии по Брию, при этом на юге оставляя польской стороне выступ в кадастре Юргова. Согласно этому протоколу установленные границы и были обозначены.

Стремление усилить свои позиции в последующих переговорах с Германией вели в этот период правительства Чехословакии и Польши к определенному сближению, что было выражено и заключением ликвидационного арбитражного и торгового договора между двумя государствами, чему предшествовало заключение в Париже договора между ЧСР и Францией 25 января 1924 г.

Заключение. Версальская система возникла в критический период исторического перелома, когда было нарушена сплоченность тогда существующего капиталистического мира. Состояние общей нестабильности, которое стало отражением глубокого кризиса и углубление противоречий между сильными державами, обуславливали международные отношения на протяжении всего периода после окончания Первой мировой войны.

Территориальные изменения, которые произошли в связи с утратой гегемонистских позиций Германией и распадом Австро-Венгрии на правопреемственные государства, нарушали существующее равновесие в этой области. Сложность и противоречивость ситуации непосредственно сказались не только на ходе парижских переговоров, но и на отдельных их результатах - мирных договорах.

Версальская система с момента своего возникновения выполняла две взаимно противоречащие задачи - кодифицировала итоги войны между побежденными и государствами-победителями, а с другой стороны создавала платформу сотрудничества без учетов результатов войны. Кроме того, сформировалась и широкая оппозиция, которая была настроена против основ этой системы.

Это обозначает, что в период формирования Версальской системы возникла сложная ситуация, которая кульминировала конфронтацию всех противоречивых моментов, накопленных в

³² Wandycz P. France and Her Easter Allies 1919-1925 (French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno), Minneapolis, 1962, p. 397.

³³ Idem.

³⁴ Houdek F. Vznik hranice Slovenska, Bratislava, 1931, p. 321-323.

³⁵ Idem.

послевоенной Европе. Все вышеуказанное вылилось в 1920 г. в серьезный и глубокий кризис целой системы, что явилось важнейшим переломом в дальнейшем развитии Европы.

Библиография / Bibliography:

1. Archiv Ministerstva zahraničních věcí (AMZV), telegram podacie č.5695 z 19.6.1921.
2. Chaloupek V. Unsere Grenze gegen Ungar, Prager Presse, 1921, august 26-31.
3. Gajanová A. ČSR a Stredoevropská politika veľmocí (1918-1938), ČSZV, Praha, 1967, p. 89-90.
4. Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno: Nakl. Polygrafia, 1929. 715 p.
5. Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno: Nakl. Polygrafia, 1929. 797 p.
6. Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno: Nakl. Polygrafia, 1929. 715 p.
7. Hácha E., Havelka J., Hobza A., Weyr F., Hoetzel J., & Laštovka K. Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno: Nakl. Polygrafia, 1929. 798 p.
8. Horna R. Hranice Republiky Československé ve svetle historie, Bratislava, 1924.
9. Houdek F. Práca rozhraničovacej komisie, Comenius, Slovenský almanach, Bratislava, 1931.
10. Houdek F. Vznik hranice Slovenska, Bratislava, 1931. 374 p.
11. Hranice Československé Republiky, Praha, 1920.
12. Kolektiv. Dějiny diplomacie. Praha: SNPL, 1967. 186 p.

13. Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties. Vol.1. London: Victor Gollancz, 1938. 735 p.

14. Oddiel III. čl.53 Saint-Germainskej zmluvy. // Sbirka zákonů a nařízení č.507/1921.

15. Sbirka zákonů a nařízení, čiastka 29, č. 102 z 28.3.1922, část II, P. 341-342.

16. Sbirka zákonů a nařízení, čiastka 29, č. 102 z 28.3.1922, část II, P.335.

17. Sbirky zákonů a nařízení, čiastka 133 z 31.12.1921, č.507, P.1899-1901.

18. Sbirky zákonů a nařízení. Č. 288/1922.

19. Sbirky zákonů a nařízení. Zákon č.102/1930.

20. Sbirky zákonů a nařízení. Zákon č.20/1925.

21. Sbirky zákonů a nařízení. Zákon č.212/1937 a č.213/1937.

22. Sbirky zákonů a nařízení. Č. 102/1922.

23. Tisk Poslanecké snemovne č.293 Národního Shromáždění Republiky Československé, 1930.

24. Tobolka Zd. Naučný slovník aktualit, Praha, 1938, P. 79-80.

25. Uhlír J. Hlučínsko // Slovník veřejného práva československého, Vol.1, Brno, 1929. 715 p.

26. Vyhláška ministerstva zahraničních věcí č.387/1921 Sbirky zákonů a nařízení.

27. Wandycz P. France and Her Easter Allies 1919-1925 (French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno), Minneapolis, 1962. 397 p.

Copyright©MRAZ Stanislav, ZUBRO Tetyana, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

852 35 Bratislava, Dolnozemska cesta 1, Slovakia.
Ekonomická univerzita v Bratislave

E-mail: lipkova@euba.sk

E-mail: ztp@centrum.sk

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2016, Issue 2, Volume 11, Pages 244-252. ISSN 1857-1999 Submitted: 16. 05. 2016 Accepted: 15.06. 2016 Published: 30.06. 2016
---	--

**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**THE TURBULENT REALITY OF THE GLOBAL ECONOMY:
A HUGE TASK FOR NEW ECONOMIC DIPLOMACY**

**ТУРБУЛЕНТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ –
ОГРОМНАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

**REALITATEA TURBULENTA A ECONOMIEI MONDIALE –
SARCINĂ URIAȘĂ PENTRU NOUA DIPLOMAȚIE ECONOMICĂ**

ВОНАС Radomír* / БОГАЧ Радомир / ВОНАСІ Radomir

ABSTRACT:

**THE TURBULENT REALITY OF THE GLOBAL ECONOMY:
A HUGE TASK FOR NEW ECONOMIC DIPLOMACY**

The article analyses the fundamental trends of the international development that will shape the overall functioning of economic diplomacy of smaller countries, especially with respect to its new direction and tasks.

The author of this article believes that countries with pro-exporting and open economies should reshape their institutional frameworks and the ways of managing economic diplomacy with the impetus to form a strategic interaction between government and business community as a crucial client of economic diplomacy.

The article concludes by arguing that economic diplomacy will remain a vital instrument of foreign and economic policy and should significantly contribute to generating jobs, economic growth and speeding up the process of transition from industrial to knowledge-based economy.

Keywords: *globalisation, challenges, economic diplomacy, small states, government and business.*

JEL Classification: F62, G28, H11

РЕЗЮМЕ:

**ТУРБУЛЕНТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ –
ОГРОМНАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

В статье анализируются основные тенденции международного развития, которые будут формировать общее функционирование экономической дипломатии малых стран, особенно в том что касается развития новых направлений и задач.

Автор считает, что страны с про-экспортирующие и с открытой экономикой должны перестроить институциональные рамки и формы управления экономической дипломатии с импульсом

* **ВОНАСІ Radomir** - Ambasador, Director general de secție în aparatul Ministrului de externe din cadrul Ministerului Afacerilor Externe și Europene al Republicii Slovace, doctorand, Facultatea Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă). / **ВОНАС Radomir** - Ambassador, Director-General of the Section of Foreign Minister in the Ministry of Foreign and European Affairs of the Slovak Republic, PhD student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic). / **БОГАЧ Радомир** - Посол, Генеральный директор департамента в аппарате Министра иностранных дел в Министерстве иностранных и европейских дел Словацкой Республики, аспирант, Факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Республика Словакия).

на формы взаимодействия между правительством и деловыми кругами в качестве важнейшего клиента экономической дипломатии.

В статье делается вывод, что экономическая дипломатия остается важной частью внешней и экономической политики и должна способствовать созданию рабочих мест, экономическому росту и ускорению процесса перехода от индустриальной экономики к экономике, основанной на знаниях.

Ключевые слова: глобализация, вызовы, экономическая дипломатия, малые государства, правительство и бизнес.

JEL Classification: F62, G28, H11

УДК: 330.88, 339.9, 339,97

REZUMAT :

REALITATEA TURBULENTA A ECONOMIEI MONDIALE – SARCINĂ URIAȘA PENTRU NOUA DIPLOMAȚIE ECONOMICĂ

Articolul analizează tendințele fundamentale ale dezvoltării internaționale care vor influența funcționarea generală a diplomației economice a țărilor mai mici, în special privitor la noile direcții și sarcini de dezvoltare.

Autorul consideră că țările pro-exportatoare și economiile deschise ar putea remodela cadrul instituțional și formele de gestionare a diplomației economice ca un impuls a formelor de interacțiune între guvern și comunitatea de afaceri în calitate de client crucial al diplomației economice.

Articolul concluzionează că diplomația economică rămâne o parte importantă a politicii externe și economice și ar trebui să genereze locuri de muncă, creșterea economică și de a accelera procesul evoluției de la economia industrială la economia bazată pe cunoaștere.

Cuvinte cheie: globalizare, provocări, diplomația economică, statele mici, guvern și comunitatea de afaceri.

JEL Classification: F62, G28, H11

CZU: 330.88, 339.9, 339,97

1. Introduction

Modern economic diplomacy started to form more saliently between the 19th and 20th Centuries. The first wave of globalization was then at its peak and led to extensive changes.¹ However, the political and security agenda were still perceived as more important. That changed after the Second World War when the role of international cooperation increased significantly. At the end of the 1970s, an extensive economization of politics led by M. Thatcher and R. Reagan took place, *inter alia*, as a consequence of the inclusion of the Soviet economy in the global economic system.² Deregulation, liberalization and privatization became the three pillars of the neoliberal economy. Thusly, economic diplomacy began to acquire its current shape.

Free trade has strengthened as a consequence of the Iron Curtain's collapse. Changes caused by

the growth of international trade and apprehensions of possible losses in trade and, by extension, the wealth itself, mobilized states. Today, the crucial emphasis by all diplomatic services is, definitely, placed more on the economic sphere, rather than the political. Economic diplomacy represents *sine qua non* - a key instrument of foreign and economic policy to generate jobs and economic growth of all, but especially, small and medium-size countries.

Economic diplomacy, however, does not exist in a vacuum. It must react to the highly competitive and turbulent realities of the world economy and the world politics. The global processes, including the decreasing level of the global trade place new requirements and challenges on economic diplomacy, especially in the case of small and export-oriented countries.

Economic diplomacy is thus primarily shaped by increasingly intense economization of international relations; it largely determines the development and the overall perception of states' diplomatic missions. Diplomatic services of many countries now attract more economists than law graduates – economics becomes a driver of political relationships. This is an important proof

¹ Tóth E., Horváthová K. Hospodárska diplomacia. Bilaterálne vzťahy. Bratislava: Sprint 2006, 20f.

² Gaidar Y. Collapse of an Empire. Lessons for Modern Russia. Brookings Institution Press, Washington 2007, p. 110.

of economics becoming a vital and often dominant component of bilateral relations. For every state, but particularly the smaller ones, the economic strength and prosperity are extremely important, especially in the age of the fourth industrial revolution, supra-integration and global instability. These tendencies represent the major challenge for economic diplomacy.

There are several definitions of economic diplomacy in Slovak and foreign literature.³ From the author's perspective, economic diplomacy should be perceived as a tool to significantly strengthen the competitive ability of its country, initiate the necessary structural changes, attract foreign investment and modern technologies, promote exports, increase country's energy security and development of small and medium-sized enterprises and presentation of the country abroad. Economic diplomacy should also include some historical conditionality and the coherence of economic interests and construction of diplomatic relations⁴.

One of the key tasks of economic diplomacy in the era of globalization is to obtain, process and evaluate the information in a way, which contributes to gaining political or economic influence or advantages. Therefore, one of the key instruments of power is not the wealth itself, but the acquisition of key strategic information and its processing and real-time transmission.

Globalisation has thus fundamentally changed the conduct of international relations. The issues of economic development and prosperity of a state and its citizens are becoming a priority.

2. The new global tendencies and economic diplomacy of small states

There are approximately 170 smaller countries with a population of under 10 million in the world. The natural question, therefore, is how to find ways and means to cope with the limited resources, the pressures of globalisation, supra-integration, the fiercely competitive environment

and changes in the geopolitical arrangements and relationships.⁵

We are currently witnessing several contradictory tendencies and some cumulative phenomena, which draw a very unpredictable map of the international environment. The EU is going through one of its most challenging times due to several issues from migration, Brexit, Grexit and disparities within the European Monetary Union (EMU) to various frustrations voiced by several of its member states. Some EU members are lagging behind in *high-tech* and reforms. The incompatibilities between the powerful 500-million-inhabitants-market and its weak political and military influence continue to grow. Nevertheless, the EU is still the world's largest trade block and a major economic player; it generates 25% of the global GDP and constitutes 27% of the world's trade in services, while contributing around 41% to the world's FDI.⁶

The world economy is similarly expected to undergo several important changes. The world's ten largest economies in 2024 should be as follows: the US, China, Japan, India, Germany, Brazil, the UK, France, Russia and Korea.⁷

The US will continue to be the main economic, political and military power⁸ and together with the EU might have increasingly divergent economic and monetary priorities. The possible conclusion of the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) should be viewed precisely in this light. Furthermore, the Ukraine conflict has put the world back into a modified Cold War. Russia is looking for its old/new position of domination. The mutual economic interdependence and the sanctions imposed on Russia give the new Cold War a peculiar shape.

We can also argue that China and India have become the engines of the world growth. They will, however, continue to lag behind in the

³ Tóth E., Horváthová K. *Hospodárska diplomacia: bilaterálne vzťahy*, Bratislava, 2006, 12; Bayne, N. Woolcock, S.: *The New Economic Diplomacy*, Ashgate, 2005, p. 1.; Van Bergeijk, P.A.G., Okano-Heijmans M., Melissen J. *Economic diplomacy, economic and political perspectives*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. vi + 229 p.

⁴ Van Bergeijk, P.A.G., Okano-Heijmans M., Melissen J. *Op. Cit.*, vi + 229 p.

⁵ Neumann Iver B., Sieglinde Gsthöhl. *Lilliputians in Gullivers World?* In: Seattle, 2006, p. 3-38.

⁶ Official website of the EU. [On-line]: http://ec.europa.eu/growth/single-market/index_en.htm; <http://ec.europa.eu/trade/policy/eu-position-in-world-trade/> (Visited on: 02.03.2016).

⁷ Centre for Economics and Business Research 2015. [On-line]: <http://www.cebr.com/reports/world-economic-league-table-2015/> (Visited on: 02.03.2016).

⁸ Lieber R. J. *Power and willpower in the American future: why the United States is not destined to decline*. New York: Cambridge University Press, 2012. x + 180 p.

respect of per capita income for several decades.⁹ The both countries will appear economically strong but their citizens will continually feel relatively poor in comparisons to the citizens of the Western countries.

Thus the playground of the global economy will move into South-East Asia, Africa and Latin America, where China, Russia, the GCC countries and African states are not following the Western liberal model.¹⁰ They use state capitalism as a tool for managing their economies. The global financial crisis consolidated the notion of a larger state control and the mistrust in unregulated markets. This means, *inter alia*, a growth of protectionism. The Chinese foreign direct investments (FDI) are increasing in the developing world. The FDI result in the creation of new alliances between industrializing and developing countries. The Chinese model might become an attractive option for authoritarian regimes.

Russia, China and India have all interlinked their national security with the increased control of the access to sources of energy and energy markets through their state-owned energy companies. The Gulf States, on the other hand, are interested in the purchase of land and securing sufficient food supplies to all of its population.

Furthermore, the shift of the economic power from the West to the East and from the North towards the South¹¹ is shaped by the burn-out crisis of the West and the growing influence of the BRICS countries, which have gradually integrated, proposed and devised their own alternative structures.¹²

In the Middle East and Africa, however, a greater emphasis is placed on the economic growth and modernisation of economy with a strong Islamization and the erosion of nation states, revision of Sykes-Picot act¹³ and a shift of

power towards non-state actors. This has, consequentially, led to massive migration to Europe.

There is also a growing level of protectionism, extremism, terrorism, pandemic, cyber (in)security, the interconnection of issues of energetics, climate change and the lack of resources (including food and water). The global development is, also as a result of sharp technological progress accelerating in an unprecedented way.

These new trends can be positively and negatively reflected on the interests and the positions of smaller states in international relations. They will become increasingly capable to react to these geopolitical changes more systematically, pre-emptively and from the position of membership in regional organisations. But they must simultaneously assert their own national, economic interests.

Furthermore, the battle for economic power and hegemony is led by research and development teams and marketing and supplying armies. The competition transcends to hyper-competition – the battle for markets, rents and profits. National governments are often incapable of systematically and realistically influencing the global economic events and developments.¹⁴

The international system may thus appear more multipolar, heterogeneous and unstable. There are efforts by new, stronger actors to search for another balance. We might witness a disorderly world, with alternating leaderships in many regions.

3. The fourth industrial revolution and economic diplomacy

In the mutual economic inter-state dependence „*economic diplomacy is gaining on importance*”.¹⁵ Following the financial crisis, some theories even stipulate that “*diplomacy must be determined by economics*.”¹⁶ Thus, economic diplomacy represents a significant and

⁹ Hu A., Yan Y., Wei X. China 2030. Springer, 2014.

¹⁰ See also: Fougner T. The state, international competitiveness and neoliberal globalisation. 2006, Issue 32, p. 165–185.

¹¹ O’Neil J., Alessio T. Changing Trade Patterns, Unchanging European and Global Governance. Bruegel Working Paper. 2014/2, p. 11 – 55.

¹² Švihlíková I. Přesun ekonomické moci a výzvy pro Českou republiku. Praha, 2013, p. 48.

¹³ Sykes-Picot Agreement (May 9, 1916) - secret convention made during World War I between Great Britain and France, with the assent of imperial Russia, for the dismemberment of the Ottoman Empire. It led to the division of Turkish-held Syria, Iraq, Lebanon, and Palestine into various French- and British-administered areas. Arab

resentment against agreement persisted despite the modification of its arrangements in San Remo in April 1920. [On-line]: <http://www.britannica.com/event/Sykes-Picot-Agreement> (Visited on: 02.03.2016).

¹⁴ Adrián P. Trendy ve světové ekonomice. Praha, 2013, p. 59.

¹⁵ Bayne N., Woolcock S. The new economic diplomacy: decision-making and negotiation in international economic relations. Farnham, England; Burlington, VT: Ashgate Pub., 2011, p. 3-4.

¹⁶ Robejšek P. Diplomacii musí určovat ekonomika. In: Obchod, Kontakt, Marketing, 10/2001.

often the most decisive instrument of foreign policies. Economic diplomacy, for example, constitutes approximately 60% of the activities of the Slovak embassies.¹⁷

Furthermore, there are numerous other important changes occurring in international relations caused by the rapid development of modern information and telecommunication technologies and by the huge impact of supranational financial conglomerations, influential media, the internet and social networks. The emergence of “the fourth industrial revolution” is becoming a reality and causes several important changes that perforate whole societies and economies of states.

The revolution provides new state-of-the-art technologies, digitalisation, robotisation, automatisisation, using of technologies such as Cad Cam and Sim, 3D print systems and the development of composition materials. Equally important is the Industry 4.0 strategy¹⁸, which presupposes the deployment of automatic information systems that significantly decrease the need for industrial sphere.

The key fact is that the country's economy at the time of „the fourth industrial revolution”¹⁹ works on the condition of its ability to identify loopholes and sectors, in which it can take the leadership and through which it can gradually gain a global position. This fact refers precisely to small and medium-sized countries asserting their position through soft power. The decisive factor of their competitiveness is not just innovation, but the extent of the communication with the customer – finding out about his ideas, expectations, design and functionality of the product and its associated services. Communication becomes a key structural asset, with which to compete with other firms.

These new trends significantly affect virtually all areas of state operation. Global international institutions, corporations, associations, political and economic organizations and large, economically strong countries gain increasingly

dominant influence. „One of the greater risks of the increasing global processes is that the economic and technical achievements overtake the possibilities of contemporary politics” ... „Due to the real-time communication the decision-making in one area depends on decision-making in other parts of the world...”²⁰

Changes brought by globalisation, super-integration and “the fourth industrial revolution” raise the need for a new perception of the role and possibilities of small and medium-size countries. In practice, this means the need for a flexible adaptation to the changing global processes that created an extremely tough competitive environment; also in terms of enforcement of economic and investment interests of each country, which must strive for the maximum and efficient use of those comparative advantages it has to its disposal.

In this context, we may speak of a creation of new economic laws, in which the quantity of users is becoming the key determinant. This is in contrast to the conventional exchange of goods in textile, footwear, and food industries, in which the success was also determined by the number of consumers, albeit counting in much lower amounts - tens or hundreds of thousands.

On the other hand, in the area of digital services we are talking about billions of users across the world. This, ultimately, requires the creation of new economic paradigm, which is no longer based solely on the sale of own products, but especially on the sale of associated products and services. The options to respond to these revolutionary developments are different for large, medium-sized and smaller countries.

4. Economic diplomacy - jobs and growth for medium and small countries

From the perspective of the competitiveness and economic growth, it will be crucial for smaller countries to be able to adapt to the dynamics of „the fourth industrial revolution,” its digital consumption and economics of „virtualisation.” They shall be aware, however, that „economic performance invites the policy-makers into replacing strategy with economy and this decreases their sensitiveness to the political, cultural, social, and spiritual impacts of the enormous changes caused by the current modern technologies”.²¹

¹⁷ Internal material of the Slovak MFA, 2010.

¹⁸

[On-line]:

[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU\(2016\)570007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU(2016)570007_EN.pdf)

(Visited on: 02.03.2016).

¹⁹ The Fourth Industrial Revolution. Groningen, 2014.

[On-line]:

<http://www.fr.sogeti.com/globalassets/global/downloads/reports/vint-research-3-the-fourth-industrial-revolution> (Visited on: 02.03.2016).

²⁰ Kissinger H. Potrebuje Amerika zahraničnú politiku? Bratislava, 2002, s. 24.

²¹ Ibidem, p. 23.

The internet constitutes a specific and dynamically growing market of new consumption and services. Companies that are directly hardware and software-oriented in making business in this area are growing dynamically in the capital market. Facebook, which in terms of expenses is basically just a cheap digital business, represents a huge market capitalisation as it has a huge number of users.

These fundamental tendencies of the global development influence, to a large extent, smaller countries – particularly with respect to their largely open economies; small internal market; growing share of exports in GDP; beneficiaries of massive inflow of foreign direct investments; export-driven by wide range of exported goods, but also by services; strong R&D sector; often very strong and special export and financial incentives; emphasis on the development of advanced technologies and orientation to a knowledge-based society.

This, in practice, means the need for a flexible adaptation to the changing global processes, which created an exceptionally competitive environment. Each country must therefore try to find the most effective use of the comparative advantages that they have. The global developments affect the stability and growth of the economy and increase the pressure to find optimal economic methods and models, especially in small countries. „*The ability of small countries to adapt to economic change will determine their success, and to remain competitive in the global market.*”²²

The smaller countries should place particular importance on their ability to speed up the transition from industrial to knowledge-based economy. The financial crisis and demographics sharpen the competition in the acquisition of new markets and investment. For smaller countries, it is therefore particularly important to be able to quickly analyse and assess the impacts of international events and devise their strategic economic direction.

There is strong economic interdependence between internal and external policies of the smaller countries. Fine-tuning these policies and adapting to the changing global markets strengthens their strategic stability. Educated population, knowledge-based economy and

constant technological progress can strengthen the power and position of even small state much more than territorial gains.

A strong economy is a reflection of the existence of successful and powerful companies in the domestic and foreign markets. Economic parameters of small countries are forcing them to constantly look for new opportunities and markets abroad. The domestic consumption will never be the engine of economic growth.²³

Analytical-information capability is certainly on the first place, given by the fact that the world is becoming an information society and given by the importance and impact of the economic diplomacy. The exchange of information in real time, the quality and/or real added value of the information are therefore very significant. Thus, economic diplomacy should be able to distinguish information ballast and irrelevant things from the information that can influence economic development, investment opportunities, etc. Such selection would contribute to gaining political or economic influence or advantages. One of the key instruments of power at present, especially for small states, is not the wealth itself, but the acquisition of key strategic information, its processing and real-time transmission. In a conducive domestic economic environment that is the right way to create jobs and growth.

5. Cooperation between business and government

Globalization as well as the economic and financial crisis has given economic diplomacy not only a new dimension but also equally high expectations. A rational, non-overestimated view, however, is required of its possibilities and the real impact. Economic diplomacy is not a panacea for solutions, without taking into account the specifics and settings of the business community in each particular country. The state sector should not substitute business plans of companies but rather systematically sustain them.

The ability to facilitate dialogue between businessmen, entrepreneurs and state and vice versa, as well as rational formulation of the requirements and ideas of business activities abroad are the key areas for setting an optimal model of economic diplomacy in small countries. Economic diplomacy must strive to „*create such*

²² Katzenstein P. J. Small States and Small States Revisited, 2003, p. 9–30.

²³ See also: Armstrong H. W., Read R. Trade and Growth in Small States, 1998, 21(4), p. 563–585.

external environment..., which would facilitate the entrepreneurship activities".²⁴ It thus forms a relationship between the expectations of the business community and the possibilities, which the state could offer. Dialogue between business and government institutions could be identified as the key factor that moves forward the performance of economies of small states.

The approach of entrepreneurs to economic diplomacy is often very pragmatic. They perceive economic diplomacy as a means to achieve their goals, which they come to expect, or even require, from state institutions *vis-à-vis* their international activities. Especially in small export-oriented economies, has economic diplomacy become an area of creating and maintaining conditions, which favour and sustain the entrepreneurship activities. It can be argued, therefore, that for entrepreneurs is economic diplomacy a welcome instrument for the support of the development of their activities abroad.

The state creates conditions for the fulfilment of the requirements of entrepreneurs but is also the initiator of new programmes and processes, which aim at optimising and improving the system of economic diplomacy as a whole.²⁵ The main goal is to secure prosperity of the national economy, international competitiveness and a dynamic development of international economic relations. The creators and executors of these traits are all entrepreneurs active on international markets. Their prosperity is a logical precondition of a government-supported state prosperity on a national macroeconomic plane. The interests of the state and entrepreneurs are interconnected and should be done in an accord.

Especially important is the willingness and flexibility of the government bodies to head the requirements and proposals of entrepreneurs. This can take various forms, such as:

1. Greater participation of entrepreneurs in the process of optimising the state services in trade;
2. Cooperation of business sector in the planning of the activities of embassies and economic diplomats;

3. The transparency of activities and responsibilities of the institutions of economic diplomacy;

4. Dialogue with entrepreneurs about the link between foreign policy and economic issues;

5. High professionalism of economic diplomats;

6. Corresponding level of economic and trade/financial knowledge of the heads of missions;

7. A flexible system of territorial priorities and a mechanism for their implementation including their change if needed.

A decisive factor of an effective relationship between state and entrepreneurs in the area of economic diplomacy is – from the author's point of view – creating an optimal relationship between the expectations of the business sector and the state's possibilities.

The key is to have an on-going and systematic dialogue with the aim of enhancing the efficiency of the state economy. It is the capability of the state to lead a dialogue with entrepreneurs and the latter's ability to rationally communicate their demands towards the state as well as their perceptions of the state's role in supporting their international activities, which is the key factor in the strive for an optimal set-up of economic diplomacy.

For the majority of smaller states with an established democratic tradition the military power and the size of their armies is not a decisive factor in their ability to assert their foreign policy intentions. We cannot rule out a change of the paradigm in the future (in case of political and economic breakdowns) but the competition between states is being shifted towards the field of economy, science, research, innovation, informatics, modern technologies, etc.

Conclusions

The evaluation of the success of state diplomacies is shifting ever more to the economic area. It is particularly the case for medium-sized and small countries with open and export-oriented economies susceptible to global changes and crises.

In respect to the stability of small countries, the increasingly important question is whether their diplomacy contributes to economic growth and the creation of jobs. The recent years have fully confirmed the existence of result-oriented pressure placed on economic diplomacy and all

²⁴ Saner R., Yui L. International Economic Diplomacy, 20. [On-line]: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20030100_cli_aper_dip_issue84.pdf (Visited on: 02.03.2016).

²⁵ See also: Pajitinka E. Hospodárska diplomacia. Mezinárodní politika. 2007, č. 10.

of its facets. This is predominantly true for the state sector. It is, therefore, essential that the strategic direction of economy is created to exceed the duration of one parliamentary term. Similarly, the instruments for the support of external economic relations must be set-up in a way that respects the conditions and requirements of small economies. In foreign policy, therefore, a special emphasis is put on the functioning, effectiveness and a value added of economic diplomacy in respect to the growth impulses, investments and the creation of jobs. Thus, a correctly set-up system of economic diplomacy can increase the bilateral trade by up to 6-10%.²⁶

The ability of fast and analytical impact assessments and understanding strategic directions of the world economic development is particularly important for smaller countries. Based on the achievements and experiences of the author, it is possible to postulate several key pillars of the orientation of economies of smaller states and the related role of economic diplomacy as follows:

- economic growth and employment
- knowledge-based society, investments growth, start-ups
- green economy and new sources of energy
- state branding
- support of FDI
- effective functioning of agencies for the support of export

The economic diplomacy of small countries must be able to distinguish between irrelevant and pertinent information; it shall collect and select information leading to a gain of influence or advantages. Strategic gathering and processing of information and its real-time transfer to relevant addressees are the key instruments of power.

Thus to reiterate, it is of utmost necessity to design the strategic orientation of economies to exceed the duration of one parliamentary term. The emphasis of economic diplomacy should be put on the functionality, effectiveness, added value, growth impulses, investments and jobs.

The foreign policy battle is shifting towards the areas of economy, R&D etc. The system of economic diplomacy must be therefore adapted to the core trajectories of global development. In

small countries the governments must interact with entrepreneurs and businessmen as follows:

- lead a dialogue between state and entrepreneurs and reflect on their requirements;
- find a successful segment in the area of export in the current scale and composition of economy;
- identify possible sectors of gradual global leadership and excellence of the country

In the 21st century, the economy and economic diplomacy of small states can be sustained only by long-term economic policies with a clear vision. They should advance and support an environment facilitating growth and productivity, search for added value in appropriate models for companies and inject investments into the country's ability to innovate.

Bibliography:

1. Adrián P. Trendy ve světové ekonomice. Mezinárodní vědecká konference EKONOMICKÁ DIPLOMACIE úloha, význam, problémy a jejich řešení. 24. dubna 2013. Vysoká škola mezinárodních a veřejných vztahů Praha, 2013, p. 53- 67.
2. Armstrong H. W., Read R. Trade and Growth in Small States. The Impact of Global Trade Liberalization. The World Economy. 1998, 21(4), p. 563-585.
3. Bayne N., Woolcock S. The New Economic Diplomacy. Farnham, England; Burlington, VT: Ashgate Pub., 2011. 426 p.
4. Centre for Economics and Business Research 2015. [On-line]: <http://www.cebr.com/reports/world-economic-league-table-2015/> (Visited on: 02.03.2016).
5. Encyclopaedia Britannica. [On-line]: <http://www.britannica.com/event/Sykes-Picot-Agreement> (Visited on: 02.03.2016).
6. Fougner Tore: The state, international competitiveness and neoliberal globalisation. Is there a future beyond 'the competition state? In: Review of International Studies. 2006, Issue 32, p. 165–185.
7. Gaidar Y. Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia. Brookings Institution Press, Washington, 2007. xviii + 332 p.
8. Hu A., Yan Y., Wei X.: China 2030. Springer 2014.
9. Internal material of the Slovak MFA, 2010.
10. Katzenstein Peter J. Small States and Small States Revisited. New Political Economy. 2003, 8(1), p. 9-30.
11. Kissinger H.: Potrebuje Amerika zahraničnú politiku? Bratislava, 2002.
12. Lieber Robert J. Power and Willpower in the American Future: Why the United States Is Not

²⁶ Van Veenstra, M. L. E. H., Yakop, M., Van Bergeijk P.A.G: Economic Diplomacy the Level of Development and Trade, p. 6.

Destined to Decline. New York: Cambridge University Press, 2012. x + 180 p.

13. Neumann I. B., Sieglinde G. Lilliputians in Gullivers World? In: Christine Ingebritsen et al. (edit.): Small States in International Relations. Seattle, University of Washington Press, 2006, p. 3-38.

14. O'Neil Jim, Alessio Terzi. Changing Trade Patterns, Unchanging European and Global Governance. Bruegel Working Paper. 2014/2, p. 11 – 55.

15. Official EU websites. [On-line]: http://ec.europa.eu/growth/single-market/index_en.htm;

<http://ec.europa.eu/trade/policy/eu-position-in-world-trade/>;

[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU\(2016\)570007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU(2016)570007_EN.pdf)

(Visited on: 02.03.2016).

16. Pajtinka, E.: Hospodárska diplomacia. Hľadanie efektívneho modelu riadenia, alebo boj o obchodných atašé? Mezinárodní politika. 2007, č. 10.

17. Robejšek P. Diplomacii musí určovat ekonomika. Obchod, Kontakt, Marketing, 10/2001.

18. Saner R., Yui L. International Economic Diplomacy: Mutations in Post-modern Times. Netherlands Institute of International Relations Clingendael. Discussion Papers in Diplomacy. [On-line]:

http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20030100_cli_paper_dip_issue84.pdf (Visited on: 02.03.2016).

19. Švihlíková I. Přesun ekonomické moci a výzvy pro Českou republiku. Mezinárodní vědecká konference EKONOMICKÁ DIPLOMACIE úloha,

význam, problémy a jejich řešení. 24. dubna 2013. Vysoká škola mezinárodních a veřejných vztahů Praha, 2013, p. 48 - 52.

20. The Fourth Industrial Revolution. Things to tighten the link between IT and OT. Sogeti VINT, Groningen, 2014. [On-line]:

<http://www.fr.sogeti.com/globalassets/global/downloads/reports/vint-research-3-the-fourth-industrial-revolution> (Visited on: 02.03.2016).

21. Tóth L., Horváthová K. Hospodárska diplomacia. Bilaterálne vzťahy. Bratislava, Sprint 2006.

22. Van Bergeijk, Peter A.G., Okano-Heijmans, Maaïke Melissen Jan. Introduction Economic Diplomacy: The Issues. The Hague Journal of Diplomacy. 2011, 6 (1-2), p. 1-6.

23. Van Veenstra M.L.E.H., Yakop M., Van Bargeijk P.A.G. Economic Diplomacy the Level of Development and Trade. Discussion Paper in Diplomacy, No. 119, October 2010.

Copyright©BOHÁČ Radomír, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Hlboká cesta 2, Bratislava, Slovakia
Ministerstvo zahraničných vecí
a európskych záležitostí SR

T: +421 2 5978 3051

M: +421 918 660 015

E-mail: radomir.bohac@mzv.sk

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2016, Issue 2, Volume 11, Pages 253-259. ISSN 1857-1999 Submitted: 16.02.2016 Accepted: 15.06.2016 Published: 30.06.2016</p>
---	---

**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**INTRODUCERE DESPRE ELEMENTUL MATERIAL AL CRIMELOR INTERNAȚIONALE.
CRIMELE PREVĂZUTE DE STATUTUL CURȚII PENALE INTERNAȚIONALE**

**INTRODUCTION ABOUT THE MATERIAL ELEMENT OF INTERNATIONAL CRIMES.
THE CRIMES REFERRED TO THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT STATUTE**

**ВВЕДЕНИЕ В МАТЕРИАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, УКАЗАННЫЕ В УСТАВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА**

BURLACU Oleg* / BURLACU Oleg / БУРЛЯКУ Олег

ABSTRACT:

**INTRODUCTION ABOUT THE MATERIAL ELEMENT OF INTERNATIONAL CRIMES.
THE CRIMES REFERRED TO THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT STATUTE**

*The present paper has in view the concept of **actus reus**, as illustrated by the Rome Statute of the International Criminal Court, adopted on July 17, 1998, and entered into force on June 1st, 2002. We shall focus on the general part of international criminal law from a historic perspective, emphasising on the statute of the International Criminal Court, the analysing the **actus reus** of the international crimes described by the latter. This paper does not intend on analysing the **actus reus** completely, but rather make a short introduction to the matter, considering that the concept can be theorised in law treaties of great length.*

Key words: international criminal law, international crime, International Criminal Court, **actus reus**, genocide, war crimes, crimes against humanity.

JEL Classification: K33, K23, Z18

REZUMAT:

**INTRODUCERE DESPRE ELEMENTUL MATERIAL AL CRIMELOR INTERNAȚIONALE.
CRIMELE PREVĂZUTE DE STATUTUL CURȚII PENALE INTERNAȚIONALE**

*Prezentul studiu are în vedere conceptul de **actus reus** prevăzut de Statutul Curții Penale Internaționale, adoptat la Roma în data de 17 iulie 1998, intrat în vigoare la 01 iunie 2002. În mod concret, va fi avută în vedere și dezvoltarea părții generale a dreptului internațional penal din perspectivă istorică, concentrându-se în mod deosebit asupra statutului Curții Penale Internaționale, urmând apoi analiza elementului material propriu infracțiunilor internaționale prevăzute de acesta. Prezenta lucrare nu se dorește a fi o analiză exhaustivă, după cum poate fi intuit din titlul lucrării, ci mai degrabă introductivă, având în vedere faptul că elementul material al crimelor internaționale poate face obiectul unor tratate de drept ample.*

Cuvinte cheie: drept internațional penal, crima internațională, Curtea Penală Internațională, **actus reus**, genocid, crime de război, crime împotriva umanității.

* **BURLACU Oleg** - Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova); Avocat Societatea Civilă de Avocați „Burlacu & Partenerii” (București, România). / **BURLACU Oleg** - Ph.D. student, Law Department, State University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Lawyer, Law Firm „Burlacu & Partners” (Bucharest, Romania). / **БУРЛЯКУ Олег** - Аспирант, Факультет права, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат, Адвокатская контора „Burlacu & Partenerii” (Бухарест, Румыния).

JEL Classification: K33, K23, Z18

CZU: 342.98

РЕЗЮМЕ:

**ВВЕДЕНИЕ В МАТЕРИАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, УКАЗАННЫЕ В УСТАВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА**

В данной работе представлено исследование концепции *актус реус*, предусмотренной Уставом международного уголовного суда, принятого в Риме 17 июля 1998 года и вступившего в силу 1 июня 2002 года. В конкретном случае, имеется в виду развитие общей части международного уголовного права с исторической точки зрения, сконцентрировавшись в основном на Уставе международного уголовного суда. Далее следует анализ самого материального элемента международных преступлений. В данной работе не дается исчерпывающий анализ, как указывает на то название работы, принимая во внимание тот факт, что материальный элемент международных преступлений, может быть объектом правовых соглашений.

Ключевые слова: международное уголовное право, международный уголовный суд, *актус реус*, геноцид, военные преступления, преступления против человечества.

JEL Classification: K33, K23, Z18

УДК: 342.98

I. Introducere

Una dintre ramurile distincte ale dreptului internațional public o constituie dreptul internațional penal. Acesta constă în ansamblul regulilor, instituțiilor și procedurilor privind sancționarea celor care încalcă normele de *jus cogens*¹.

Dreptul internațional penal are o serie de particularități, legate de subiectele sale, obiectul de reglementare, principiile, precum și izvoarele de drept.

În sistemele de drept romano-germane, dreptul penal este împărțit în două sfere: partea generală și partea specială. Aceasta din urmă constă în ansamblul de norme juridice care descriu faptele de pericol social ce constituie infracțiuni și prevăd sancțiunile penale aplicabile celor care le săvârșesc. Infracțiunile au anumite trăsături și elemente componente *comune* și care au astfel nevoie de o reglementare general aplicabilă cazurilor particulare². Această reglementare general aplicabilă constituie cealaltă sferă, partea generală a dreptului penal (în dreptul anglo-saxon fiind cunoscute sub denumirea de principii generale).

Așa cum o spune și denumirea, partea generală conține acele norme care își găsesc aplicabilitate în cazul tuturor infracțiunilor (indiferent de norma care le reglementează – codul penal, lege specială), fiind o

reglementare „precisă și completă a tot ceea ce este esențial și comun tuturor categoriilor juridice”³.

Precizăm că, în cazul dreptului internațional penal, structura este păstrată, însă datorită particularității apariției și dezvoltării acestei ramuri, atât codificarea, cât și studiile doctrinare s-au concentrat asupra acesteia, neexistând foarte multe lucrări de specialitate care să supună discuției această parte.

În dreptul penal internațional, în fazele sale incipiente, *partea generală* sau *principiile generale* nu au avut parte de prea multă atenție sau aplecare în perioada în care au fost înființate tribunalele internaționale de la Nuernberg și Tokyo. Însă interesul pentru acestea au căpătat importanță în cadrul comisiei de redactare a statutului Curții Penale Internaționale (semnat în 1998, intrat în vigoare în anul 2002, în continuare, statutul CPI), precum și cu ocazia judecării oficialilor acuzați în fața Tribunalul Penal Internațional pentru fosta Iugoslavie și Tribunalul Penal Internațional pentru Rwanda. Rolul acestor instanțe era acela de a dovedi că actele și faptele infracționale au fost săvârșite de către cei chemați să stea în fața justiției, iar asta numai prin analiza laturii obiective și subiective, așa cum sunt cunoscute de către noi astăzi, și numai în baza probelor administrate.⁴

În acest context, am considerat oportună abordarea științei dreptului internațional penal și din perspectiva părții sale generale, iar în cele ce urmează, vom

¹ Jus cogens constituie acele norme de drept fundamentale, imperative, față de care nu poate fi primită niciun fel de derogare. v. Ian Brownlie, *Principles of Public International Law*, ed. a V-a, Ed. Oxford University Press, 1998.

² Dongoroz Vintiă, Kahane Siegfried, Oancea Ion ș.a. Explicațiile teoretice ale codului penal român. Partea generală, vol. I, ed. a II-a. București: Ed. Academiei Române, 2003, p. 7.

³ Idem.

⁴ Ambos Kai. *Treatise on International Criminal Law*. Volume I: Foundations and General Parte. Oxford University Press, 2013, p. 81.

încerca să trasăm câteva aspecte privitoare la latura obiectivă a crimei internaționale, mai exact despre elementul material sau.

II. Latura obiectivă a infracțiunii: perspectiva dreptului continental și dreptului anglo-saxon

Stabilirea fizionomiei proprii fiecărei fapte penale în parte implică indicare elementelor de ordin subiectiv și obiectiv definitorii, astfel încât infracțiunile să nu se confunde între ele, putând fi diferențiate sub aspectul tratamentului juridic, trasat de principiile generale ale dreptului penal, precum și ale dreptului internațional.⁵ Asemenea elemente privesc conținutul juridic al infracțiunii.

În doctrina dreptului continental, „conținutul infracțiunii este prevăzută în norma de incriminare și poate fi definit ca o totalitate de condiții prevăzute de lege pentru caracterizarea unei fapte ca infracțiune”.⁶ Altfel spus, acesta este dat de condiții care privesc fapta, făptuitorul, valoarea socială căreia i se aduce atingere, împrejurările de timp și de loc în care fapta este săvârșită. Aceeași viziune există și în sistemele de drept anglo-saxone.

Apropiindu-ne însă obiectivul studiului nostru, **latura obiectivă a infracțiunii** este definită în ambele doctrine drept „totalitatea condițiilor cerute de norma de incriminare privitoare la actul de conduită interzis sau ordonat, pentru existența infracțiunii”.⁷

În sistemele de drept romano-germane, elementul material desemnează actul de conduită interzis de lege, care poate consta într-o acțiune sau într-o inacțiune (*verbum regens*). Sub acest aspect, este un element esențial al fiecărei infracțiuni. Cu toate acestea, de unul singur, săvârșirea elementului material, fără întrunirea celorlalte condiții ale laturii obiective (urmarea imediată și legătura de cauzalitate) și ale laturii subiective, nu constituie temei suficient pentru tragerea la răspundere penală a făptuitorului.

În sistemele de drept de tip anglo-saxon, elementul material este desemnat prin latinesc *actus reus*. În mod similar celor expuse mai sus, săvârșirea unui fapt incriminat de lege, de natură să aducă atingere valorilor sociale fundamentale, nu constituie temei suficient pentru atragerea răspunderii penale, fiind imperativă săvârșirea faptei cu vinovăție (adică *mens rea*).⁸

⁵ Cretu Vasile. Drept penal internațional. București: Ed. Societății Tempus România, 1996, p. 141.

⁶ Mitrache Constantin, Mitrache Cristian. Drept penal. Partea generală. București: Ed. Universul juridic, 2014, p. 141.

⁷ Idem, p. 159.

⁸ De notat faptul că în sistemele de drept anglo-saxon, nu există o definiție unitară a termenului *mens rea*. Confuzia cu privire la acest concept este alimentată de existența dezbaterilor doctrinare continui privitoare la natura acestuia, precum și principiul culpabilității. Cu toate acestea, majoritatea doctrinei engleze este de acord că de esență *mens rea* este că acesta conferă „vocație” unei persoane de a

III. Dezvoltarea părții generale a dreptului internațional penal

Se impune precizarea că, în materialitatea lor, infracțiunile internaționale nu diferă ca și conținut de cel al unor infracțiuni pe care le regăsim în dreptul penal național al statelor. Diferența este dată de *elementul de internaționalizare*; spre pildă: conduita interzisă, caracteristică transnațională (în sensul că după modul în care fapta a fost săvârșită, aceasta afectează ordinea publică a mai multor state), existența unui acord de cooperare internațională.⁹

Conform definiției mai plastice date conceptului de crimă internațională de către Georg Schwarzenberger¹⁰, aceasta constă într-o combinație fericită între dreptul penal și principiile dreptului internațional public.

Astfel, deși în mod tradițional, individul nu este subiect de drept internațional, în cadrul dreptului internațional penal vom vedea că acesta derogă de la această regulă. În doctrina dreptului internațional se precizează că individul nu are personalitate juridică internațională, ci acesta este doar un beneficiar mediat, destinat al normei de drept internațional, iar pentru a putea fi subiect de drept internațional, ar fi necesar ca această să nu fie doar un destinat de norme, ci și un creator al acestora.¹¹ În această gândire tradițională, s-a dezvoltat totuși ideea că individul poate fi subiect al răspunderii pentru săvârșirea de crime internaționale, precum cele sancționate de către tribunalele de la Nuernberg sau Tokyo.¹²

Adoptarea Statutului Curții Penale Internaționale în 1998 a condus la o *instituționalizare* a dreptului internațional penal, și implicit la transformarea justiției penale *ad-hoc* într-o ramură de drept de funcțională, cu norme previzibile și stabile, consacrate prin tratate internaționale. Mai mult decât atât, codificarea statutului CPI conferă dreptului internațional penal vocație universală în ceea ce privește aplicabilitatea sa. Statutul CPI este împărțit o parte generală, o parte specială, în care se regăsesc crimele aflate în competența materială a curții (genocid, crime împotriva umanității și crime de război), precum și norme procedurală, inclusiv norme pentru cooperare internațională și de recunoaștere și executare a hotărârilor pronunțate de curte.

fi trasă la răspunderea penală, sub condiția ca la momentul săvârșirii faptei, să aibă discernământ. Pentru mai multe detalii vezi Iryna Marchuk, *The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law. A comparative law analysis*, Ed. Springer, Berlin, 2014, p. 8-9.

⁹ Lascu Liviu-Alexandru. Modalități de participare la comiterea crimelor date în competența instanțelor internaționale. București: Ed. Hamangiu, 2013, p. 11.

¹⁰ Ambos Kai. *Op. cit.*, p. 54.

¹¹ Năstase Adrian, Aurescu Bogdan. Drept internațional public. Sinteze, ed. a VI-a. București: Ed. C.H. Beck 2011, p. 136.

¹² Ambos Kai. *Op. cit.*, p. 55.

Având în vedere discuția din primele două părți ale studiului de față, precum și structura statutului CPI, putem observa că redactorii acestuia au dorit (și poate chiar au reușit) să fuzioneze sistemele de drept proprii fiecărui stat membru ONU, în ceea ce privește politica lor penală, și să rezulte astfel un „cod penal internațional”¹³.

IV. *Actus reus* sau elementul material al crimelor internaționale prevăzute de Statutul Curții Penale Internaționale

Conform doctrinei¹⁴, crima internațională primește două accepțiuni. Accepțiunea *lato sensu*, care se referă la toate faptele contrare dreptului internațional public și pe care statele, de comun acord, le interzic și cer pedepsirea lor. A doua accepțiune este cea *stricto sensu*, care face referirea la faptele care încalcă normele imperative ale dreptului internațional public și care vatămă valorile fundamentale ale comunității internaționale și sunt date în competența materiale a jurisdicțiilor penale.

Cu alte cuvinte, „acea faptă, constând într-o acțiune sau inacțiune, săvârșită cu vinovăție de o persoană în calitate de agent al statului sau în nume personal, prin care se încalcă drepturile și interesele ocrotite de dreptul internațional și care este sancționată penal prin incriminarea sa de către dreptul internațional”¹⁵.

Infracțiunea internațională, similar infracțiunilor de drept național, se caracterizează printr-un element de factură materială și unul de factură morală. **Elementul material sau *actus reus*** constă într-un act de natură fizică, voluntar, care se poate manifesta sub forma unei acțiuni (*delicta commissiva*) sau inacțiuni ori omisiune (*delicta omissiva*).

Așa cum am menționat mai sus, în prezent, statutul CPI constituie un important izvor de drept internațional penal, acesta prezentând un interes deosebit în special din cauza faptului că odată cu el s-a dezvoltat în mod considerabil latura substanțială a acestei ramuri de drept.

În continuare vom identifica elementul material al fiecărei crime prevăzute de către statutul CPI.

1. **Infrațiunea de genocid**

Potrivit art. 6 din statutul CPI, infracțiunea de genocid presupune oricare dintre următoarele acțiuni săvârșite cu intenția de a distruge, în tot sau în parte, un grup național, etnic, rasial sau religios:

- a) omorârea membrilor unui grup;
- b) atingerea gravă a integrității fizice sau mentale a membrilor unui grup;
- c) supunerea intenționată a grupului la condiții de existență care antrenează distrugerea fizică totală sau parțială;

d) măsuri care vizează scăderea natalității în sensul grupului;

e) transferarea forțată a copiilor dintr-un grup într-altul.

În această situație, putem aprecia că *actus reus* caracteristic crimei internaționale de genocid se poate realiza prin *ucidere, vătămare corporală sau psihică, tortură* ș.a.

A fost semnalat în doctrină¹⁶ faptul că genocidul nu trebuie să presupună neapărat exterminarea *per se* a grupului, fiind suficient ca *actus reus* să fie săvârșit cu intenția precisă de a distruge grupul vizat.

Această infracțiune poate fi săvârșită inclusiv prin omisiune. Spre pildă, în cazul genocidului din Rwanda, inculpatul a fost găsit vinovat, printre altele, și pentru faptul că aceasta nu și-a îndeplinit sarcinile de prim-ministru, respectiv de a lua măsurile necesare pentru a opri masacrul despre care avea cunoștința¹⁷.

2. **Crime împotriva umanității**

Această infracțiune este reglementată prin art. 7 din statutul CPI.

Crimele împotriva umanității presupun oricare dintre următoarele fapte, când acestea sunt îndreptate în mod sistematic și extins împotriva civililor, cu intenția de a-i ataca pe aceștia.

Actele, care constituie și *elementul material* al crimei împotriva umanității, pot fi oricare dintre următoarele: crimă, exterminare, sclavie, deportare forțată, încarcerarea sau lipsirea de libertate cu încălcarea normelor de drept internațional, tortură, viol, sclavie sexuală, prostituție forțată, graviditate forțată, sterilizare forțată și orice alte forme de violențe sexuale de gravitate comparabilă cu acestea, persecutarea unui grup sau colectivitate din motive politice, rasiale, naționale, etnice, religioase sau pe temei de sex, dispariția forțată a unor persoane, apartheid sau alte acte inumane având caractere similare, care pot cauza suferințe sau vătămări grave, fizice sau psihice.

Așadar, în esență, cazul acestei crime, *actus reus* constă în planuirea și executarea unui atac, care este inuman prin natura și esența sa, care poate conduce la suferințe și/sau vătămări fizice sau psihice grave. Acest act trebuie însă îndreptat împotriva populației civile, cu intenția precisă de a-i ataca.

3. **Crime de război**

Potrivit art. 8 alin. (1) din statutul CPI, Curtea are competență în ceea ce privește crimele de război, îndeosebi când aceste crime se înscriu într-un plan sau o politică ori când ele fac parte dintr-o serie de crime analoge comise pe scară largă.

¹⁶ Kittichaisaree Kriangsak. *International Criminal Law*. Oxford University Press, Oxford, 2001, p. 71.

¹⁷ Procurorul v. Kambanda, Dosar Nr. ICTR 97-23-S, Hotărârea CPI din 04.09.1998. [On-line]: <https://www1.umn.edu/humanrts/instree/ICTR/KAMBANDA ICTR-97-23/KAMBANDA ICTR-97-23-S.html> (Vizitat la: 02.04.2016).

¹³ Ibidem, p. 56.

¹⁴ Lascu Liviu Alexandru. *Op. cit.*, p. 10-11.

¹⁵ Crețu Vasile. *Op. cit.*, p. 146.

Acest articol recunoaște în mod expres existența unor asemenea infracțiuni, și distinge patru categorii de crime internaționale, pe care le vom indica mai jos, fără a avea intenția de a indica absolut toate formele sub care aceste infracțiuni pot avea loc:

(a) încălcări grave ale Convențiilor de la Geneva¹⁸ din 12 august 1949, și anume oricare dintre faptele menționate, dacă ele se referă la persoane sau bunuri protejate de dispozițiile convențiilor de la Geneva (de exemplu, omuciderea intenționată, tortura și tratamentele inumane, inclusiv experimente biologice, fapte de a cauza cu intenție suferințe mari sau de a vătăma grav integritatea fizică ori sănătatea, deportarea sau transferul ilegal ori detenția ilegală ș.a.);

(b) celelalte violări grave ale legilor și cutumelor aplicabile conflictelor armate intenționale în cadrul stabilit al dreptului internațional (de exemplu, fapta de a lansa intenționat atacuri împotriva populației civile, fapta de a lansa intenționat atacuri împotriva bunurilor cu caracter civil, adică a celor care nu sunt obiective militare, fapta de a ataca sa bombarda, prin orice mijloace, orașe, sate, locuințe sau construcții care nu sunt apărate și care nu sunt obiective militare ș.a.);

(c) în caz de *conflict armat care nu prezintă caracter internațional*, violările grave aduse Convențiilor de la Geneva din 1949, respectiv fapte comise împotriva persoanelor care nu participă direct la ostilități, inclusiv membrii forțelor armate care au depus armele și persoanele care au fost scoase în afara luptei din cauza bolii, rănirii, detenției sau orice altă cauză (de exemplu, atentate la viața și la integritatea corporală a persoanelor, mai ales omorul sub toate formele sale, mutilările, tratamentele cu cruzime și tortură, atingerile aduse demnității persoanei, mai ales tratamentele umilitoare și degradante, luările de ostatici, ș.a.) cu mențiunea că acest articol nu se aplică situațiilor de tulburări sau tensiuni interne, precum insurecția, actele izolate și sporadice de violență și actele de natură similară;

(d) celelalte violări grave ale legilor și cutumelor aplicabile *conflictelor armate care nu prezintă un caracter internațional*, în cadrul stabilit de dreptul internațional (de exemplu, fapta de a lansa atacuri împotriva populației civile în general sau împotriva persoanelor civile care nu participă direct la ostilități, jefuirea unui oraș sau a unei localități, chiar luate cu asalt, violul, sclavajul sexual, prostituția forțată, graviditatea forțată, fapta de a proceda la recrutarea și înrolarea copiilor în vârstă mai mică de 15 ani în forțele armate sau în grupuri armate ori de a-i face să participe activ la ostilități ș.a.).

Așa cum se poate observa din lista de mai sus, crimele de război nu se aplică doar conflictelor armate de la nivel internațional, ci inclusiv celor domestice, interne.

Cât privește elementul material sau *actus reus*, este lesne de înțeles că în cazul crimelor de război, varietatea sub care acestea pot fi comise este foarte mare, formele enumerate mai sus fiind doar câteva dintre ele.

4. Crimele de agresiune

Inițial, crimele de agresiune sau agresiunea nu au primit o definiție legală. Aceasta s-a dezvoltat pe cale doctrinară și jurisprudențială, iar în 2010 a avut loc la Kampala (Uganda) prima Conferință de Revizuire a Statutului CPI, în cadrul căreia s-a convenit la o formulă referitoare la crima de agresiune.

Crimele de agresiune pot fi definite pe scurt drept crime împotriva păcii¹⁹, aceasta luând naștere și în statutul CPI din dorința de a asigura o modalitate de pedepsire a crimelor care aduc atingere păcii internaționale, ducând astfel mai departe misiunea tribunalelor de la Nuernberg și Tokyo²⁰. Potrivit Tribunalului de la Nuernberg, inițierea unui război de agresiune este crima internațională supremă²¹.

Art. 5 din statutul CPI menționa că în ceea ce privește crimele de agresiune, ele trebuie definite și fixate condițiile de exercitare a competenței Curții în condițiile art. 121 și 123 din statut. Precizăm că art. 121 din statutul CPI guvernează procedura de amendare a statutului și art. 123 reglementează regulile privind revizuirea acestuia.

„Agresiunea” dădea naștere la o serie de controverse, iar jurisprudența diferenția actele de agresiune de războaiele de agresiune. Spre pildă, anexarea Austriei și impunerea administrației Germane în anumite părți ale Cehoslovaciei, în martie 1938, au fost considerate de către tribunalul de la Nuernberg drept acte de agresiune sau acte premergătoare unui război de agresiune împotriva altor state, iar cei găsiți vinovați au fost condamnați pentru conspirare la săvârșirea de crime împotriva păcii. Pe de cealaltă parte, tribunalul de la Nuernberg a considerat ca războaie de agresiune pe cele care au fost declarate începând cu septembrie 1939, împotriva Poloniei, Danemarcei, Norvegiei, Olandei, Belgiei, Luxemburgului, Iugoslaviei, Greciei, URSS-ului și SUA. În această situație, tribunalul de la Nuernberg a deliberat că cei implicați sunt vinovați pentru declararea de războaie de agresiune²².

Ordinea mondială după cel de-al doilea război mondial a fost și încă este guvernată de Carta ONU.

¹⁸ Convențiile de la Geneva din 1949 se referă la: Convenția de la Geneva pentru îmbunătățirea sorții răniților și bolnavilor din forțele armate în campanie, Convenția de la Geneva pentru îmbunătățirea sorții răniților și bolnavilor din forțele maritime, Convenția de la Geneva privind tratamentul prizonierilor de război și Convenția privind protecția civililor pe timp de război.

¹⁹ Werle Gerhard. General principles of International Criminal Law. In: Antonio Cassese (coord.). The Oxford Companion to International Criminal Justice. Oxford: OUP Oxford, 2009, p. 55.

²⁰ Kittichaisaree Kriangsak. *Op. cit.*, p. 207.

²¹ Idem.

²² Ibidem, p. 210.

Obiectivul principal ONU, astfel descris prin art. 1 din Carta este, printre altele, să *oprească actele de agresiune sau orice alte acte care aduc atingere păcii internaționale*. Nici Carta ONU nu definea agresiunea, iar aceasta întrucât statele membre, fiind conștiente de dezvoltarea tehnologică rapidă, dezvoltare care ar fi putut schimba inclusiv modul în care poate fi purtat un război, a preferat să definească incomplet conceptul, și să lase astfel porțițe de scăpare pentru un agresor²³. În aceasta situație, Carta ONU, prin art. 39, conferă Consiliului de Securitate libertatea de a determina care sunt amenințările împotriva păcii, încălcarea păcii, sau actele de agresiune.

Sub statutul tribunalurilor de la Nuernberg și Tokyo, crimele împotriva păcii presupuneau *plănuierea, pregătirea, inițierea sau declararea stării de război* sau chiar participarea în orice fel în pregătirea unui asemenea plan sau conspirație.

Inițial au existat două tendințe în ceea ce privește crimele de agresiune. Pe de o parte se considera că asemenea acte trebuie să fie pedepsite numai în situația în care agresiunile au loc în mod efectiv, iar cealaltă orientare își pune întrebarea dacă poate exista o tentativă la asemenea fapte din moment ce art. 25 alin. (3) din Statutul CPI enumeră printre condițiile acesteia existența unui atac armat, ceea ce în sine constituie o agresiune.²⁴

În final, în anul 2010 a avut loc la Kampala (Uganda) prima Conferință de Revizuire a Statutului CPI, conform art. 5 alin. (2) rap. la art. 123 din statutul CPI, iar definiția **crimei de agresiune** s-a convenit a fi următoarea, conform art. 8bis din statut: *planuirea, pregătirea, inițierea sau executarea, de către o persoană aflată într-o poziție de exercitare a controlului sau direcției de orientare a organelor militare și politice ale unui stat, a unui act de agresiune care, prin natura, gravitatea și scara sa, constituie o manifestare de violență potrivit Cartei Organizațiilor Națiunilor Unite*.

Tot în acest context, statutul CPI revizuit definește și **actul de agresiune**. Acesta consta în folosirea forțelor armate de către un anumit stat împotriva suveranității, integrității teritoriale sau independenței politice ale unui alt stat, sau în orice altă modalitate prevăzută de Carta Organizației Națiunilor Unite. Oricare dintre următoarele fapte pot fi calificate drept acte de agresiune, indiferent dacă a existat sau nu o declarație de război prealabilă, potrivit Rezoluției ONU nr. 3314/14.12.1974:

a. Invadarea sau atacul armat a teritoriului unui stat de către un alt stat, sau orice altă ocupație militară, chiar și temporară, ca urmare a unui asemenea atac, precum și anexarea forțată a teritoriului unui stat;

b. Bombardarea teritoriului unui stat sau de către forțele armate ale unui alt stat sau îndreptarea armelor de către un stat împotriva altui stat;

c. Blocarea porturilor sau coastelor unui stat de către forțele armate ale unui alt stat;

d. Atacul armat de către forțele militare a unui stat asupra forțelor terestre, aeriene sau marine precum și asupra flotelor aeriene ale unui stat;

e. Intervenția armată de către un stat pe teritoriul altui stat, la cererea acestuia din urmă, cu încălcarea condițiilor convenției sau prin prelungirea prezenței statului agresor, cu depășirea duratei de valabilitate a convenției;

f. Acțiunea unui stat de a permite altui stat să îi folosească teritoriile cu scopul de a agresa un stat terț;

g. Acțiunea de angajare de către un stat de bande, grupuri armate sau mercenari pentru a săvârși acte forțate armate împotriva unui alt stat, acte de o gravitate comparabilă cu cele enumerate mai sus, sau care constituie în sine un act perturbator intern substanțial.

Prin urmare, elementul material sau *actus reus* al crimelor de agresiune presupune actele prealabile (plănuiere, pregătire, inițiere) a unui act de agresiune prin oricare dintre formele menționate mai sus, în principiu manifestându-se prin atacuri armate de către un stat împotriva altui stat.

V. Concluzii

Actus reus este ceea ce transformă o faptă dintr-o simplă intenție într-un adevărat fapt material penal, acesta constituind forma de manifestare a unei infracțiuni. Cu alte cuvinte, constituie acea conduită interzisă prin normele de drept internațional penal.

Așa cum am văzut și mai sus, conduita poate consta fie într-o acțiune comisivă, fie într-o acțiune omisivă.

Asemenea dreptului penal național, elementul material al unei infracțiuni nu poate constitui singurul temei pentru atragerea răspunderii penale, fiind necesare și alte condiții precum o urmare imediată sau consecință (spre pildă, suferințe și vătămări fizice și psihice, ca în cazul crimelor împotriva umanității), voința sau intenția de a obține un anumit rezultat (ca distrugerea unui grup etnic, cum este cazul infracțiunii de genocid).

Dat fiind punctul de plecare al dreptului internațional penal, putem aprecia că acesta a evoluat foarte mult, atât din perspectiva consacrării legislative, dar și din perspectiva jurisprudențială, însă trebuie observat că acesta mai are de parcurs o cale foarte lungă până la autonomizarea lui de relațiile internaționale, implicit de voința politică a statelor puternice.

Bibliografie:

1. Ambos Kai. Treatise on International Criminal Law. Volume I: Foundations and General

²³ Idem.

²⁴ Ibidem, p. 220.

Parte. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2013<2014>. 520 p.

2. Brownlie Ian. Principles of Public International Law. Ed. a V-a. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 1998. 743 p.

3. Mitrache Constantin, Constantin Cristian. Drept penal. Partea generală. București: Ed. Universul juridic, 2014. 525 p.

4. Crețu Vasile. Drept penal internațional. București: Ed. Societății Tempus România, 1996. 318 p.

5. Dongoroz Vintiă, Kahane Siegfried, Oancea Ion, ș.a. Explicațiile teoretice ale codului penal român. Partea generală. Vol. I. Ed. a II-a. București: Ed. Academiei Române, 2003. 436 p.

6. Kittichaisaree Kriangsak. International Criminal Law. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001. xxxi + 482 p.

7. Lascu Liviu-Alexnadru. Modalități de participare la comiterea crimelor date în competența instanțelor internaționale. București: Ed. Hamangiu, 2013. xii + 339 p.

8. Marchuk Iryna. The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law. A comparative

law analysis. Heidelberg; New York: Springer, 2014. ix + 304 p.

9. Năstase Adrian, Aurescu Bogdan. Drept internațional public: sinteze. Ed. a VI-a. București: Ed. C.H. Beck, 2011. xx + 428 p.

10. Werle Gerhard. General principles of International Criminal Law. In: Antonio Cassese (coord.). The Oxford Companion to International Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press, 2009, p. 54-62.

11. Procurorul v. Kambanda, Dosar Nr. ICTR 97-23-S, Hotărârea CPI din 04.09.1998. [On-line]: https://www1.umn.edu/humanrts/instree/ICTR/KAMBANDA_ICTR-97-23/KAMBANDA_ICTR-97-23-S.html (Vizitat la: 02.04.2016).

Copyright© BURLACU Oleg, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Societatea Civila de Avocati „Burlacu & Partenerii”,

Splaiul Independentei nr. 1, Bl. 16, Sc. 1, Et. 6, Ap. 23, Sector 4, Bucuresti, România.

E-mail: oleg@sca-burlacu.ro

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2016, Issue 2, Volume 11, Pages 260-264.

ISSN 1857-1999

Submitted: 19. 03. 2016 | Accepted: 15.06. 2016 | Published: 30.06. 2016

**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**ORGANIZAȚIA NAȚIUNILOR UNITE
ȘI DREPTUL LA ÎNVĂȚĂTURĂ**

**UNITED NATIONS
AND RIGHT TO EDUCATION**

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОБРАЗОВАНИЕ**

NICHITA Rodica* / NICHITA Rodica / НИКИТА Родика

ABSTRACT:

UNITED NATIONS AND RIGHT TO EDUCATION

The fundamental right to education it is provided in a variety of international documents. Each ONU document, dedicated to human rights, contains rules which relate to the right to education. We can say that the right to education has become a compulsory norm and conventional international law. Because of differences present in some countries in the approach to human rights first and second generation, the content of the right to education is sometimes not fully reflected in universal international acts. Overall, international documents determines guarantees free primary education fully ensures protection against discrimination, as well as lay down the duties state in achieving appropriate to individual requirements.

Key words: law, the right to education, a fundamental right, education, education system, state.

JEL Classification: K33, K41, F55

РЕЗЮМЕ:

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Основное право на образование регулируется в различных международных документах. Практически каждый документ ООН, посвященный правам человека, содержит нормы, которые касаются права на образование. Можно сказать, что право на образование стало обязательной нормой для международного право. Тем не менее, из-за различий (дивергенция), присутствующих в некоторых странах в подходе к правам человека первого и второго поколения, содержание права на образование иногда не в полной мере отражены в универсальных международных актов. В целом, международные документы определяют и гарантируют бесплатное начальное образование. И полностью обеспечивает защиту от дискриминации, а также создают обязанности государства в достижении своих целей.

Ключевые слова: закон ,право на образование, фундаментальное право, образование, система образования, государственного.

JEL Classification: K33, K41, F55

УДК: 341.64, 341.645.5

* **NICHITA Rodica** - Master în drept, Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). /
NICHITA Rodica - Master of Law, PhD student, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova). /
НИКИТА Родика - Магистр права, аспирант, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

REZUMAT:
ORGANIZAȚIA NAȚIUNILOR UNITE ȘI DREPTUL LA ÎNVĂȚĂTURĂ

Dreptul fundamental la învățatură este reglementat într-o multitudine de documente internaționale. Practic fiecare document ONU, dedicat drepturilor omului, conține norme ce se referă la dreptul la învățatură. Putem spune că dreptul la învățatură a devenit o normă obligatorie și convențională pentru dreptul internațional. Însă, datorită deosebirilor (divergențelor) prezente în unele state în ce privește modul de abordare a drepturilor omului de prima și cea de-a doua generație, conținutul dreptului la învățatură uneori nu este reflectat pe deplin în acte internaționale universale. În linii generale, documentele internaționale determină garanțiile învățămîntului primar gratuit deplin, asigură apărarea împotriva discriminării, cât și stabilesc obligațiile (atribuțiile) statului la realizarea cerințelor corespunzătoare față de individ.

Cuvinte cheie: drept, dreptul la învățatură, drept fundamental, educație, sistem educațional, stat.

JEL Classification: K33, K41, F55

CZU: 341.64, 341.645.5

În istoria gândirii politice nici o doctrină socială sau construcție teoretică n-ar fi putut să aspire la o asemenea recunoaștere pe care a căpătat-o astăzi, doctrina drepturilor omului. Acele școli, curente politice, concepții, care s-au bazat pe drept, au triumfat în cele din urmă asupra forței, violenței. Legea dreptului este mai superioară decât cea politică și acest adevăr este necesar de a fi cunoscut de toți politicienii, deoarece dreptatea ne îndrumază să-l respectăm pe om, semenul nostru, libertatea lui și tot ce-i aparține.

După 1990 în Republica Moldova s-au creat premise pentru elaborarea unei legislații conforme cerințelor etapei actuale de tranziție la economia de piață. Respectarea drepturilor și libertăților omului a devenit o condiție necesară edificării ordinii de drept în Republica Moldova, a preîntâmpinării oricăror abuzuri, a consfințirii principiilor morale și de drept, care trebuie să fie prezente permanent în conștiința conducătorilor și tuturor cetățenilor Republicii Moldova.

E necesar să se depună eforturi perseverente atât din partea instituțiilor de bază ale societății-biserică, școală etc- din sistemul învățămînt, instituțiilor de cult, etc., cât și din partea organizațiilor și asociațiilor guvernamentale pentru educarea membrilor societății în spiritul valorilor perene ale umanității- proces de natură să înlesnească o percepere vastă și justă a drepturilor fundamentale ale omului. Din aceste considerente, după 1990, în multe țări foste socialiste s-au creat institute, centre care se ocupă nemijlocit de protejarea drepturilor omului- instituții nonguvernamentale dependente de parlamentele statelor respective care asigură, prin modalități specifice, o mai bună soluționare a problemei în cauză.

Cunoașterea acestor documente oferă politicienilor, juriștilor, funcționarilor publici, precum și cetățenilor de rînd motive de adîncă reflecție. Politicienii vor fi îndemnați să opereze modificări deosebite în legislația republicii; să elaboreze legi noi, ce ar garanta o protecție, mai amplă și mai eficace a tuturor libertăților și drepturilor omului, care ar preconiza crearea și funcționarea unui sistem complex de instituții menite să asigure protejarea celui lezat în drepturi și pedepsirea celui ce a încălcat aceste drepturi, în special a celui ce face abuz exercitîndu-și funcția oficială. Juriștii vor trebui să facă un efort, nu deloc ușor, pentru a se detașa de concepție pur „locală” a normelor de procedură și a le apropia treptat de standardele ce sunt în circulație în cadrul european. Funcționarii publici vor avea de suportat efectele unei „reciclări” impus de trecerea de la legi, prin care individul prea puțin sau deloc nu-și poate apăra interesele la legi care îl protejează a concret și eficient existența și demnitatea.

Instituția drepturilor omului nu constituie ramură distinctă de drept, ci este o parte integrantă a dreptului internațional public. Susținem această teză deoarece Carta ONU, precum și alte documente internaționale referitoare la protecția juridică a drepturilor omului, găsim referiri, noțiuni și elemente componente de drept internațional public. Est evident că atunci cînd dezbatem problema în cauză e necesar să privim lucrurile nu izolat, ci în strînsă legătură cu sistemul de drept, care să asigure protecția juridică a drepturilor și libertăților omului printr-o complexitate din norme juridice cuprinse în diferite ramuri ale acestuia: în dreptul internațional public, dreptul constituțional, dreptul familiei, dreptul muncii,

dreptul civil și procesual civil, dreptul penal și procesual penal, istoria generală a statului și dreptului etc. Protecția juridică a drepturilor omului se asigură de fapt, prin două modalități: pe plan extern-prin instrumente juridice internaționale elaborate sub auspiciile organelor și organismelor cu preocupare în materie, ratificate de statele care sunt părți, și pe plan intern-prin normele sistemului de drept specific fiecărei țări în parte.

Dreptul fiecărei persoane la învățătură ocupă un loc central în sistemul drepturilor omului, el constituie o condiție *sine qua non* pentru exercitarea celorlalte drepturi și libertăți fundamentale, pentru împlinirea efectivă a personalității. Principala sa componentă o constituie dreptul la învățătură, enunțată într-o serie de instrumente naționale și internaționale dar de care este lipsită o mare parte a locuitorilor Terrei. Educația tineretului în respectul față de drepturile omului și a libertăților fundamentale și eliminarea discriminărilor în sistemul învățământului se înscrie, de asemenea, în conceptul de drept la învățătură.

Pentru garantarea și exercitarea acestui drept, pe plan internațional au fost adoptate diverse instrumente care consacră dreptul la învățătură ca un drept fundamental al omului și s-au elaborat studii și programe vizînd lupta împotriva analfabetismului, a discriminărilor în acest domeniu.

Înainte de a trece la analiza instrumentelor care consacră acest drept și a mecanismelor și programelor de punere în aplicare vom face o radiografie a acestui flagel care poartă numele de analfabetism, și care în prezent afectează circa o cincime din populația actuală a globului.

Declarația Universală a Drepturilor Omului (DUDO)¹ prevede în art. 26 că fiecare persoană are dreptul la învățătură, că aceasta trebuie să fie gratuită în învățământul elementar și de bază cel puțin și de asemenea stipulează obligativitatea învățământului elementar. Totodată, în Declarație se arată că orice persoană trebuie să aibă acces la învățământul tehnic și profesional. Este important de reținut, de asemenea, că, potrivit aceluiași text, accesul la studii superioare trebuie să fie deschis tuturor în funcție de merit, în baza unei egalități depline. În același articol se menționează că educația trebuie să urmărească și să contribuie la

dezvoltarea personalității umane, la întărirea respectului pentru drepturile fundamentale ale omului, să stimuleze înțelegerea, toleranța și prietenia între toate popoarele, grupurile rasiale, religioase și de asemenea să contribuie la dezvoltarea activității ONU în scopul menținerii păcii. Evident, părinții sunt cei care au prioritate în alegerea felului educației ce urmează a fi dată copilului lor.

Reglementările privind drepturile omului, aplicabile în materie, se regăsesc în art. 7 din Convenția internațională privind eliminarea oricăror forme de discriminare rasială, art. 13-14 din Pactul internațional privind drepturile economice sociale și culturale (PIDESC), art. 10 din Convenția internațională privind eliminarea discriminării față de femei, Convenția internațională împotriva torturii și a altor pedepse ori tratamente cu cruzime, inumane sau degradante, și art. 28 și 29 din Convenția internațională privind drepturile copilului. La acestea se adaugă și art. 33 din Convenția internațională privind protecția drepturilor tuturor lucrătorilor migranți și ai membrilor familiei lor, art. 4 și 8 din Convenția privind drepturile persoanelor cu dizabilități², Declarația și Programul de acțiune al Conferinței Mondiale a Drepturilor Omului de la Viena, din 1993 (Partea I, al. 33 și 34 și Partea a II-a al. 78-82)³; Declarația și Programul de acțiune al Conferinței Mondiale împotriva rasismului, discriminării rasiale, xenofobiei și intoleranței, care îi este asociat Declarației de la Durban, 2001 (al. 95 și 97 din Declarație și al. 129-139 din programul de acțiune)⁴. Documentul final al Conferinței de examinare de la Durban din 2009 (al. 22 și 107), Documentul final al Reuniunii Mondiale la Nivel Înalt din 2005, al. 131⁵. Evident, trebuie menționată și Convenția UNESCO privind lupta împotriva discriminării în domeniul învățământului, menită să contribuie la eliminarea discriminării și promovarea egalității

² Revista de Drepturile Omului. 2010, nr. 4, p. 101 și urm.

³ Popescu Corneliu-Liviu. Protecția internațională a drepturilor omului: surse, instituții, proceduri: note de curs. București: Ed. All Beck, 2000. 346 p.

⁴ Materialele conferinței mondiale împotriva rasismului, discriminării rasiale, xenofobiei și a intoleranței asociate acestora „Declarația de la Durban”. București: IRDO, 2002, p. 28-29.

⁵ Programul Conferinței Mondiale împotriva rasismului, discriminării rasiale, xenofobiei și intoleranței. București: IRDO, 2002, p. 2002, p. 29 și urm.

¹ Drepturile omului: culegere de documente internaționale. Constantin Matei Lazari. Cimișlia: Editura „Tipcim”, 1996. 215 p.

de șanse și de tratament în educația pentru toți. Adoptată în 1960, această Convenție rămâne importantă, credem, în primul rând, datorită definiției extensive a discriminării în educație, înscrise în art. 1, care precizează că, termenul de discriminare se referă la orice deosebire, excludere, limitare sau preferință care, bazată pe rasă, culoare, sex, religie, opinie politică sau ori altă opinie, origine națională sau socială, situație economică sau naștere, are ca obiect sau rezultat suprimarea sau alterarea egalității de tratament în ceea ce privește învățământul. Este cazul îndepărtării unor persoane sau a unui grup de la accesul la diverse tipuri sau grade de învățământ, limitării la un nivel inferior de educație a acestuia, plasării ori punerea într-o situație incompatibilă cu demnitatea umană.

Termenul de învățământ, în sensul Convenției, se referă la diverse tipuri și diverse grade de învățământ și cuprinde accesul la învățământ, nivelul său și calitatea sa, precum și condițiile în care se poate renunța la el (art. 12). Dacă ne-am referit, pe larg, la acest articol am făcut-o din două rațiuni. În primul rând, pentru că în perioadele de criză economică, ca aceea, pe care o parcurge omenirea în prezent, copiii, femeile, persoanele aparținând unei minorități etnice, lingvistice sau religioase pot deveni mai vulnerabile.

Potrivit art. 13 din Pactul internațional privind drepturile economice sociale și culturale, deplină exercitare a acestui drept trebuie asigurată prin învățământul primar obligatoriu și gratuit pentru toți, prin învățământul secundar, și, desigur, învățământul secundar tehnic și profesional, accesibil tuturor, ca și prin învățământul superior, prin instaurarea progresivă a gratuității, prin respectarea libertății părinților de a alege pentru copiii lor instituții de învățământ altele decât cele de stat. Potrivit art. 14 învățământul primar și gratuit trebuie introdus progresiv în teritoriile coloniale și dependente.

Totodată în art. 13 se precizează că educația trebuie să urmărească o dezvoltare deplină a personalității individului precum și a simțului demnității umane și a întăririi respectării drepturilor omului și libertății fundamentale. În acest sens se consideră că educația determină orice persoană să fie în măsură să joace un rol util într-o societate liberă, să încurajeze înțelegerea, toleranța și prietenia între toți indivizii și grupurile cărora le aparțin, etnice, lingvistice, religioase în scopul menținerii păcii.

Numeroase instrumente internaționale au fost adoptate în cadrul ONU și UNESCO privind diferite tipuri de învățământ și categorii de persoane cărora li se adresează.

Evident, diversele aspecte ale dreptului la învățătură sunt legate de problemele economice, sociale și culturale care au apărut în timpul perioadei de criză economică, căreia populația planetei trebuie să-i facă față în prezent. Este vorba de dreptul la învățătură școlară, dreptul la educație permanentă (continuă), dreptul la învățătură a adulților⁶, dreptul la învățătură extrașcolară etc.

Constituția Republicii Moldova din 1994, modificată și completată, prevede în art. 35 că dreptul la învățătură general este obligatoriu și că este asigurat, la fel ca și cel liceal și profesional, dar și prin învățământul superior, ca și prin alte forme de pregătire și perfecționare. De asemenea, se precizează că învățământul de toate gradele se desfășoară în unități de stat, în mod gratuit, acordându-se în cazurile expres prevăzute de lege și burse sociale de studiu, dar ca acesta se poate desfășura, în condițiile prevăzute de lege și în instituții particulare și confesionale, asigurându-se, prin lege, dreptul persoanelor aparținând minorităților naționale de a învăța și de a se instrui în limba maternă, drept garantat de Constituție. Se asigură, de asemenea, libertatea învățământului religios, potrivit cerințelor cultelor, garantându-se prin lege învățământul religios în școlile de stat. Noile realități sociale au determinat legiuitorul din Republica Moldova să adopte în 2014 o nouă reglementare în domeniul educației. Ne referim la Codul Educației,⁷ care privește organizarea și funcționarea sistemului național de educație. Codul Educației se adresează elevilor și studenților, dar și cadrelor didactice și urmărește adaptarea mediului școlar la nevoile individuale.⁸ Modificările aduse sistemului educațional prin această lege sunt numeroase. Codul Educației este considerată o soluție necesară pentru exercitarea dreptului fundamental la învățătură pentru că introduce parteneriatul școală – familie – comunitate, contribuind la compatibilitatea legislației

⁶ Beșteliu Raluca Miga, Brumar Catrinel. Protecția Internațională a drepturilor omului. București: Universul juridic, 2010, p. 5.

⁷ Codul Educației al Republicii Moldova Nr. 152 din 17.07.2014 Publicat: 24.10.2014 în Monitorul Oficial Nr. 319-324. Art. Nr. 634. Data intrării în vigoare: 23.11.2014.

⁸ Ibidem.

Republicii Moldova cu cea a Uniunii Europene în domeniu.

Codul Educației al Republicii Moldova, constituie actul normativ-legislativ fundamental în domeniul învățământului și reglementează sub toate aspectele funcționalitatea, raporturile juridice din sistemul educațional național.⁹ Codul Educației propune: o nouă abordare a educației și a misiunii sistemului de învățământ prin centrarea pe cel ce învață și formarea de competențe; modernizarea sistemului de învățământ în contextul integrării europene și al Procesului de la Bologna; delimitarea competențelor de administrarea sistemului de educație între administrația centrală, administrația publică locală și instituții; extinderea învățământului obligatoriu până la vârsta de 18 ani, astfel încât tinerii să finalizeze liceul sau să dobândească o calificare profesională până la vârsta legală de inserție pe piața forței de muncă; consolidarea autonomiei instituționale și a responsabilității sociale a instituțiilor de învățământ.

Fără îndoială, orice demers educațional constituie o acțiune pe termen lung, dar rezultatele certe, pe măsură, vor fi, credem, de natură să amelioreze climatul social, să îndepărteze prejudecățile, stereotipurile rasiste ce pot fi mai evidente în perioadele de criză economică piedicile ce apar în calea respectului datorat demnității, identității, precum și ansamblului de drepturi fundamentale.

Bibliografie:

1. Drepturile omului: culegere de documente internaționale. Constantin Matei Lazari. Cimișlia: Editura „Tipcim”, 1996. 215 p.
2. Revista de Drepturile Omului. 2010, nr. 4.
3. Popescu Corneliu-Liviu. Protecția internațională a drepturilor omului: surse, instituții, proceduri: note de curs. București: Ed. All Beck, 2000. 346 p.
4. Materialele conferinței mondiale împotriva rasismului, discriminării rasiale, xenofobiei și a intoleranței asociate acestora „Declarația de la Durban”. București: IRDO, 2002. 32 p.
5. Programul Conferinței Mondiale împotriva rasismului, discriminării rasiale, xenofobiei și intoleranței. București: IRDO, 2002.

6. Beșteliu Raluca Miga, Brumar Catrinel. Protecția Internațională a drepturilor omului. București: Universul juridic. 2010 453 p.

7. Codul Educației al Republicii Moldova Nr. 152 din 17.07.2014 Publicat: 24.10.2014 în Monitorul Oficial Nr. 319-324, art. Nr: 634, data intrării în vigoare: 23.11.2014.

8. Strategia învățământului superior din Republica Moldova în contextul Procesului de la Bologna, 2004. [On-line]: http://www.utm.md/acte_normative/externe/strategiaBologna.pdf (Vizitat la: 01.05.2016).

Copyright© NICHITA Rodica, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

MD 2009, Chișinău, Republica Moldova
Str. Alexei Mateevici, 60.
Universitatea de Stat din Moldova.

E-mail: r.nichita2012@yandex.com

⁹ Strategia învățământului superior din Republica Moldova în contextul Procesului de la Bologna, 2004. [On-line]: http://www.utm.md/acte_normative/externe/strategiaBologna.pdf (Vizitat la: 01.05.2016).

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2016, Issue 2, Volume 11, Pages 265-275. ISSN 1857-1999 Submitted: 12. 02. 2015 Accepted: 15.06. 2016 Published: 30.06. 2016</p>
---	---

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

EVOLUȚIA TERORISMULUI RELIGIOS

THE EVOLUTION OF RELIGIOUS TERRORISM

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

PRODAN Svetlana / PRODAN Svetlana / ПРОДАН Светлана*

ABSTRACT:

THE EVOLUTION OF RELIGIOUS TERRORISM

*In its essence and in the full sense of the word **terrorism** means the frightening of a population through acts of violence. The word comes from the Latin „**terro**”, „**terroris**” which also means horror, terror, fear, fright caused deliberately by means of threat. By word „**terrorism**” as a method of action, is understood the terror practicing. It designates acts likely to cause, in a certain environment, a sense of fear, foreboding an inevitable evil and intimidating acts under all relationships.*

Key words: terrorism, social value, religion, violence, torture, aim, security.

JEL Classification: F29, K33, K39

РЕЗЮМЕ:

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

*В сущности, и в полном смысле этого слова, **терроризм** означает отпугивание населения посредством насилия. Слово «терроризм» происходит от латинского **terroris**, что также означает ужас, страх, испуг, вызванный умышленной угрозой. В качестве способа действия, терроризм означает использование насилия. и такие действия вызывают, в определенной среде, чувство страха, предчувствие неизбежности плохих последствий и пугающих актов во всех отношениях.*

Ключевые слова: терроризм, социальная ценность, религия, насилие, пытки, цель, безопасность.

JEL Classification: F29, K33, K39

УДК: 327.39, 341.222.6, 341.223.7

REZUMAT:

EVOLUȚIA TERORISMULUI RELIGIOS

*În esența sa și în sensul deplin al cuvântului, **terorismul** înseamnă înfricoșarea unei populații prin acte de violență. Cuvântul provine de la latinescul **terro**, **terroris**, ceea ce înseamnă oroare ,groază,frică ,spaimă provocată premeditat prin amenințare. Prin terorism ,ca metodă de acțiune,se înțelege practicarea teroarei.El*

* **PRODAN Svetlana** – Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **PRODAN Svetlana** – PhD in law, associate professor, University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **ПРОДАН Светлана** – Кандидат юридических наук, доцент, Европейский университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

desemnează acte de natură să provoace, într-un anumit mediu, un sentiment de teamă, prevestitoare a unui rău inevitabil și acte intimidante sub toate raporturile.

Cuvinte cheie: terorism, valoare socială, religie, violență, tortură, scop, securitate.

JEL Classification: F29, K33, K39

CZU: 327.39, 341.222.6, 341.223.7

Terorismul, în special în secolul al XX-lea, constituie una dintre cele mai odioase infracțiuni în clasificarea internațională, fiind considerată drept cea mai gravă crimă contra umanității.

Astfel, în general prin definiție, infracțiunea de terorism religios reprezintă actele care implicit constituie amenințări grave cu intenția de a se repeta. Este evident că actele de terorism religios sunt comise de cele mai dese ori cu mijloace ce provoacă o primejdie comună și care lezează prin efectele lor morale, interesele întregii societăți.

Terorismul religios reprezintă o infracțiune, un delict contra securității publice ce rezidă din săvârșirea unor explozii, incendii sau altor acțiuni care creează pericolul decesului oamenilor, în cauzarea unui prejudiciu patrimonial considerabil sau survenirea altor urmări sociale nefavorabile, acțiuni realizate pe baza de motivații care au un caracter predominant religios.

Terorismul religios a ajuns să prezinte un pericol foarte mare. Vorbind despre subiectele terorismului religios, e necesar de acordat o atenție deosebită și sectelor pseodoreligioase de orientare extremistă care, în ultimul timp, capătă o răspândire tot mai largă.

În general terorismul religios este o formă a terorismului prin care din cele mai vechi timpuri, sistematic se exercită violența, de către grupări teroriste sponsorizate de reprezentanții unor religii sau secte religioase împotriva conducătorilor sau credincioșilor de altă religie, fie pentru a se apăra de încercările prin care se urmărește limitarea influenței religiei în cauză, fie pentru a-și apăra privilegiile.

Terorismul religios se sprijină foarte mult pe fanatism și dispune deseori, de executanți kamikaze ai atentatelor teroriste. Teroriștii religioși de proveniență diferită, care împărtășesc uneori doctrine contrarii, sunt uniți prin convingerea că ei folosesc violența în scopul apărării propriilor comunități sau pentru a se răzbuca.

Terorismul religios poate fi divizat în: terorism islamic - care este de orientare fundamentalistă și tinde spre consolidarea normelor islamului în conținutul lor primar și

lichidarea regiunilor contemporane din statele islamice și terorism religios sectant, săvârșit de secte extremiste.

Fundamentalismul nu este numai o mișcare extremistă, cum se crede adesea, este o filosofie, o credință și se bazează pe un sistem selectiv de valori. Selectarea acestora este însă o trecere la limită și se realizează nu doar prin „decuparea” unor valori dintre alte valori, ci prin afirmarea exclusivă și gresia a celor selectate și negarea violentă celor neselectate. El are ca expresie directă terorismul islamic și este menit să aducă islamismul, prin orice fel de mijloc, la conducerea planetei, deoarece numai această religie – se crede – este adevărată și importantă, numai ea are o misiune mesianică. El vizează lumea întreaga, dar mai ales civilizația occidentală, cu leagănul ei european și configurația ei actuală de influență americană¹.

Folosirea calculată a violenței ilegale pentru a instaura frica, în vederea intimidării sau pedepsirii guvernelor sau societăților, pentru atingerea unor scopuri în general religioase sau ideologice.

„Concise Oxford Dicționar of Current English” definește fundamentalismul ca fiind respectarea strictă a preceptelor religioase, în special în cazul religiei islamice. Încercările de a stabili care sunt trăsăturile fundamentalismului islamic, și chiar folosirea acestui termen au dus la dezbateri aprinse. Acesta se manifestă ca o întoarcere la credința adevărată, într-un Dumnezeu transcendent.

Fundamentalismul Islamic este o formă a islamului radical, legată de credința în aceia că, pentru redobândirea „fostei măreții” a statelor islamice, musulmanii trebuie să renunțe la tot ce-i leagă de valorile spiritual occidentale, precum și de acest model de viață. Trebuie de întors la originile fundamentului Islamic, în acea formă în care a fost propovăduita de prorocul Muhamed.

Mai mult ca atât, islamiștii radicali sunt de părere că însuși islamul ca religie s-a dovedit a fi

¹ Ranstorp Magnus. Terrorism in the Name of Religion. In: Journal of International Affairs. 1996, 50.1, p. 41-60.

în fața unui pericol de moarte, fiind supus pericolului dispariției nu în urma încrucișării cruciaților, ci datorită influenței „veninului occidental”, adică a ademenirii cu ideile laice și materialiste contemporane, precum și cu modul de viață respectiv. Astfel apare convingerea că pentru a salva islamul este nevoie de o unire și scăpărare a puterii în stat. Violența în acest caz apare în ochii fanaticilor religioși ca ceva firesc, normal, uciderea ostaticilor fiind un lucru obișnuit, fundamentismul Islamic nu consideră crimă, uciderea unui „necredincios”.

Caracterizând terorismul Islamic, sursele principale de răspândire a cărui sunt organizațiile social –religioase din Arabia Saudită, Sudan, Irak, Pakistan, Afganistan, trebuie de menționat faptul că în ultimii 25 de ani acești teroriști, au omorât un număr mai mare de oameni, au explodat cele mai multe bombe și mai mult decât altor teroriști le reușește să influențeze politica internațională².

La mijlocul anilor '60 și sfârșitul anilor '90 numărul mișcărilor fundamentaliste cu diverse afilieri religioase s-a triplat în întreaga lume.

Grupările islamice foarte mult se contactează între ele. Aceasta este determinat de faptul că au doi dușmani comuni: modul de viață occidental și Israelul ca stat al necredincioșilor care au ocupat pământurile sfinte ale islamului. De asemenea ele sunt unite prin ideologia islamică fundamentalistă.

Originea etimologică a termenului de extremism provine din latină „extremus” „extrem, ultimul”. Termenul de extremis religios desemnează idei sau acțiuni considerate extreme, exagerate, utopice, acțiuni ce sunt determinate de concepții religioase și se bazează pe motivații și scopuri religioase.

La începutul sec. XXI pericolul extremismului religios s-a manifestat cu o forță nouă și deja la nivel mondial, despre care mărturisesc noile metode și pericolul social sporit al actelor teroriste înfăptuite de teroriștii kamikaze islamiști în SUA cu folosirea aeronavelor civile în calitate de mijloc de nimicire în masă. Aceste acte teroriste au demonstrat ca extremismul religios se transformă într-o adevărată epidemie a noului veac și este capabil să conducă la dezlănțuirea unui nou război mondial. Drept exemplu în acest situație poate servi bucuria și mândria mamei

unui dintre teroriștii kamikaze care s-a explodat la o discotecă. Bucuria și mândria ei era dublă pentru că acesta era a doilea copil care merge pe calea aceasta. Ea își consideră feciorii drept eroi și povestea cât de buni erau, cât de mult iubeau copiii, uitând însă de acei copii care au decedat în urma acțiunilor acestora. Și încă un detaliu esențial este ca femeia aceasta își crește al treilea copil, pe care, de asemenea, îl pregătește de a fi șahid.

Cu părere de rău acest exemplu nu este unic. Ideea de bază a liderilor terorismului Islamic este foarte simplă, contra celor care nu respecta legile islamului trebuie de luptat. Ideologia terorismului Islamic ridică Jihad-ul (războiul sfânt) la rang de al șesele stâlp al islamului, considerând ca „distrugerile cu aplicarea forței și a violentei, nimicirea deplină a părții opuse” reprezintă una dintre formele și metodele Jihad-ului. Legătura între terorism și religie nu reprezintă un fenomen nou, el este cunoscut și prezent încă din cele mai vechi timpuri.

Terorismul a evoluat pe parcursul istoriei înglobând cele mai diverse forme, de la mișcări religioase până la revolte politice și chiar răscoale sociale.

Una dintre cele mai timpurii grupări teroriste cunoscute de istorie au format-o sicarii, o sectă excelent organizată ce a activat în Palestina anilor 66-73 î.Hr.

Sursele documentare sunt reduse despre această sectă sunt reduse la număr, între ele existând multiple divergențe. Totuși cert este faptul ca sicarii atacau inamicul ziua, îndeosebi de sărbători, când Ierusalimul era „invadat” de masele populare. Armele preferate ale sicarilor erau pumnalul și sabia scurtă, care putea fi ascunsă cu ușurință sub vestimentație. Sicarii, pe bună dreptate, considerau că gloata este ceva asemănător întunericului (datorită densității, a îmbulzelii și a slabei probabilități de a fi observat în atare condiții ,autorii crimelor).

Sicarii au fost acei care au distrus casa lui Anania, preotul suprem al evreilor și palatele reprezentanților dinastiei Irozilor, au ars arhiva publică pentru a nimici recipisele debitorilor, au incendiat depozitele de grâu, au scos din funcțiune sistemele de irigare ale Ierusalimului. Membrii acestei grupări aveau convingeri naționale de orientare extremistă și antiromână, considerându-i dușmani pe reprezentanții diasporei palestinienne și egiptene, precum și pe evrei care pledau pentru pacea cu Roma.

² Gladchi Gheorghe, Sili Vitalie. Terorismul: studiu criminologic și juridico-penal: monografie. Acad. Chișinău: „Ștefan cel Mare” a MAI al RM, 2004, p. 122.

Conform unor izvoare istorice, sicarii au elaborat o doctrină pedantă numită „A patra filosofie”. Ei se supuneau doar „voinii lui Dumnezeu”, respingând orice putere politică sau de alt ordin, refuzând să recunoască în slujitorii cultelor niște intermediari între Dumnezeu și oameni.³

Trăsătura caracteristică a sicarilor era fanatismul religios: ei vedeau în chinuri ceva aducător de bunuri, având convingerea că răsturnând regimul politic și religios în care coexistau, vor apropia venirea lui Dumnezeu și salvarea poporului lor prin izbăvirea de suferințe. Un aliaj asemănător al fanatismului religios cu terorismul exista și în doctrina sectei asasinilor, descendenți ai islamistilor, care au apărut în secolul al XI-lea și au fost nimiciți în secolul al XII-lea de către mongoli (în anul 1256) când armata acestora a intrat în Persia.

Asasinii activau într-o atmosferă de confidențialitate deplină, fapt care nu a împiedicat extirparea acestora sub dublul asalt al mongolilor și al sultanului mameluc din Egipt, Baybars, care a condus o adevărată campanie de distrugere a acestei organizații. Din punct de vedere istoric, activitatea acestei secte simbolizează lupta dârza a minorităților religioase pentru dreptul de a confesa o religie și un mod propriu de viață, dar care din start au fost condamnați la înfrângere, indiferent de faptul că o anumită perioadă de timp aceste convingeri și practice le aduceau succese. Asasinii s-au menținut aproape 200 de ani⁴.

Apariția terorismului religios modern este asociată cu lupta revoluționară din Iran în anul 1980. În acele timpuri termenul de terorism religios semnifică și era considerat a fi terorismul Islamic. În anii 90, odată cu prăbușirea ideologiei comuniste și formarea de noi state independente a fost redus și numărul de organizații teroriste separatiste. Tot în acea perioadă a crescut și numărul organizațiilor teroriste religioase care nu mai erau legate doar de religia islamică dar și de alte religii ale lumii, secte și culte.

Organizațiile teroriste islamice reprezintă una din cele mai importante manifestări a terorismului religios ele au efectuat cel mai mare număr de atacuri teroriste religioase din ultimul deceniu. Aceste organizații sunt considerate a fi cele mai active și cele care au putut cel mai tare și

bine să influențeze politica internațională. La baza terorismului Islamic stă dorința de a răspândi fundamentalismul în întreaga lume. Aceste grupări au în vedere atât obiective pe termen scurt, cum ar fi eliberarea membrilor deținuți în închisori, cât și obiective pe termen mai lung, precum opunerea rezistenței față de ocupația israeliană a pământurilor pe care s-au născut și „eliberarea”, în consecință, a tuturor „credincioșilor”.

Una dintre primele asociații musulmane se consideră „Frații musulmani” fondate în anul 1928 în Egipt. Ei considerau ca instaurarea islamului într-o țară poate fi obținută și pe cale pașnică, prin răspândirea și promovarea valorilor islamice, a educației islamice. Evident că scopul lor era răspândirea religiei islamice în întreaga lume.

În anii 50 ideologul Fraților musulmani devine Sayyid Qutb care era adeptul unor metode mult mai radicale. În 1966 acesta a fost executat fiind acuzat că ar fi plănuț să-l asasineze pe președintele Egiptului.

În anul 1980 apare o organizație de orientare fundamentalistă, care apare în mediul clericilor, numită Hizballah (Jihadul Islamic). Lider al acestei organizații a fost Muhammed Husayn Fadlallah, care a studiat amănunțit experiența revoluției israeliene.

La 14 decembrie 1987 a fost creată de către șeicul Ahmed Iașin, organizația teroristă Hamas (Harakat al – Maquawama al-islamiya) Mișcarea islamică de rezistență.

În anul 1988 a fost întemeiată organizația terorista internațională fundamentalist-islamică, Al-Qaeda. Organizația a fost creată și condusă de către Osama bin Laden, originar din Arabia Saudita.

În 1987 a fost fondată o sectă religioasă, denumită, Aum – Șinrike. Aceasta o fost fondată de către Shoko Ashara.

Extinderea limitelor neprevăzute și a formelor terorismului, mai ales în secolul al XX-lea, a condus la crearea unei baze juridice internaționale contra terorismului, care în dezvoltarea sa a parcurs trei etape, urmând ca ea să fie în permanență completată și concretizată. La etapa inițială procesul de determinare a infracțiunii de terorism a decurs foarte lent.

Comitetul de experți, instituit de Consiliul Societății Națiunilor, a pregătit un proiect preliminar în vederea elaborării unei Convenții internaționale în lupta cu terorismul. Astfel în

³ Idem, p. 8.

⁴ Pop Octavian Iulian. Aspecte criminologice privind terorismul intern și internațional: studiu monografic. Timișoara: Mirton, 2003, p. 14.

1937 au fost adoptate două convenții: convenția pentru prevenirea și reprimarea terorismului și convenția pentru crearea unei Curți Penale Internaționale. Prima convenție a fost semnată de 24 de guverne iar a doua de 13. Convenția pentru prevenirea și reprimarea terorismului a declarat pentru prima dată criminalele terorismului și organizațiile, precum și sprijinul grupelor teroriste și bandelor. Convenția prevedea ca „acte de terorism” sunt fapte criminale împotriva unui stat al căror scop sau natura este de a provoca teroarea față de unele personalități determinate, unele grupuri de persoane sau în public. În virtutea prevederilor orice stat dacă este sau nu parte contractantă, are pe de o parte îndatorirea de a se abține de la toate faptele săvârșite cu intenția de a favoriza activitățile teroriste, iar pe de altă parte își are obligația de a împiedica în interiorul sau asemenea activități. Când privește statele ce nu au semnat Convenția, ele nu sunt mai puțin obligate spre a se încadra și ele în acțiunea internațională de prevenire și reprimare a terorismului, având datoria de a lua măsuri în vederea opririi actelor de terorism îndreptate contra altui stat. Prin obligația de a reprimă activitatea teroristă, s-a urmărit, în principiu, ca autorul unei infracțiuni de terorism, ca și complicității săi, să nu rămână nepedepsiți, indiferent de naționalitatea lor sau locul unde s-a comis actul de teroare. Scopul primordial al înlăturării constă în înlăturarea imunității autorului infracțiunii teroriste și a complicității lui. Dispozițiile convenției stabilesc dreptul de a aplica legislația și jurisdicția națională, de a extrăda autorul sau de a retrimite Curții Penale Internaționale.⁵

Aceste două Convenții traduc expresia solidarizării și spiritului de cooperare în lupta contra celei mai grave forme a criminalității – prin fixarea unor reguli precise. Ele au avut un rol determinant în dezvoltarea de mai departe a procesului de creare a normelor de drept internațional în sfera luptei cu terorismul. Adunarea Generală, întrunită la a 49 –a Sesiune în 1994, a primit Declarația cu privire la măsurile de lichidare a terorismului internațional. În principalele documente internaționale cuprinse în ea terorismul era clasificat, direct sau indirect, ca infracțiune contra omeniții. Declarația atenționează asupra cooperării între state în lupta

cu infracțiunile strâns legate de terorism. Conform Declarației statele sunt obligate să se abțină de la organizarea actelor teroriste pe teritoriul altor state, instigarea la ele, complicitatea sau participarea la ele, precum și la susținerea activității pe teritoriul sau orientate la săvârșirea actelor de terorism. Ele trebuie să asigure reținerea și urmărirea judiciară sau predarea persoanei ce a comis actul terorist, fie conform prevederilor declarației sau celor naționale; să colaboreze în ce privește schimbul de informații necesare în prevenirea terorismului și lupta cu acesta și să ia măsuri operative pentru a pune în funcțiune prevederile convențiilor internaționale în acest sens.

Actele interstatale elaborate sub egida ONU, creează o bază de drept determinată pentru crearea mecanismelor îndreptate spre lupta cu terorismul pe plan practic. În ceea ce privește nivelul regional legislativ privind reprimarea terorismului, cel mai temeinic arsenal politico-juridic s-a creat pe continentul european. Consiliul Europei a adoptat Convenția Europeană pentru reprimarea terorismului, Strasbourg 1960, intrată în vigoare în 1977. Convenția prevede faptul că statul contractant pe teritoriul căreia se află persoana bănuită în săvârșirea infracțiunii de terorism și care a solicitat extrădarea conform condițiilor stabilite, dacă acesta nu o predă, transmite cazul fără nici o excepție și fără rețineri nemotivate organelor sale competente pentru urmărirea penală.⁶

O altă formă a terorismului internațional, acoperită prin adoptarea a trei convenții consecutive, este terorismul aerian.

Prima convenție, referitoare la infracțiuni și alte acte survenite la bordul aeronavelor a fost încheiată la Tokyo în 1963, accentul fiind pus nu pe actele de deturnare, ci pe competența penală a statelor și obligațiile autorităților naționale și ale comandamentelor de aeronave în cazul infracțiunilor comise la bordul acestora.

Cea de a doua Convenție de la Haga din 1970 s-a străduit să elaboreze un ansamblu de reguli juridice care să poată ușura urmărirea penală a deturnărilor de aeronave. Convenția are drept obiectiv sancționarea autorităților care capturează ilegal aeronava sau care exercită un control prin forță sau altă formă de intimidare la bordul unei nave ce vine în zbor.

⁵ Dănilă Olga, Neagoe Visarion. Terorismul: o abordare psihosociologică. București: Editura Militară, 2011, p. 247.

⁶ Dumneanu Ludmila. Analiza juridico-penală și criminologică a terorismului. Chișinău: CEP USM, 2004, p. 160.

A treia Convenție de la Montreal are ca obiect de reglementare represiunile actelor de terorism aerian și drept scop instituirea unei baze de incriminare altor aspecte ale terorismului aerian, iar pe de altă parte facilitează cooperarea între state în vederea reprimării acestor acțiuni.

O alta formă gravă a terorismului internațional, incriminată printr-un instrument juridic – luarea de ostatici, calificată de Convenția internațională împotriva luării ostaticilor din 1979. Convenția prevede infracțiunea de luare de ostatici, precum și măsuri de prevenire a actelor de tentativă și complicitate. La fel convenția prevede și reglementari cu privire la obligațiile statelor în vederea reprimării infracțiunilor de luare de ostatici.

Mai târziu au fost adoptate încă câteva acte internaționale, menite să reglementeze situații ce erau în afara protecției de drept internațional. Astfel, în 1988 a fost primit Protocolul despre lupta cu actele de violență legate în aeroporturile internaționale. Ulterior a fost adoptată Convenția despre marcarea substanțelor explozive plastice în scopul de a le depista (1991), urmărindu-se prevenirea actelor teroriste comise cu utilizarea mijloacelor periculoase.

Cât privește alte regiuni, de exemplu, comunitatea statelor arabe, Liga Statelor Arabe acordă atenție sporită colaborării regionale, elaborării și aplicării unor măsuri eficiente în lupta cu terorismul internațional. Astfel, Asociația regională de colaborare a statelor Asiei de Sud a elaborat Convenția regională în lupta cu terorismul; Liga Statelor Arabe a primit Codul de comportare a statelor arabe participante la Consiliul miniștrilor afacerilor interne în lupta cu terorismul; Organizația conferinței islamice a adoptat Codul de comportare a statelor islamice. Fiecare dintre aceste acte internaționale cuprind norme privind colaborarea în lupta cu terorismul.

În 1971, la Washington, organizația statelor americane a primit Convenția despre prevenirea și pedepsirea actelor teroriste. Conform Convenției, statele părți s-au obligat să colaboreze între ele, luând toate măsurile care le vor considera efective, corespunzător legislației sale, întru prevenirea și reprimarea terorismului, în special a răpirilor de persoane, a asasinărilor și a altor atentate la viață și inviolabilitatea persoanei, pe care statul este obligat să le asigure.

Statele americane condamnă terorismul în toate formele sale și se pronunță ferm pentru a lupta cu el în toate regiunile Americii, utilizând

toate mijloacele legale. Acest fapt este confirmat prin diverse documente semnate :

1. Declarația de la Assisi din 1990;

2. Declarația principiilor pentru întâlnirea americană la nivel înalt în 1994 de la Manila, care a stabilit printre altele și organizarea Conferinței speciale a Organizației statelor americane pentru prevenirea terorismului.

3. Declarația Montruniana a miniștrilor afacerilor externe ai țărilor din occident;

4. Declarația finală a statelor părți la Consiliul consultativ pentru colaborarea în scopul prevenirii și lichidării terorismului internațional de la Buenos Aires și 1995.

Trebuie de menționat importanța, în lupta cu terorismul, a metodelor concrete de acțiuni mixte elaborate de cele opt țări industrial dezvoltate, printre care și Federația Rusă (de la început a participat ca observator, însă în iunie 1997 devine membru plenipotențiar). Printre cele mai importante documente în vederea combaterii terorismului se enumeră actele primite la întâlnirile și consfăturile Consiliilor de miniștri ai celor opt state la 12.12.1985 a fost primită Declarația despre lupta cu terorismul, în care au fost fixate obligații politice.

Statele declară ca vor colabora cu ONU cu organizațiile internaționale, instituțiile acestora, vor participa la diferite forumuri, întruniri etc. în vederea elaborării și aplicării în practică a unor măsuri de lupta cu terorismul.

Procesul de colaborare internațională a serviciilor speciale în combaterea terorismului reprezintă o soluție viabilă doar în cazul în care este luată în considerație atât abordarea teoretică, cât și cea practică. Această îmbinare reprezintă o exigență globală pentru interdependența statelor la nivel național, regional și internațional, în care trebuie încadrate procesele de colaborare și integrare.

Republica Moldova este parte a coaliției antiteroriste globale și susține eforturile comunității internaționale în contracararea fenomenului, acest lucru fiind confirmat de către Parlamentul Republicii Moldova în anul 2001, imediat după comiterea atacurilor teroriste din SUA. Susținând complet activitatea Consiliului de Securitate a Organizațiilor Națiunilor Unite, a Comitetului Antiterorist care activează în cadrul acesteia, Republica Moldova întreprinde măsuri de rigoare pentru implementare la nivel național a rezoluțiilor cu privire la combaterea terorismului. Au fost întocmite și prezentate patru rapoarte

despre mersul executării rezoluției 1373 (2001) și un raport despre implementarea rezoluției 1624 (2005). Totodată, fiind parte la cele 12 instrumente juridice ale ONU în domeniul combaterii terorismului, Republica Moldova a inițiat procedurile interne pentru ratificarea celui de-al 13-lea – Convenția internațională privind suprimarea actelor terorismului nuclear adoptată de Adunarea Generală a ONU la 13 aprilie 2005.⁷

În septembrie 2006, în cadrul ONU a fost adoptată Strategia mondială antiterorista și Planul de acțiune al celor 192 de state prin care se abordează fenomenul și colaborarea internațională degrevată de componența politică în contextul globalizării. Fiind parte la convențiile internaționale ONU de luptă împotriva terorismului, Republica Moldova implementează consecvent prevederile acestora, precum și prevederile stipulate în rezoluțiile Consiliului de Securitate.

Concomitent, Republica Moldova susține și participa activ la inițiativele Consiliului Europei în domeniul luptei împotriva terorismului și în acest context a ratificat Convenția europeană pentru reprimarea terorismului din 1977, Protocolul de amendare a acesteia din 2003, precum și un șir de alte convenții europene în domeniul extrădării și asistenței juridice în materie penală. În prezent, sunt realizate procedurile interne pentru ratificarea Convenției Consiliului Europei cu privire la prevenirea terorismului și Convenției privind spălarea de bani, căutarea, reținerea și confiscarea veniturilor provenite din crime și finanțarea terorismului.

Republica Moldova colaborează cu serviciile speciale ale altor state, cu organizațiile internaționale care desfășoară activități de combatere a terorismului. În plan multilateral, Serviciul de Informații și Securitate (SIS) colaborează, cooperează și conlucrează în cadrul Consiliului conducătorilor organelor de securitate și serviciilor speciale ale statelor-membre ale CSI, unde se lucrează în domeniul luptei împotriva terorismului internațional, traficului de droguri, de armament, de ființe umane, al migrării ilegale, spălării de bani și a altor infracțiuni grave. Pe parcursul anului 2008, conducerea SIS a participat la lucrările acestui forum internațional organizat de serviciile de securitate partenere în Republica Kîrgîzstan și în

Republica Armenia. Pe parcursul anilor 1997, 2002 și 2007 SIS a fost gazda acestui Consiliu.

Conlucrarea dintre Republica Moldova și Federația Rusă este una destul de activă și fructuoasă. În luna octombrie 2012, la Moscova și-a desfășurat lucrările cea de-a XI-a Consfătuire a conducătorilor serviciilor speciale, organelor de securitate și de drept ale țărilor-partenere ale SFS. Evenimentul a reunit 96 delegații din peste 60 de țări, precum și experți din structurile de profil ale ONU, CȘI, UE și Organizației de cooperare de la Shanghai.

Concomitent, Republica Moldova susține și participa activ la inițiativele Consiliului Europei în domeniul luptei împotriva terorismului și în acest context a ratificat Convenția europeană pentru reprimarea terorismului din 1977, Protocolul de amendare a acesteia din 2003, precum și un șir de alte convenții europene în domeniul extrădării și asistenței juridice în materie penală. În prezent, sunt realizate procedurile interne pentru ratificarea Convenției Consiliului Europei cu privire la prevenirea terorismului și Convenției privind spălarea de bani, căutarea, reținerea și confiscarea veniturilor provenite din crime și finanțarea terorismului. În cadrul colaborării internaționale a serviciilor speciale în combaterea terorismului, Republica Moldova cooperează cu serviciile speciale ale altor țări, cu organizațiile internaționale care desfășoară activități de combatere a terorismului. S-au stabilit raporturi de colaborare bilaterală cu serviciile similare din CSI, Bulgaria, Germania, Israel, Marea Britanie, Polonia, România, Turcia, țările Baltice, Ungaria, SUA. De asemenea, s-au stabilit contacte și cu serviciile speciale ale Croației, Franței, Spaniei și Danemarcei.

Analiza organizației teroriste religioase - Al Qaeda.

Al-Qaeda (Al-Qaeda, Al Qaida sau al-qa'ida) este transcrierea fonetică a cuvântului „qa'idah” (baza sau fundație în limba arabă), care poate fi folosită și în sens de baza militară. Al-Qaeda a evoluat din Mktab al- Khidamat, o organizație musulmană fondată în 1980, cu scopul de a strânge fonduri, inclusiv a recruta mujahedini străini, pentru războiul împotriva URSS din Afganistan. Organizația Al-Qaeda a fost fondată și condusă până de către Oussama Bin Laden, originar din Arabia Saudită.

Obiectivele declarate ale Al-Qaeda include terminarea influenței străine în țările musulmane și crearea unui nou califat Islamic. Susținătorii

⁷ Public Opinion In Islamic World on Terrorism. [Online]: www.worldpublicopinion.org. (Vizitat la: 01.03.2016).

grupului cred într-o conspirație creștino-evreică în scopul distrugerii Islamului și consideră omorârea civililor justificată Islamic în Jihad.

Filosofia Al-Qaeda este un „jihad defensiv” - Osama bin Laden încurajează asumarea luptei împotriva ceea ce e perceput ca inamic al musulmanilor oriunde pe glob. Extinzând această concepție, grupul își propune să răstoarne guvernele „ne-islamice” care se consideră că și-ar oprima cetățenii musulmani și înlocuirea lor cu guvernele islamice, să izgonească militarii americani și să elimine influențele occidentale din teritoriile sfinte ale Golfului și Irakului; nu în ultima instanță să cucerească Ierusalimul, ca oraș musulman.⁸

Al-Qaeda consideră SUA drept principal dușman al Islamului și tinde să întreprindă cât mai multe acte teroriste contra cetățenilor americani⁹. Ura lui Osama bin Laden și a organizației sale împotriva SUA se înscrie în această strategie a Jihadului defensiv. Sprijinul pentru Al-Qaeda a fost obținut prin portretizarea SUA drept pericol direct și un inamic al Islamului. Din perspectiva lor, SUA atacă musulmanii prin trupele staționate în Golf și Irak, prin sprijinul acordat Israelului, Indiei, Federației Ruse și Filipinelor, precum și prin atacarea și ocuparea Irakului și a Afganistanului.

Vorbind despre ideologia Al-Qaeda, mai trebuie de menționat autorul și gânditorul Sayyid Qutb (unii analiști consideră ca fără scrierile acestuia Al-Qaeda n-ar fi existat) care afirmă că fără sharia (legea islamică ce acoperă toate aspectele vieții, de la guvernare și relații externe până la viață de zi cu zi a individului și a comunității), lumea musulmană nu mai este, de fapt musulmană, ajungând într-o stare de ignoranță similară celei pre-islamice, denumită *jahilizzah*. Pentru refacerea Islamului, Qutb consideră necesară o mișcare armată a adevăraților musulmani care să fondeze state islamice adevărate, să implementeze sharia și să elimine din lumea musulmană orice influența ne-musulmană, cum ar fi concepțiile de naționalism sau socialism. Inamicii Islamului, în opinia lui, i-ar include pe „orientaliștii trădători” și pe așa-zisă „evreime mondială”, care complotază împotriva Islamului. Una dintre cele mai puternice idei a lui Qutb a fost cea conform căreia mulți din cei ce se declară musulmani, de fapt „nu sunt, ci sunt

„apostate” ceia ce nu numai ca le-ar oferi jihadiștilor „portia” pentru omorârea altor musulmani, ci chiar a transformat-o în obligația religioasă de a-o executa pe cei ce se auto-declară musulmani. În această categorie a „apostaților” au fost incluși și liderii țărilor musulmane, deoarece nu au aplicat sharia.¹⁰

Dimensiunile organizației Al-Qaeda este greu de le stabilit, datorită eforturilor intense antiteroriste care au urmat după 11 septembrie, dar se apreciază că mișcarea cuprinde astăzi câteva mii de membri și asociați. În plus, suporterii și asociațiile din lumea întreaga, care erau „inspirati” de ideologia grupului, ar putea acționa acum fără direcții indicate de conducerea Al-Qaeda, numărul acestora este imposibil de estimat. Al-Qaeda servește, de asemenea ca punct central de inspirație pentru o rețea cu răspândire mondială, care este compusă din numeroase grupuri extremiste islamice Sunnite, inclusiv din membri ai grupărilor *Gama’at al-Islamiyya*, Mișcarea Islamică din Uzbekistan, Grupul Islamic Jihad, Talibanii și *Jemaah Islamia* etc.

Osama bin Laden a aplicat, în principal, teoriile administrării afacerilor și tehnicilor moderne de management (deprinse atât de la universitate, cât și din afacerile familiei în domeniul construcțiilor) în conducerea organizației teroriste. În plus el a definit o strategie flexibilă pentru grupările care funcționează la diferite niveluri. Pe de o parte Osama bin Laden a funcționat ca președintele unei mari corporații internaționale: definind scopuri ținte specifice, emițând ordine și asigurând implementarea lor, mai ales în ceea ce privește operațiile Al-Qaeda „spectaculoase” susținute puternic financiar, cu o mare vizibilitate și cu un număr mare de victime, cum ar fi atacurile asupra ambasadei din Estul Africii sau cel din 11 septembrie 2001.

Al-Qaeda spre deosebire de multe alte organizații teroriste, în mod deliberat nu are un singur set de „modus operandi”, făcând astfel ca atacurile sale să crească în atrocitate.

Putem identifica în cadrul rețelei Al-Qaeda cel puțin patru niveluri operaționale:

a. Nivelul cadrelor profesionale. Cadrul profesionist este cel mai dedicat, angajat și profesionist element al Al-Qaeda, este recrutat dintre persoanele cărora li se încuviințează cele

⁸ Dănilă Olga, Neagoe Visarion. *Op. Cit.*, p. 247.

⁹ Dumneanu Ludmila. *Analiza juridico-penală și criminologică a terorismului. Op. Cit.*, p. 160.

¹⁰ Dănilă Olga, Neagoe Visarion. *Op. Cit.*, p. 248.

mai importante și costisitoare atacuri cu alte cuvinte cele numite „spectaculoase”.

b. Nivelul amatorilor antrenați. La acest nivel sunt selectate cadrele cărora li se atribuie misiuni de colectare a informațiilor și de testare a capacității de reacție a forțelor antiteroriste, crescând astfel substanțial șansele de reușita a cadrelor profesioniste. Se poate specula ca Ahmen Ressaym a fost folosit în acest mod la planificarea atacului din 11 septembrie.

c. Nivelul grupurilor de inițiativă locală. Acestea sunt celule locale de radicaliști care vin cu o idee proprie atacurilor, încercând ca să obțină fonduri de la Al-Qaeda pentru a o pune în practică.

d. Nivelul grupărilor insurgente de gherila sau teroriste, cu aceleași concepții este reprezentat de formațiunile insurgente care, în decursul timpului au beneficiat de susținerea sau îndrumarea lui Osama bin Laden; membrii lor fiind antrenați de Al-Qaeda în Afganistan sau aprovizionați cu arme, material sau alte tipuri de asistență din partea organizației.¹¹

După unele surse, exista un val crescând de nemulțumiri în lumea islamică față de Al-Qaeda și afiliații ei, venind dinspre liderii religioși și foștii militanți, alarmați de actul takfirului (decizie prin care o persoană sau un grup de rit musulman se declară fără credință) ca și de uciderea de musulmani chiar în țările musulmane, în special în Irak¹²

Conform sondajelor Proiectului Rew Global Attitudes, începând cu 2002, sprijinul pentru tacticile teroriste au scăzut de șapte ori în țările musulmane. Potrivit sondajelor Rew sprijinul acordat organizației Al-Qaeda a scăzut substanțial în ultimii ani. Numărul atacurilor sinucigașe cu bombe în Indonezia, Liban și Bangladesh, de exemplu, a scăzut la mai mult de jumate în ultimii cinci ani. Acum cinci ani în Liban 74% din populație considerau atacurile sinucigașe cu bombă ca fiind justificate astăzi doar 34% consideră aceasta. Încă și mai semnificativ, populațiile de religie musulmană încep să refuze încercările Al-Qaeda de a perverti credința. World Public Opinion.org a afirmat ca în aprilie 2007, o mare majoritate din Egipt (88%), Indonezia (65%) și Maroc (66%) ar fi de acord cu afirmația conform căreia „grupurile care folosesc violența contra civililor cum este Al-Qaeda

încălca principiile Islamului. Islamul se opune utilizării unei astfel de violente.

Un sondaj organizat de grupul nonprofit World Public Opinion în 2008, utilizându-se sistemul cu interviul din casă în casă, cu câteva mii de rezidenți din țările predominant musulmane (Egipt, Pakistan și Indonezia) și cu un număr mai mic de respondenți în Turcia, Iordania, teritoriile Palestiniene, o majoritate semnificativă, în medie șapte din zece persoane, a fost de părerea că atacurile cu bombe, asasinatelor și atacurile violente împotriva civililor ale Al-Qaeda și ale grupărilor Islamiste nu sunt „deloc justificate” pentru atingerea unor scopuri politice și religioase.

Rădăcinile structurii financiare a lui Al-Qaeda își au originea în rețelele de recrutare și finanțare construite pentru a sprijini activitățile Jihad anti-sovietice în Afganistan. Aceste rețele s-au folosit intens de organizațiile caritabile și de afaceri musulmane din lumea întreaga. Înfrângerea talibanilor în Afganistan și eliminarea bazelor și locurilor de refugiu pentru Al-Qaeda au obligat organizația să se împartă în celule independente, responsabile fiecare cu propria lor finanțare și întreținere. Există indici ca aceste grupări și-au deschis propriile mici afaceri locale, acționând în domeniul delictelor minore și în comerțul cu droguri pentru a se susține cu propriile forțe, de exemplu în Irak, din încasările de recompense pentru răpiri, pe când în Europa, din fraude cu carduri de credit. A fost creată o cooperare internațională pentru înghețarea activelor unor organizații legate de Al-Qaeda, dar acestea sunt numai o fracțiune din rețeaua financiară a mișcării. Bani sunt transferați către Al-Qaeda și în interiorul ei prin mijloace greu detectabile, incluzând corporații de fațadă, conturi bancare secrete și organizații caritabile legale. Activitățile de spălare a banilor Al-Qaeda sunt ajutate de reglementările insuficiente la nivel global și de reglementările deficitare din centrele bancare din Golful Persic. Al-Qaeda evita sistemul bancar modern prin folosirea sistemului bancar informal havana (caracteristic lumii musulmane și utilizate mult în lumea islamică), dar și transferarea în fonduri în numerar sau folosirea de active greu de urmărit precum pietrele prețioase.

Prima sursă a fondurilor Al Qaeda a fost averea personală a lui Osama bin Laden, estimată ca ajungând la 250 de milioane dolari SUA. Potrivit mărturiilor membrilor Al Qaeda reținuți,

¹¹ Ibidem p. 252.

¹² Ibidem, p. 255.

se pare ca, la mijlocul deceniului 1990-2000, fondurile Al-Qaeda erau reduse datorita faptului că în 1994 guvernul saudit înghețase activele lui Osama bin Laden, iar pe de altă parte acesta făcuse investiții mari, în diverse proiecte în Sudan.¹³

În 2003 SUA au estimat ca bugetul anual Al-Qaeda înainte de atacurile din 11 septembrie era de 35 milioane de dolari dar încă nu se știe care îi sunt cheltuielile în prezent. Aceste cifre au fost confirmate în raportul final al Comisiei care a studiat atacul din 11 septembrie 2001. După bombardarea ambasadei din Africa în 1998 Al-Qaeda și-a retras o mare parte din depozitele bancare bazându-se în continuare pe sistemul bancar havana axat mai mult pe încrederea partenerilor practicat îndeosebi în Dubai și în Pakistan¹⁴

Scăderea masiva a finanțării Al-Qaeda a determinat-o, încă înainte de atacurile din 11 septembrie 2001 să-și transfere o parte din activele sale vizibile în mărfuri greu de urmărit. Acest proces a început încă în 1998, atunci când SUA și unele țări europene au inițiat primele acțiuni de înghețare a fondurilor talibane. Ca răspuns, activitatea financiara s-a transferat către comerțul cu aur, diamante și pietre prețioase, mărfuri care având dimensiuni mici sunt ușor de depozitat și de transportat plus că valoarea lor crește în timp și pot fie distribuite pe piața în cantități mici fără a atrage atenție asupra lor.¹⁵ Al-Qaeda depinde în primul rând de donațiile provenite de la persoane care ideologic au aceeași gândire sau de la acelea nu puține, care au convingerea ca sprijină o cauză umanitară.

Organizația Al-Qaeda, grupurile afiliate ei și cele inspirate de acțiunile ei sunt implicate în misiuni contra SUA și contra Coaliției în Africa, Europa, Orientul Mijlociu, Afganistan, Pakistan și Irak, acestea incluzând atacurile sinucigașe și detonarea vehiculelor-capcană.

Activitățile atribuite ei implica membrii din mișcarea care au depus jurământ de loialitate către conducerea organizației, precum și alte persoane, mult mai numeroase, având legături cu Al-Qaeda, care nu au depus un jurământ de loialitate, dar sau antrenat într-una din bazele de antrenament Al-Qaeda în Afganistan sau Sudan.

În decembrie 1992, primul atac terorist Al-Qaeda, cu bombe, a avut loc în Yemen, la Aden, zona hotelurilor Movenpick și Goldmohur, ținte fiind soldații americani aflați în drum către Somalia, pentru a participa la efortul internațional împotriva foametei, misiunea Restore Hope. Pe plan intern Al-Qaeda a considerat atacul drept o victorie care i-a înspăimântat pe americani dar de fapt în SUA el a avut o rezonanță redusă, mai ales ca nu a fost ucis nici un american, întrucât fuseseră cazați în alt hotel, plecarea în Somalia derulându-se conform planificării.

În 1993 ramzi Yousef a folosit un camion încărcat cu bombe pentru a ataca World Trade Center, în New York. Scopul atacului era să distrugă fundația Turnului nr. 1, care să se prăbușească peste Turnul nr. 2. Atentatorul a sperat să producă moarte da 250, 000 persoane. Atunci totuși, turnurile au rezistat teroristul reușind totuși ca să ucidă șase persoane pe lângă cele 1042 rănite și să producă pagube materiale estimate la peste 300 de milioane de dolari SUA.

Au urmat atacurile cu bombe contra ambasadelor americane în Africa de Est, care au avut ca rezultat 300 de morți, majoritatea localnici.

Bibliografie:

1. Amza T. Criminologie teoretică: teorii reprezentative și politică criminologică. București: Lumina Lex, 2000. 816 p.
2. Gheorghe Arădăvoaice, Iliescu Dumitru, Niță Laurențiu Dan. Terorism. Antiterorism. Contraterorism. București: Antet, 1997. 384 p.
3. Bodunescu Ion. Flagelul terorismului internațional. București: Editura Militară, 1978. 274 p.
4. Basarabescu Gh. Terorism, între istorie și actualitate. CLIPA, nr. 518, din 27 septembrie 2001.
5. Balan O. Terorismul – crimă internațională. Chișinău Antetitlu: Academia de Poliție „Ștefan cel Mare”, 1998. 144 p.
6. Busuncian Tatiana Teza de doctor. Colaborarea internațională a serviciilor speciale în combaterea terorismului. Chișinău. 2014.
7. Dănilă Olga, Neagoe Visarion. Terorismul: o abordare psihosociologică. București: Editura Militară, 2011. 290 p.
8. Dumneanu Ludmila. Analiza juridico-penală și criminologică a terorismului. Chișinău: CEP USM, 2004. 168 p.
9. Dumneanu Ludmila. Aspectul legislativ de combatere a terorismului pe plan național. În: Aspectul legislativ de combatere a terorismului pe

¹³ Dănilă Olga, Neagoe Visarion. *Op. Cit.*, p. 258.

¹⁴ [On-line]: www.msnbc.msn.com/id/27644191 (Vizitat la: 01.03.2016).

¹⁵ Dănilă Olga, Neagoe Visarion. *Op. Cit.*, p. 259.

plan național Revista Națională de Drept. 2003, nr.1, p. 29-31.

10. Dumneanu Ludmila. Pericolul terorismului. În: Revista Națională de Drept. 2003, nr. 2, p. 45-48.

11. Dumneanu Ludmila. Tendințele de bază ale terorismului contemporan. În: Revista Națională de Drept. 2000, nr. 12, p. 27-28.

12. Dumneanu Ludmila. Tipurile și formele terorismului. În: Analele Științifice ale USM. Seria „Științe socioumanistice”. 2003, nr.1, p. 148-152.

13. Falconi Fabrizio, Sette Antonello, Gâdei Radu. Osama Bin Laden: teroare în Occident. București: Allfa, 2002. 108 p.

14. Gaudin Philippe, Aronescu Sanda, Bălan Marin. Marile religii. București: Editura Orizonturi : Editura Lider, 1995. 458 p.

15. Glădchi Gheorghe, Sîli Vitalie. Terorismul: studiu criminologic și juridico-penal: monografie.

Acad. Chișinău: „Ștefan cel Mare” a MAI al RM, 2004. 284 p.

16. Jura Cristian, Zaharia Dragoș. Terorismul internațional. București: Editura ALL Beck, 2004. xvi + 396 p.

17. Pop Octavian Iulian. Aspecte criminologice privind terorismul intern și internațional: studiu monografic. Timișoara: Mirton, 2003. 82 p.

Copyright©PRODAN Svetlana, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

MD 2069, Chișinău, Republica Moldova,
str. G. Iablocichin, 2/1.

E-mail: prodan.s@mail.ru

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2016, Issue 1, Volume 11, Pages 276-284.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 11. 2015 | Accepted: 15.06. 2016 | Published: 30.06. 2016

**COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**ROLUL ONU ÎN DINAMICA GUVERNĂRII GLOBALE: PROMOVAREA
DEMOCRAȚIEI ȘI BUNEI GUVERNĂRI PRIN DIPLOMAȚIA MULTILATERALĂ**

**UN ROLE IN GLOBAL GOVERNANCE: PERFORMING DEMOCRACY
AND GOOD GOVERNANCE THROUGH MULTILATERAL DIPLOMACY**

**РОЛЬ ООН В ДИНАМИКЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
СОДЕЙСТВИЕ НАДЛЕЖАЩЕМУ УПРАВЛЕНИЮ ПОСРЕДСТВОМ
ДЕМОКРАТИИ И МНОГОСТОРОННЕЙ ДИПЛОМАТИИ**

STEJARU Selena* / STEJARU Selena / СТЕЖАРУ Селена

ABSTRACT:

**UN ROLE IN GLOBAL GOVERNANCE: PERFORMING DEMOCRACY
AND GOOD GOVERNANCE THROUGH MULTILATERAL DIPLOMACY**

The article seeks to demonstrate that multilateralism, as an institutional form of global policy coordination according to generalized principles of conduct, continues to inform current thinking heavily about how the world is governed. Good governance has grown rapidly to become a major ingredient in analyses of what's missing in countries struggling for economic and political development. Researchers have adopted the concept as a way of exploring institutional failure and constraints on growth. Putting governance right has become a major aspect of development assistance.

This article refers to the concept of „good governance” as promoted by the international development community, highlighting the extent to which the good governance concept is analysed with regard to its peculiar understanding of participation and democracy.

Key words: *good governance, accountability, democracy, international organizations, sustainable development, UN.*

JEL Classification: K33, K12, F53.

РЕЗЮМЕ:

**РОЛЬ ООН В ДИНАМИКЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОДЕЙСТВИЕ
НАДЛЕЖАЩЕМУ УПРАВЛЕНИЮ ПОСРЕДСТВОМ ДЕМОКРАТИИ
И МНОГОСТОРОННЕЙ ДИПЛОМАТИИ**

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «хорошее управление». Совершенствование управленческой деятельности – это постоянная обязанность государства. В настоящее время оформившаяся доктрина «good governance» рассматривает неэффективное

* **STEJARU Selena** - Master în Studii Europene, doctorandă, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, lector, Secția Limbi Străine Aplicate, Republica Moldova, Departamentul Relații Internaționale, (Chișinău, Republica Moldova). / **STEJARU Selena** - Master of European Studies, PhD Student, State University of Moldova, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, Lecturer, Section of Foreign Languages, International Relations Department (Kishinev, The Republic of Moldova). / **СТЕЖАРУ Селена** – Магистр европейских знаний, аспирант, Государственный университет Молдовы, факультет международных отношений, политических и административных наук, преподаватель, Отдел иностранные языки, Департамент международных отношений (Кишинев, Республика Молдова).

управление как одну из главных причин кризисов в обществе, стремится выявить недостатки поведения каждого из субъектов процесса принятия управленческих решений и найти пути сбалансированного взаимодействия государственных органов, общества и человека.

В статье будут рассмотрены следующие вопросы: соотношение политики и управления в концепции «governance»; теоретические источники концепции «governance»; принцип сотрудничества как основа нового способа управления, возможность реализации права человека требовать наличия «эффективного управления» в своем государстве и быть его активным субъектом.

Ключевые слова: хорошее управление, подотчетность, демократия, международные организации, устойчивое развитие, ООН.

JEL Classification: K33, K12, F53.

УДК: 341.9, 341.924, 341.983.42.

REZUMAT:

ROLUL ONU ÎN GUVERNANȚA GLOBALĂ: INTERPRETATIVE DEMOCRAȚIE ȘI BUNĂ GUVERNARE PRIN DIPLOMAȚIA MULTILATERALI

Articolul urmărește să demonstreze că multilateralism, ca o formă instituțională de coordonare a politicilor globale în conformitate cu principiile generalizate de conduită, continuă să informeze gândirea actuală despre modul în care lumea este guvernată. O bună guvernare a crescut rapid de a deveni un ingredient important în analiza a ceea ce lipsește în țările se luptă pentru dezvoltarea economică și politică. Cercetătorii au adoptat conceptul ca o modalitate de a explora eșec instituțional și constrângeri asupra creșterii economice. Punerea dreptul de guvernare a devenit un aspect major al asistenței pentru dezvoltare.

Acest articol se referă la conceptul de „bună guvernare”, promovată de comunitatea internațională de dezvoltare, subliniind măsura în care conceptul de bună guvernare este analizată în ceea ce privește înțelegerea specială a participării și a democrației.

Cuvinte cheie: buna guvernare, responsabilitate, democrație, organizații internaționale, dezvoltarea durabilă, ONU.

JEL Classification: K33, K12, F53

CZU: 341.9, 341.924, 341.983.42

În ultimele decenii conceptul de guvernare și-a multiplicat prezența într-un număr mare de lucrări de specialitate, ca și în discursul din mediul multilateral. Folosirea abundentă a conceptului de către diferite curente de gândire face ca termenul de guvernare să aibă semnificații variabile și să fie adaptabil la numeroase contexte.

Din punct de vedere al obiectivului lucrării de față, care dorește să demonstreze importanța conceptelor ca instrument de reformare, ne-am axat pe tentativele de precizare a termenului construite în jurul a două noțiuni fundamentale pentru Organizația Națiunilor Unite: modul de exercitare a puterii și tipul de participare la luarea deciziilor.

Descrieri ale guvernării cu referință la modul de exercitare a puterii oferă următoarele definiții: (1) „Guvernarea este maniera în care este exercitată puterea în administrarea resurselor economice și sociale ale unei țări. Banca Mondială identifică trei aspecte distincte ale

guvernării: (i) forma regimului politic; (ii) procesul prin care autoritatea este exercitată în gestionarea resurselor economice și sociale ale unei țări în scopul dezvoltării; (iii) capacitatea guvernului de a proiecta, formula și pune în aplicare politici și de a-și îndeplini funcțiile”.¹

2) „Guvernarea cuprinde activitățile guvernelor, dar include și alte numeroase canale prin care se asigură fluxurile sub forma obiectivelor stabilite, orientărilor emise și a politicilor urmate”.²

În replică, alte definiții, poate și mai elocvente în contextul specificului ONU, pornesc de la asocierile necesare în mecanismele decizionale: (1) „Guvernarea este suma numeroaselor modalități prin care indivizi și instituții, publice și private, își gestionează afacerile proprii. La nivel global, guvernarea a fost privită, în primul rând,

¹ World Bank. Governance. The World Bank Experience, Washington D.C., 1994.

² Rosenau James. Governance in the Twenty-first Century. In: Global Governance. 1995, No.1, p. 14.

ca reprezentând relații interguvernamentale, dar acum trebuie înțeleasă ca implicând și organizații neguvernamentale, mișcările cetățenești, corporațiile multinaționale și piața globală de capital”.³

(2) Guvernarea se referă la procesul prin care elementele societății dobândesc putere și autoritate, influență și aplică politici și decizii referitoare la viața publică, influențează și aplică politici și decizii referitoare la viața publică, dezvoltarea economică și socială. Guvernarea este o noțiune mai cuprinzătoare decât guvernul, implicând interacțiunea dintre instituțiile oficiale ale guvernului și cele ale societății civile.”⁴

În organizații internaționale promotoare de politici, termenul de guvernare nu se limitează la constatări descriptive, ci este calificat, apărând astfel noțiunea de bună guvernare. Aceasta este asociată mai întâi cu orice politică publică sau privată, în funcție de diferite raporturi de responsabilitate. Instituțiile financiare internaționale, de exemplu, folosesc noțiunea de bună guvernare pentru definirea de criterii aplicabile unei bune administrații publice în țările supuse reajustării structurale. Noțiunea a fost folosită de FMI și Banca Mondială în contextul analizării bilanțurilor aplicării politicilor de ajustare structurală după 1980, atunci când acțiunile macroeconomice pe care le promovau erau criticate în general pentru efectele sociale negative pe care le provocaseră: șomaj, sărăcie, marginalizare, diminuarea serviciilor publice.

În acest spirit, Banca Mondială a enunțat patru condiții ale „bunei guvernări”, care desigur, urmau să explice, atunci când era nevoie, de ce eșuau anumite programe și politici pe care le recomandă.⁵

- Instaurarea statului de drept care cere să garanteze securitatea cetățenilor și respectul legilor;

- Buna administrare care cere gestionarea corectă și echitabilă a cheltuielilor publice;

- Responsabilitatea și răspunderea care să determine condiții în care conducătorii de întreprindere răspund pentru acțiunile lor în fața populației.

- Transparența.

Așa cum demonstrează Fatima Arib, termenul de bună guvernare este de origine economică.⁶ El a apărut în anii 1930, când Ronald Coase și alți economiști americani au formulat teoria potrivit căreia firma se dezvoltă atunci când modelele sale de coordonare internă permit să se reducă costurile tranzacțiilor pe piață. Mai târziu, teoria a fost reluată în contextul conducerii întreprinderii.

Începând cu anii 1979, noțiunea este importată de științele politice din Marea Britanie, cu ocazia finanțării de către guvern a unui program de cercetare despre reconstruirea puterii locale. De fapt, guvernul Thatcher a aplicat o serie de reforme vizând limitarea puterii autorităților locale, considerate ineficace și costisitoare, printr-o întărire a centralizării și privatizării anumitor servicii publice. Apărut în domeniul întreprinderii și-a transferat în sfera publică și este omniprezent în vocabularul organizațiilor internaționale, începând cu Fondul Monetar Internațional și Banca Mondială și terminând cu Uniunea Europeană și ONU.

James Rosenau adaptează direct conceptul la contextul sistemului ONU și asociază noțiunea de guvernare cu cele de ordine, stabilitate, comandă și control. Pentru el, procesul de guvernare este modalitatea în care o organizație sau o societate sunt conduse și administrate, în care esențială este dinamica comunicării și controlului. În acest proces, instituțiile nu sunt neapărat elementul fundamental, dacă se poate organiza un control eficient al actului de guvernare în absența unei autorități politice sau legale. El sugerează că există mai multe tendințe salutare în direcția guvernării globale, văzută ca un sistem multipolar de state care ar putea să reușească să facă față consecințelor războiului dintre ele și conflictelor interne. În ciuda transformărilor, pe care le-a suferit, ONU nu a reușit să-și consolideze un rol clar în guvernarea globală definită în sensul controlului. De vină este, în principal, lipsa voinței și mijloacelor de a pune în aplicare obiective multilaterale. Cu toate acestea, ONU continuă să ocupe o poziție critică și valoroasă în mecanisme globale de control. Necesitatea de acțiune colectivă crește, iar organizația va fi întotdeauna un mijloc de asigurare a unui

³ Commission on Global Governance. *Our Global Neighborhood*. Oxford University Press, 1995, p. 2-3.

⁴ [On-line]: www.soc.titech.ac.jp/uem/governance.html (Vizitat la: 01.03.2016).

⁵ United Nations Development Programme. *Governance for Sustainable Development*, UNDP, New York, 1997, p. 2-3.

⁶ Arib Fatima. *Organisation économiques internationales et governance*. Dans: *Problemes Economiques*. 2004, nr. 2.839, p. 14.

minimum de guvernare și acoperire a vidului de influență în situații volatile.⁷

În cazul ONU, buna guvernare este folosită preponderent în terminologia cooperării internaționale în domeniul dezvoltării, pentru a sublinia responsabilitatea națională pentru utilizarea resurselor de orice natură și elaborarea de politici economice și sociale.

Una din prioritățile de bază ale diplomației multilaterale ca instrument al politicii externe este promovarea bunei guvernări la nivel național cât și internațional. Adevărata diplomație implicată în negocierea problemelor globale și care servește adecvat interesele naționale conduce inevitabil către definirea unei politici externe ce armonizează cu imperativele unei bune guvernări. Eforturile internaționale în vederea promovării bunei guvernări la nivel global este în esență o parte integrală a diplomației multilaterale internaționale, cu condiția că acestea nu au ca scop armonizarea țărilor în curs de dezvoltare. Este dreptul și datoria fiecărui stat să-și identifice calea spre democrație și buna guvernare, astfel, evitând un model convențional, dar fiind armonizată cu cultura și istoria sa. Cu toate că buna guvernare are caracteristici comune pe toate continentele, nu se poate vorbi despre un model universal, fapt ce nu exclude, însă, recunoașterea unui set de principii universale pentru programele de bună guvernare adaptate la specificul național.

Anterior anilor 1980, conținutul strategic și operativ al politicilor ONU în domeniul dezvoltării nu era sub denumirea generică de guvernare, deși conceptul apărea sporadic în literatura de specialitate, precum și în vocabularul altor organizații internaționale. În anii 1980, ideea a dobândit un loc proeminent în terminologia de politică publică internațională mai ales în tematica de cercetare. Tranziția spre noțiunea de „bună guvernare” își are originea în insatisfacția tot mai mare față de modelele de dezvoltare economică și socială bazate pe structurile centralizate ale statului.

Pe de altă parte însă, la nivel internațional afirmarea conceptului de bună guvernare s-a raportat și la lipsurile teoriilor realiste sau instituționaliste referitoare la organizarea internațională, mai ales că acestea nu prevăzuseră influența crescândă a protagoniștilor non-statali sau implicațiile tehnologiei comunicațiilor și informațiilor în epoca globalizării.

O altă presiune asupra conținutului de noțiunii de guvernare a venit din direcția scăderii relevanței principiilor suveranității naționale și neamestecului în treburile interne ale statelor, situație descrisă de Boutros Boutros-Ghali: „vremea suveranității absolute și exclusive a trecut”.⁸ Noțiunea de guvernare a fost dezvoltată astfel încât să fie reflectate modul în care este exercitată puterea, precum și limitele exterioare ale acesteia. O perspectivă oferită mai târziu de un alt Secretar-general „Buna guvernare este asigurarea respectului pentru drepturile omului și statul de drept”.⁹ ONU nu a fost inițiatorul termenului de bună guvernare, dar l-a introdus în discuție, i-a dat un conținut pe care l-a îmbogățit permanent și l-a făcut să fie acceptat ca noțiune oficială de tot mai multe state.

La începutul anilor 1990 ONU a inițiat o dezbatere mai largă și mai serioasă asupra modului în care statul și societatea trebuie să fie restructurate. De aici interogația cu privire la cât de adecvat este sistemul de guvernare politică și economică a fiecărei țări.¹⁰ Eforturile activităților multilaterale s-au îndreptat în direcția sincronizării programelor de asistență cu procesele de guvernare internă. Absența constantă a conceptului de guvernare în limbajul oficial al cooperării multilaterale nu a fost lipsită de dificultăți, din cauza unui concept împărțit de toate țările. Procesul de definire continua și în prezent, conform surselor de specialitate.

Sistemul ONU a căutat constant în anii 1990, să clarifice și să îmbogățească conceptul de bună guvernare, să tempereze cu prudență, agresivitatea ideilor neoliberale aplicate problemelor economiei mondiale și să aducă în discuție efectul de marginalizare accentuată a unor țări membre, ca efect al globalizării. A adăugat perspective noi guvernării politice, noțiunile democrațiilor tradiționale, precum alegerile multipartide, separarea puterilor, au fost completate cu atribute precum protecția universală a drepturilor omului, legi împotriva discriminării, administrarea imparțială și eficientă a justiției, transparența agențiilor publice,

⁸ Boutros Boutros-Ghali. *An Agenda for Peace*. United Nations, New York, 1992, paragraph 17.

⁹ Kofi Annan. *Address to the World Economic Forum*. New York. 2000.

¹⁰ Boas Morten. *Governance as Multilateral Bank Policy*. In: *European Journal of Development Research*. 1998, nr. 2.

⁷ Rosenau James N. *Op. Cit.*

participarea substanțială a cetățenilor la dezbaterile politicilor publice.

O altă caracteristică a viziunii ONU asupra bunei guvernări este accentul pe necesitatea de a restabili echilibrul între sectoarele public și cel privat în sfera economică. În mod deosebit, două dintre comisiile regionale ale ONU, au argumentat că întărirea statului, și nu retragerea sa, pot să stimuleze eficiența și legitimitatea politicilor economice. Biroul regional PNUD pentru Europa de Est și Comunitatea Statelor Independente recomandă „un guvern puternic și legitim, dispunând de suficientă încredere în legitimitatea sa, ca să permită o societate civilă puternică și o rețea de instituții neguvernamentale, reglementări capabile să asigure dezvoltarea unui sistem economic funcțional, întărirea procedurilor democratice și participarea largă a populației în viața publică.”¹¹ Această perspectivă și-a găsit ecoul în frământările interne ale Băncii Mondiale influențate inclusiv de Joseph Stiglitz, viitorul laureat al premiului Nobel pentru economie, care amintea într-un raport în 1997 că „există o recunoaștere crescândă a faptului că anumite bunuri și servicii publice necesare pot fi asigurate numai prin cooperare internațională. Astfel, consolidarea capacității statelor va însemna și parteneriate și instituții mai eficiente, la nivel internațional și intern”.¹² Ca urmare a intervenției ONU, programele de liberalizare ale anilor 2000 puneau mai mare accent pe noțiunea de leadership și gestionare, dar și pe democrație, drepturile omului, acces la justiție și libertăți fundamentale. Într-o descriere sumară, pentru ONU buna guvernare la nivel național însemna eficiență, răspundere, legalitate, reprezentativitate și transparență. La nivel global „statele trebuie să fie mai conștiente asupra rolului lor dublu în lumea noastră globală. În plus, față de responsabilitățile separate pe care toate statele le au față de propriile lor societăți”.¹³

Analiza privind promovarea bunei guvernări conduce, în mod necesar, la aspectul modalităților prin care diplomația multilaterală

poate promova guvernarea democratică. Unul dintre elementele necesare unui sistem internațional modern și eficient este asigurarea cadrului de dezbateri democratică și autentică între exponenții unor abordări diferite ale problemelor globale. Chestiunea legitimității democratice tinde să afecteze organizațiile în care diferențierea politică joacă un rol, în care cei care guvernează nu își exercită pur și simplu puterea prin forță ci recunosc importanța organizării unui sens de reciprocitate între instituțiile politice și cei guvernați.

Cultura democratică pune accente pe drepturile individuale, pe aspirațiile cetățenilor față de instituțiile publice, astfel, legitimitatea devine o temă centrală a democrației. La începutul anilor 1990, democratizarea țărilor membre a început să fie recunoscută la ONU ca un cadru politic esențial pentru protecția drepturilor omului. Organizația Națiunilor Unite nu poate impune democrația și nici instala guverne democratice, ea poate, însă, să contribuie la promovarea și consolidarea culturii democratice în societate, în două contexte fundamentale. Un prim context este planificarea operațiunilor de restabilire și menținere a păcii, sau de reconstrucție instituțională postconflictuală. Asistând consolidarea acordurilor de pace, ONU devine un factor esențial în promovarea culturii de pace.

Un al doilea context este organizarea eforturilor generale de promovare a dezvoltării umane, prin asistarea statelor membre în furnizarea unei guvernări echitabile și eficiente și prin întărirea societății civile. Astfel de domenii ar putea fi asistența și organizarea de alegeri naționale, asistența cu mass-media, instituirea de mijloace de control ale răspunderii și transparenței pentru conducătorii politici, îmbunătățirea situației drepturilor omului.¹⁴

James A. Caporaso observă dificultățile conceptuale și politice pentru ONU de a opera imparțial în acest concept, democrația ne fiind un concept care se înțelege de la sine și nu implică, în cod necesar, un set omogen de indicatori operaționali. El admite însă, că existe componente importante ale democrației în raport cu care se poate evalua efortul de guvernare democratică: răspunsul guvernelor față de preferințele cetățenilor, reprezentare, participare,

¹¹ United Nations Development Programme. The Shrinking State and Human Development in Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States. New York: UNDP, 1997.

¹² World Bank. World Development Report 1997: The State in a Changing World. New York: Oxford University Press, 1997.

¹³ United Nations, We the Peoples: The United Nations in the Twenty first century. New York, 2000.

¹⁴ Joyner Christopher C. The United Nations and Democracy. In: Global Governance. 1999, Vol. 5, nr 3.

deschidere, drepturi, legitimitate, răspundere, competiție politică, în special competiția electorală și a partidelor, și separarea puterilor.¹⁵

În același timp, promovarea guvernării democratice poate și trebuie să fie un mandat realist și permanent al diplomației multilaterale, dispunând de legitimitatea și competența de a contribui la procesul de democratizare la scară globală.

În teorie, democrația nu mai lipsește în nici o abordare referitoare la guvernarea globală. În realitate, există un nivel scăzut de responsabilitate democratică pentru procesul de guvernare globală. Pozițiile luate de către forurile internaționale sunt foarte rar subiectul examinării profunde și periodice de către parlamentele naționale. Nu există exigențe clare care pentru dezvăluirea publică a acestor informații asupra pozițiilor luate și motivului care le-au alimentat. În ciuda unor recente îmbunătățiri, organizațiile internaționale nu fac obiectul controlului impactului politicilor lor asupra țărilor și popoarelor.

Din perspectiva exponenților democrației transnaționale, cum ar fi Hans Koechler, fără un „minimum de echitate și echilibru în realitatea economică internațională și în cea ce privește politica de putere internațională, chiar și cele mai vizionare puteri prevederi democratice ale Cartei ONU rămân fraze goale și simple apeluri retorice”.¹⁶ În aceste condiții propunerile conținute în teoriile convenționale ale politicii internaționale ar fi lipsite de credibilitate și în contextul ONU, iar democrația la nivel internațional nu va fi posibilă atâta timp cât în realitate se menține o stare de dependență a majorității în statele membre.

Potrivit acestor opinii, oricare ar fi opțiunile de reformare a actualului sistem internațional, rămâne validă dilema dreptului internațional: (i) dreptul internațional este fie garantat de o superputere (sau un grup de superputeri), ceea ce aduce în mod necesar la arbitrar în aplicarea principiilor sau deciziilor legale; ori (ii) dreptul internațional este garantat de către o comunitate internațională de state egale – de exemplu, printr-o aplicare colectivă a legii prin intermediul unei

structuri internaționale democratice – care îngăduie însă, lipsa de eficiență, cât timp cei mai puternici protagoniști internaționali nu pot fi determinați să se conformeze deciziilor care le afectează propriile interese.

În această logică, modelul de democrație transnațională și democratizarea relațiilor dintre state ar impune, în primul rând, schimbarea unor concepte esențiale din dreptul internațional, cum ar fi cel al suveranității și cel al amestecului în treburile interne ale altor state. Suveranitatea, care în concepția sa tradițională este legată de entitatea sa abstractă a statului, este cea care creează actualele dezechilibre la scară internațională și face dificil parteneriatul democratic între state. Suveranitatea poate să fie redefinită în relație cu drepturile suverane ale cetățeanului care constituie fundamentul oricărei entități politice legitime. În al doilea rând, o altă schimbare majoră ar fi introducerea unei separări autentice a echivalentului puterilor „legislative” și „executive” din cadrul organizațiilor mondiale.

Robert Cox analizează tandemul democratizare – internaționalizare. Pentru demonstrația lui, pornește de la raportarea obiectivelor guvernării globale la cea mai scurtă definiție a globalizării – „stăpânirea universală a pieței”¹⁷. Astfel, internaționalizarea se referă la schimbările care afectează statele. Globalizarea este un concept mai larg și se referă la o gamă întreagă de activități și practici care implică statele și entitățile nonstatele, conturând un sistem social global mai integrat. Globalizarea economică este un factor principal în tendința de internaționalizare. Internaționalizarea statului înseamnă că statele servesc tot mai mult ca instrumente pentru ajustarea politicilor interne, conform imperativelor competiției pe piața mondială.

Aceasta înseamnă modificarea esențială a rolului statelor, conceput odinioară ca dispozitiv de apărare împotriva impactului economic dăunător venit din afară. Statele nu mai sunt privite ca mecanisme de protejare a bunăstării interne, devenind predominante preocupările de reducere a serviciilor sociale în țările bogate și politicile de ajustare structurală în țările sărace.

În toate aceste ipostaze, statele au devenit intermediari între economia mondială – cu propria ei structură de putere – și obiectivele

¹⁵ Caporaso James A. *Democracy, Accountability, and Rights in Supranational Governance*. Princeton University Press, 2003.

¹⁶ Koechler Hans. *The United Nations and International Democracy. The Quest for UN Reform, International Progress Organizations*, Vienna 1997.

¹⁷ Cocs Robert W. Cocs. *An alternative approach to multilateralism*. In: *Global Governance*. 1997, Vol. 3, No. 1.

naționale. Procesul de internaționalizare a întărit ierarhiile globale. O singură superputere, cu ajutorul altor câteva, poate determina ce trebuie să facă ONU. Expresia economică a internaționalizării este globalizarea.

Democratizarea ar prezenta, prin urmare, o tendință contrară la forma de internaționalizare a actualului sistem al statelor, respectiv a conducerii de către SUA. Pentru a se legitima acest leadership, se recurge la valorile democratice. Numai că realizarea ideii democratice este negată de polarizarea dintre cei puternici și cei fără putere, dintre cei bogați și cei săraci. Polarizarea a devenit o caracteristică tot mai vizibilă a unui status-quo favorizat de globalizare. Într-un efort de minimizare a acestei contradicții, ideologia liberală încearcă să impună o separare între politic și economic. Prin urmare logica de piață a concurenței neîngrădite este opusă impulsului de democratizare care cere ca activitatea economică să servească obiectivul echității sociale.

În ceea ce privește democratizarea guvernării globale în domeniul economic, radicalismul propunerilor nu frecventează numai opiniile conservatoare din dreapta eșichierului politic american. Astfel, o direcție interesantă este schițată de Walden Bello. Acesta consideră că o reformă, care să ducă doar la intercalarea considerentelor macroeconomice și cele sociale în modul de concepție și acțiune care domină Organizația Mondială a Comerțului și Fondul Monetar Internațional, nu este cea mai bună opțiune. Strategia reformatoare poate fi viabilă doar atunci când sistemul în ansamblu este corect, dar nu și când este esențialmente corupt.

Adevăratul obiectiv ar fi descentralizarea puterii instituționale a acestora și crearea unui sistem pluralist de guvernare economică globală. Aceasta s-ar traduce în „reducerea radicală a puterii și transformarea lor într-o simplă pereche de instituții internaționale care coexistă și care sunt supuse evaluării și din partea altor organizații internaționale, acorduri și grupări regionale. Este greu spus dacă această opțiune este întra-adevăr dezirabilă. Așa cum observă Basu „marile puteri preiau, prin mijloace subtile, controlul asupra marilor organizații internaționale și apără anumite politici și anumite idei care le convin. Or, ele fac adesea, nu prin deturmarea directă a programelor acestora, ci prin instalarea în orientări ideologice și promovarea de idei compatibile cu interesele lor”.

Dacă globalizarea este o reconfigurare a spațiului social, aceasta presupune și o reconfigurare a reglementării. Acolo unde se vorbea de guvern, se vorbește acum de guvernare. Datorită globalizării, numeroase relații sociale transcend geografia teritorială, ceea ce face impracticabilă, în sferele respective, guvernarea teritorialistă. Guvernele naționale și locale sunt inapte să reglementeze, de unele singure, domenii precum mass-media globale, problemele ecologice globale, comerțul mondial cu arme, fluxurile financiare globale. Fluxurile transfrontaliere nu pot să fie strict delimitate teritorial, astfel încât, în mod corespunzător, un stat să poată încerca să-și exercite controlul deplin unilateral.

Globalizarea, văzută ca o creștere a conexiunilor între oameni din diferite părți ale planetei, a creat noi criterii de loialitate și solidaritate, cum ar fi cele legate de etnicitate, care suplimentează sau se suprapun naționalismului centrat pe stat. În plus, au apărut valori „suprateritoriale”, cum ar fi respectul pentru drepturile omului sau pentru integritatea ecologică, care depășesc, ca prioritate, suveranitatea statală și noțiunea asociată de autodeterminare asupra propriului teritoriu. ONU reprezintă deja un simbol și un instrument al acestor valori.

Benjamin Bassin identifică patru funcții principale ale ONU în contextul guvernării globale¹⁸:

a) În virtutea naturii sale de unic organism interguvernamental universal, ONU constituie un forum natural de legitimizare (sau de negare a legitimității) a ideilor, doctrinelor și orientărilor utile în context interguvernamental. Această funcție de legitimizare pentru sfera economică socială ar corespunde funcției similare în domeniul politic și de securitate, cum este, de exemplu, legitimizarea de către Consiliul de Securitate a operațiunilor de menținere sau de impunere a păcii;

b) În strânsă legătură cu funcția de mai sus, apare potențialul ONU de a modela agenda internațională, de a facilita și a influența elaborarea de noi politici. Pe măsura accelerării globalizării, ONU ca forum global de discuții poate reprezenta, într-adevăr, un atelier de idei, care pot veni inclusiv din partea statelor mici.

¹⁸ Bassin Benjamin. Reform of the economic and social aspects of the UN system. The Hague/Boston/London 1998, p. 5.

Organismele și agențiile specializate ale ONU acționează în calitate de creatori de reguli, standarde și norme internaționale. O funcție centrală a sistemului este formarea, aprobarea, promulgarea unui cadru normativ, monitorizarea sa și, pe cât posibil, determinarea statelor de a-l pune în aplicare.

c) Sistemul ONU va continua să funcționeze ca un canal de acordare a asistenței economice și tehnice și să acționeze ca un catalizator pentru activitățile operaționale, orientate spre stimularea dezvoltării.

Guvernarea spațiilor globale este diferită de guvernarea internă, prin aceea că îi lipsește susținerea democratică pe ansamblu. Aranjamentele curente de reglementare a comunicațiilor, conflictelor, piețelor, fluxurilor financiare, organizațiilor globale se legitimizează în cel mai bun caz, pe o consultare și un consimțământ foarte limitat ale populațiilor afectate. În zona politicilor globale, participarea și răspunderea publice sunt de cele mai multe ori reduse. Jan Art Scholte crede că acest deficit democratic decurge din existența a două probleme structurale:

- Decalajul dintre globalizarea relațiilor sociale și imobilismul practicilor democratice tradiționale: atât populația cât și cei mai mulți politicieni continuă să vadă în guvern singura sursă de guvernare democratică, dar mecanismele democratice teritoriale nu sunt în măsură să aducă protagoniștii și fluxurile transnaționale sub controlul populației afectate;

- Preponderența în mentalitatea colectivă a structurilor naționaliste, în ciuda faptului că globalizarea a slăbit legăturile dintre teritoriu și destinul colectiv, făcându-se loc unor legături transfrontaliere și instituționale.¹⁹

Instrumentalizarea ONU ca protagonist puternic și influent în asigurarea guvernării globale este obiectivul major al ideilor reformatoare, fără de care procesele de reformă vor continua să aibă o direcție insuficient de clară. Pentru a răspunde globalizării, sistemul ONU trebuie să fie întărit în materie de încredere, ca și în materie de resurse. Este greu de imaginat o altă structură internațională globală care să poată atenua excesele sistemului prezent, în care urmărirea exclusiv a intereselor naționale proprii de către state, sau a profiturilor, prin domnia

absolută a forțelor pieței mondiale, pot să conducă la dezechilibre majore, să intensifice instabilitatea și să amplifice amenințările la adresa securității. Soluții parțiale la consecințele economice și sociale ale globalizării nu sunt suficiente. Este nevoie de o perspectivă integrată și de abordare simultană a tuturor acestor probleme.

Reforma sistemului ONU ar trebui să privească acele orientări și dezvoltări instituționale, care să-i permită o dezbatere democratică în care corporațiile publice și private să-și explice strategiile și să raporteze asupra respectării dreptului și orientărilor internaționale.

În același timp, promovarea guvernării democratice în țările membre poate și trebuie să fie un mandat realist și permanent al ONU, mai ales că în această privință există sprijinul majorității marilor contribuitori la buget. Organizația dispune de legitimitate și competență de a contribui la procesul de democratizare la scară globală. Elaborarea treptată a unui cadru normativ în materie, precum și asimilarea și sprijinirea planurilor de acțiune concretă asumate de statele membre în diverse forumuri internaționale pot cristaliza o direcție de reformă, cheia posibilă a altor transformări profunde.²⁰

ONU își poate asuma, ca obiectiv al organizării globale, prevenirea crizelor și conflictelor prin controlarea fenomenelor negative pe care procesul integrării globale le generează. Ea poate acompania integrarea economică globală, care pare irezistibilă și duce la integrarea forțată a unei lumi ce nu este pregătită pentru această schimbare accelerată, din cauza diversității sale culturale și varietății sociale și economice excepționale. Organizarea globală trebuie să cuprindă strategii de prevenire a migrațiilor masive și crizelor majore economice și sociale. Guvernele marilor puteri sunt prea încrezătoare în capacitatea forțelor pieței de a rezolva toate problemele. Ele nu sunt suficient de unite, astfel ca să poată uni și pune în aplicare strategii globale în situații de conflicte și crize. ONU oferă platforma de reflecție comună, de negociere și poate să construiască modele care să satisfacă atât interesele național-statale, cât și interesele publice globale.

¹⁹ Scholt Jan Art. Civil Society and Democracy in Global Governance. In: Global Governance. 2002, Vol. 8, No. 3.

²⁰ Petru Dumitru, "History and Evolution of the New or Restored Democracies Movement", Helsinki process Papers, 2005. pp.15-40

Bibliografie:

1. Arib Fatima. Organisation économiques internationales et gouvernance. Dans: *Problemes Economiques*. 2004, nr. 2.839.
2. Bassin Benjamin. Reform of the economic and social aspects of the UN system. The Hague/Boston/London 1998, p. 5.
3. Bello Walden. Future of global economic governance. In: *Challenges for the Millennium*, United Nations University Press, 2002.
4. Boutros Boutros-Ghali. *An Agenda for Peace*. United Nations, New York, 1992, paragraph 17.
5. Christopher C. Joyner. The United Nations and Democracy. In: *Global Governance*. 1999, Vol.5, No.3.
6. Commission on Global Governance. *Our Global Neighbourhood*, Oxford University Press, 1995, p. 2-3.
7. Cox Robert W. An alternative approach to multilateralism. In: *Global Governance*. 1997, Vol. 3, No.1.
8. Daianu Daniel. Concluding Remarks at the OSCE Economic Forum 2001, Prague, 18 May 2001.
9. *Development in Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States*. UNDP, New York, 1997,
10. Koechler Hans. *The United Nations and International Democracy. The Quest for UN Reform*, International Progress Organizations, Vienna 1997.
11. Kofi A. Annan. *Renewal and Transition*, United Nations, New York, 1997.
12. Kofi Annan. Address to the World Economic Forum, New York, 4 February 2000.
13. Morten Boas. Governance as Multilateral Bank Policy. In: *European Journal of Development Research*. 1998, nr. 2.
14. Petru Dumitru. History and Evolution of the New or Resorted Democracies Movement. Helsinki process Papers, 2005, p. 15-40.
15. Rosenau James N. Governance in the Twenty-first Century. In: *Global Governance*. 1995, No. 1, p. 14.
16. UNDP policy document „Governance For Sustainable Human Development”. New York: UNDP, January 1997.
17. United Nations Development Programme, *Governance for Sustainable Development*, UNDP, New York, 1997, p. 2-3.
18. United Nations, General Assembly, Millennium Declaration doc. A/RES/55/2, 2000.
19. United Nations. *We the Peoples: The United Nations in the Twenty first century*, New York, 2000.
20. World Bank. *Governance. The World Bank Experience*, Washington D.C., 1994.

Copyright© STEJARU Selena, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Str. N.Testimiteanu, Nr. 18, bloc 6,
MD-4027, Chisinau
Tel: +373 22 797122
E-mail: selena.stejaru@gmail.com

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2016, Issue 2, Volume 11, Pages 285-289. ISSN 1857-1999 Submitted: 08. 02. 2016 Accepted: 15.06. 2016 Published: 30.06. 2016</p>
---	---

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА ***

**RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS
IN CONDITIONS OF THE UKRAINIAN CRISIS**

**RELAȚIILE RUSO-AMERICANE
ÎN CONDIȚIILE CRIZEI UCRAINENE**

EVSEEV Vladimir / EVSEEV Vladimir / Евсеев Владимир**

ABSTRACT:

**RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN CONDITIONS
OF THE UKRAINIAN CRISIS**

The article analyzes the state of Russian-American relations in the short and medium prospect, based on the total development of the international situation as well as in connection with the development of the Ukrainian crisis.

Author reveals details about the origins of the confrontational approach of Washington to Russia's desire to ensure its national security by analyzing the evolution of the Russian-Ukrainian, Russian, European and Russian-Turkish relations as a result of US pressure, and comes to the conclusion that a significant improvement of US-Russian relations in the near future will not happen.

Keywords: USA, Russia, Ukraine, Crimea, Donbass, Turkey, anti-Russian sanctions.

JEL Classification: F29, K33, K39

REZUMAT:

RELAȚIILE RUSO-AMERICANE ÎN CONDIȚIILE CRIZEI UCRAINENE

Articolul analizează starea relațiilor ruso-americeane pe termen scurt și mediu, bazat pe remodelarea situației internaționale la nivel global, precum și în legătură cu evoluția crizei ucrainene.

Autorul dezvăluie în detaliu originile politicii de confruntare promovată de către Washington vis a vis de dorința Rusiei de a-și asigura securitatea sa națională, analizând evoluția relațiilor ruso-ucrainene, ruso-europene și ruso-turce, ca urmare a presiunii din partea SUA, și ajunge la concluzia că o îmbunătățire semnificativă în relațiile americano-ruse în viitorul apropiat nu se va întâmpla.

* Мнение автора может не совпадать с позицией редакции. Опубликовано на сайте «Материк» Информационно-аналитический портал постсоветского пространства 08.02.2016 г. Оригинал: [On-line]: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=22563&print=Y> Публикуется в «Молдавском журнале международного права и международных отношений» с разрешения автора.

** **EVSEEV Vladimir** - Doctor în științe tehnice, Expert militar, Șef Departament Integrare Euroasiatică și Dezvoltare a Organizației de Cooperare Shanghai (OCS) a Institutului CSI (Moscova, Federația Rusă). / **EVSEEV Vladimir** – Ph.D in Technical Science, Military expert, Head of the Department of Eurasian integration and development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) of the Institute of CIS (Moscow, The Russian Federation). / **ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич** - Кандидат технических наук, Военный эксперт, Заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация).

Cuvinte-cheie: SUA, Rusia, Ucraina, Crimeea, Donbass, Turcia, sancțiunile anti-rusești.

JEL Classification: F29, K33, K39

CZU: 327.39, 327.33, 341.222.6

РЕЗЮМЕ:

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

В статье анализируется состояние российско-американских отношений в ближайшей и среднесрочной перспективе исходя из общего развития международной ситуации, а также в связи с развитием украинского кризиса.

Автор детально раскрывает истоки конфронтационного подхода Вашингтона к стремлению России обеспечить свою государственную безопасность, анализируя эволюцию российско-украинских, российско-европейских и российско-турецких отношений как результат давления со стороны США и приходит к выводу, что существенного улучшения российско-американских отношений в ближайшее время не произойдет.

Ключевые слова: США, Россия, Украина, Крым, Донбасс, Турция, антироссийские санкции.

JEL Classification: F29, K33, K39

УДК: 327.39, 327.33, 341.222.6

В начале декабря 2015 г. в Вашингтоне прошла крупная международная конференция, в работе которой мне удалось принять участие. В ходе ее проведения и состоявшихся там встреч с экспертами и политическими деятелями, которые хорошо понимают текущую ситуацию, в том числе в отношении перспектив российско-американских отношений, стали понятны некоторые тенденции, которые будут проявляться в ближайшей перспективе. Во-первых, очень настораживает тот факт, что на среднем уровне в Государственном департаменте США многие настроены на конфронтацию с РФ. Поэтому даже после смены высшего эшелона власти в США, что произойдет к весне 2017 г., существенного улучшения российско-американских отношений не произойдет.

Во-вторых, отношения между Москвой и Вашингтоном сохранятся сложными, как минимум, на первый срок следующей американской администрации. Причем с вероятностью порядка 70% (на начало декабря 2015 г.) наиболее реальным кандидатом в президенты США является **Хиллари Клинтон**. Как считают в Вашингтоне, для России это не так и плохо, потому что она понимает важность РФ для США. Конечно, Хиллари Клинтон будет проводить более жесткую политику чем **Барак Обама**. Но она, тем не менее, будет

принимать в расчет российскую позицию, если это будет совпадать с американской по вопросу урегулирования региональных кризисов.

В-третьих, в ближайшее время отсутствует сама возможность снятия (смягчения) антироссийских санкций. При этом следует учитывать, что против РФ введены два вида финансово-экономических санкций: по Крыму, которые будут действовать неограниченно долго, и связанные с ситуацией на востоке Украины. В отношении последних санкций существует понимание, что они будут продлены не только до конца нынешнего года, но и еще на 6 месяцев, пока новая американская администрация сможет как-то сформулировать свою политику в отношении Украины. Таким образом, антироссийские санкции со стороны США продолжат действовать, как минимум, до лета 2017 г. До этого времени говорить даже об их смягчении было бы преждевременно.

В-четвертых, Украина постепенно перестает быть высшим приоритетом внешней политики США. Несомненно, что ситуация в этой стране была важна для администрации Барака Обамы, которая инициировала там силовое свержение власти в феврале 2014 г. Иначе это будет восприниматься новой американской администрацией. Для нее Украина останется лишь болевой точкой, которая может быть

задействована для оказания давления на Москву. Такие болевые точки США создают (поддерживают) по всему миру. Например, для Китая – это Тибет и Синьцзян-Уйгурский автономный район. В этом качестве Украина всегда будет задействована, как только будет необходимо. Поэтому Запад будет продолжать дотировать Киев на минимальном уровне и окончательно его не бросит, как бы не хотели этого в Москве. С другой стороны, поддержка американцами Украины будет все более носить ограниченный характер.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об экономической ситуации на Украине. Ранее мы считали, что ее экономика будет падать существенно быстрее. На практике этого не произошло ввиду накопленного за прошлые десятилетия, в первую очередь в советское время, научно-производственного потенциала и активного использования правящей властью украинского национализма, что позволяет достаточно долго местному населению выживать за счет различного рода подсобного хозяйства. Тем не менее, продолжается процесс деиндустриализации страны, что отчетливо видно, например, по оборонно-промышленному комплексу (ОПК). На Украине так и не смогли завершить создание собственного танка «Оплот» (это не помешало его принять на вооружение в мае 2009 г.), зато украинские специалисты помогают туркам создавать новый танк «Алтай». Такая ситуация США полностью устраивает, так как американцам не нужны конкуренты в сфере создания и производства бронетанковой техники. А Россия вынуждена идти по пути импортозамещения. В результате продукция украинского ОПК остается невостребованной, за исключением образцов легкого вооружения на Донбассе.

Ранее Государственное предприятие «Антонов» совместно с 214 предприятиями из 15 стран создало семейство двухдвигательных реактивных региональных самолетов Ан-148 (ближнемагистральный узкофюзеляжный пассажирский самолет). В 2012 г. производитель оценивал рыночную потребность в Ан-148 и его удлиненной версии Ан-158 на период до 2026 г. в более чем 500 самолетов. Пик его производства пришелся на 2013 г., когда было выпущено 9

самолетов. Всего к настоящему времени было поставлено 33 самолета этого типа, причем 28 в Россию, 2 – в КНДР и только 5 – на Украину. Сейчас фактически производство этого самолета прекращается. Вместо этого будут создаваться беспилотные летательные аппараты, это говорит о серьезной деградации страны в научно-производственной сфере.

Нужно заметить, что Украина не является единственной страной на постсоветском пространстве, которая уверенно идет по пути деиндустриализации. Это характерно не только для Таджикистана или Киргизии, но и даже Казахстана и Азербайджана, которые до последнего времени имели прогресс исключительно в нефтегазовом комплексе (это ярко проявилось на фоне низких мировых цен на нефть). Другой вопрос, что мы надеялись, что Украина по этому пути не пойдет, учитывая накопленный научно-технический потенциал.

Конечно, из этого не следует, что без внешнего воздействия украинский народ выйдет на улицу и свергнет ненавистную ему власть. Но процессы, которые имеют место на Украине, никем (включая американцев) до конца не контролируются. При этом для подъема национальной экономики нужны огромные внешние инвестиции и контроль за коррупцией. Однако в нынешней крайне нестабильной ситуации это невозможно.

С другой стороны, и Россия ни при каких обстоятельствах Донбасс не бросит. Это невозможно, в первую очередь по внутривнутриполитическим причинам.

Следует также понимать, что Москва никому не создает сюрпризы. Так, по вопросу украинского кризиса – вначале в Киеве произошел Майдан, в ходе которого была незаконно свергнута действовавшая власть, а только потом появилась проблема Крыма. Аналогичное произошло и в Сирии, где к июлю 2015 г. сложилась крайне тяжелая ситуация. И она бы привела к полной катастрофе, если бы в сентябре РФ не ввела на территорию этой страны ограниченный контингент своих войск. Только это позволило избежать массового геноцида в Сирии всех религиозных и национальных меньшинств от радикалов-исламистов.

Во многом эти действия носили вынужденный характер. Так, в Крыму существовала опасность того, что

радикальная часть крымских татар попытается захватить власть или, хотя бы, полностью дестабилизировать ситуацию на полуострове. Именно эта часть местного населения сейчас находится в Херсонской области Украины, где на турецкие деньги при согласии со стороны как Киева, так и Вашингтона создаются четыре разведывательно-диверсионных батальона. Последние, как утверждается, должны первыми войти в Крым и освободить его от «ненавистных москалей». Очевидно, что такая деятельность является незаконной и подлежит осуждению со стороны международного сообщества.

Некоторое беспокойство вызывают и следующие обстоятельства. Во-первых, никто не знает реальных планов турецкого руководства в отношении Украины. В частности, даже в так называемом «Национальном обете», принятом в 1920 г. последним парламентом Османской империи, эти территории, в отличие от районов Алеппо или Киркука, не рассматриваются в качестве территориальных претензий. Во-вторых, в самой Турции проживает порядка 2 млн крымских татар, которые потенциально могут потребовать возвращения на свою историческую родину. В-третьих, между Киевом и Анкарой существует сотрудничество в некоторых чувствительных областях, которое порой можно рассматривать как нарушение международного права. Так, в 2014 г. турки, по некоторым данным, предприняли попытки вывоза из украинского предприятия «Южмаш» (г. Днепропетровск) технической документации для производства межконтинентальных баллистических ракет (МБР) типа «Воевода». С одной стороны, это является грубейшим нарушением Режимы контроля за распространением ракетных технологий. С другой стороны, создавать МБР с обычной (неядерной) головной частью не имеет смысла. Следовательно, Турция не исключает самой возможности выхода из Договора о нераспространении ядерного оружия. На КНДР, в том числе по этой причине, были наложены жесткие финансово-экономические санкции со стороны Совета Безопасности ООН.

Помимо этого, нужно обратить внимание и на европейцев, которые тоже Украину до

конца не бросят. Но при этом в Берлине заявляют следующее: «Возьмите Украину на себя. Помогайте ей». Такой подход для России полностью неприемлем хотя бы потому, что Россия на Украине майдан не организовывала. Но он подтверждает то обстоятельство, что Европа реально не хочет брать на себя ответственность за Украину, а лишь старается использовать украинский рынок для сбыта собственных товаров.

При этом ситуация внутри самой Европы становится все более критической по вопросу беженцев. Их волна, во многом созданная искусственно президентом Турции **Реджепом Эрдоганом**, уже вынудила европейские государства фактически приостановить действие Шенгенских соглашений. Но это только начало чрезвычайно серьезных катаклизмов. Так, сейчас сирийская национальная армия достаточно успешно освобождает от радикалов северную часть провинции Латакии, где после взятия г. Сальма было сломлено организованное сопротивление. В ближайшей перспективе сирийская армия освободит не только Латакию, но и провинции Алеппо и Хама. В этом случае радикалы в провинции Идлиб попадут в окружение со стороны Сирии и будут выдвинуты в Турцию. Тогда, опять же с помощью Реджепа Эрдогана, в Европе окажутся не менее 10 тыс. боевиков в виде сирийских беженцев. В таких условиях ей будет явно не до украинской проблемы. Причем для турецких властей создать новую волну беженцев, в которую будут внедрены радикалы-исламисты, достаточно просто. Для этого нужно лишь принудительно выселить те лагеря беженцев, которые сейчас размещены вдоль сирийско-турецкой границы, и предоставить необходимый для перемещения беженцев транспорт.

Учитывая вышеизложенное, террористическая активность в Европе будет нарастать, а проблема беженцев все более усугубляться. В таких условиях приостановка действия Шенгенских соглашений, например, на два года, ничего не даст. И это будет способствовать ослаблению внимания к Украине со стороны европейских государств. Это уже видно по исчезновению украинской тематики на немецком телевидении (ТВ).

Полностью поддерживаю Минские соглашения (Минск-2). Но как их реализовать

на практике хотя бы до конца нынешнего года, когда Киев имитирует конституционную реформу и не желает разговаривать с Донецком и Луганском? Как это сделать в условиях финансово-экономической блокады Донбасса и потока ненависти на ТВ Украины? Однако сохранение нынешней ситуации тоже не способствует решению этой проблемы, учитывая неизбежное падение интереса к этой стране. В результате мы имеем полностью тупиковую ситуацию.

Таким образом, становится все меньше оптимизма по вопросу урегулирования украинского кризиса. И это при том, что в ближайшее время Верховная Рада Украины может внести некоторые (больше имитационные) изменения в конституцию страны и даже рассмотреть закон об

амнистии. В таких условиях местные выборы в ДНР и ЛНР могут вновь обострить ситуацию на востоке Украины, подталкивая противостоящие стороны к продолжению вооруженного противостояния. Хотелось бы верить, что российско-американское сотрудничество по этому вопросу способно не допустить столь трагического развития событий.

Copyright©EVSEEV Vladimir, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

Москва, Российская Федерация,
Институт стран СНГ.

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2016, Issue 3, Volume 11, Pages 290-307.

ISSN 1857-1999

Submitted: 18. 05. 2016 | Accepted: 15.06. 2016 | Published: 30.06. 2016

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК «УКРАИНА – ЕС – РОССИЯ»
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ***

**FOREIGN POLICY TRIANGLE „UKRAINE - EU – RUSSIA”
AND EUROPEAN INTEGRATION PROSPECTS OF UKRAINE**

**TRIUNghiUL „UCRAINA - UE – RUSIA” ÎN POLITICA EXTERNĂ
ȘI PERSPECTIVELE DE INTEGRARE EUROPEANĂ A UCRAINEI**

СТРЕЛЬЦОВА Ольга** / STRELTSOVA Olga / STRELȚOVA Olga

ABSTRACT:

**FOREIGN POLICY TRIANGLE „UKRAINE - EU – RUSSIA”
AND EUROPEAN INTEGRATION PROSPECTS OF UKRAINE**

The paper analyzes foreign policy relationships between Ukraine, the European Union and the Russian Federation in terms of their impact on the legal aspects of the Ukraine – European Union Association Agreement. The paper proves the thesis that the Russian Federation position on cooperation between Ukraine and the European Union is a factor that greatly impeding the European integration of Ukraine.

In particular, the priority of Ukraine at least in the long term become a member of the European Union is still not officially recognized. The formal explanation for this lies in the fact that Ukraine is not ready for closer European integration, because it does not correspond to the criteria for membership.

However, in addition to objective factors, there are some latent reasons resulted to complexity and contradictions of association process and further European integration of Ukraine. Among them, the author identifies internal and external, which in turn include the historical, cultural and civilizational, social, political, economic and other factors.

Particular attention is paid to the analysis of the specifics of bilateral relationships between Ukraine and Russia, as well as the study of the features of the geopolitical situation in the Eurasian region as a whole.

Key words: *Ukraine, the European Union, the Russian Federation, geopolitical relationships in Europe, the Ukraine – European Union Association Agreement.*

JEL Classification: F29, K33, K39

РЕЗЮМЕ:

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК «УКРАИНА – ЕС – РОССИЯ»
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ**

В статье анализируются внешнеполитические отношения между Украиной, Европейским союзом и Российской Федерацией с точки зрения их влияния на правовые аспекты ассоциации Украины и Европейского союза. Обосновывается тезис о том, что позиция Российской Федерации относительно

* Мнение автора может не совпадать с позицией редакции.

** **STRELȚOVA Olga** – Doctor în drept, conferențiar universitar, postdoctorand la Catedra Drept constituțional a Universității Naționale din Kiev „Taras Șevcenco” (Kiev, Ucraina). / **STRELTSOVA Olga** – PhD in law, Associate Professor, Doctoral candidate Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine). / **СТРЕЛЬЦОВА Ольга Викторовна** – Кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры конституционного права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Киев, Украина).

сотрудничества Украины и Европейского союза является фактором, в значительной мере препятствующим европейской интеграции Украины.

В частности, право Украины хотя бы в перспективе стать членом Европейского союза до сих пор официально не признано. Формальное объяснение этого заключается в том, что Украина не готова к более тесной европейской интеграции, поскольку не соответствует критериям членства.

Однако, кроме объективных факторов, существует ряд латентных причин, обуславливающих сложность и противоречивость процесса ассоциации и дальнейшей европейской интеграции Украины. Среди них автор выделяет внутренние и внешние, которые, в свою очередь включают исторические, культурно-цивилизационные, социальные, геополитические, экономические и другие факторы.

Особое внимание уделяется анализу специфики двусторонних отношений Украины и России в контексте исследования особенностей геополитической ситуации в евразийском регионе в целом.

Ключевые слова: Украина, Европейский союз, Российская Федерация, геополитические отношения в Европе, ассоциация Украины с Европейским союзом.

JEL Classification: F29, K33, K39

УДК 341.1:341.24:327.8

REZUMAT:

TRIUNGHIUL „UCRAINA - UE – RUSIA” ÎN POLITICA EXTERNĂ ȘI PERSPECTIVELE DE INTEGRARE EUROPEANĂ A UCRAINEI

Articolul analizează relațiile politice dintre Ucraina, Uniunea Europeană și Federația Rusă în ceea ce privește impactul acestora asupra aspectelor juridice ale Asociației Ucraina și Uniunea Europeană. Se argumentează teza că poziția Federației Ruse privind cooperarea dintre Ucraina și Uniunea Europeană este un factor care împiedică în mare măsură integrarea europeană a Ucrainei.

În special, dreptul Ucrainei, cel puțin pe termen lung, să devină membru al Uniunii Europene nu este încă recunoscut oficial. Explicația oficială pentru aceasta constă în faptul că Ucraina nu este pregătită pentru o integrare europeană mai amplă, deoarece țara nu corespunde criteriilor de aderare.

Cu toate acestea, în plus față de factorii obiectivi, există unele motive latente care duc la o complexitate și contradicții ale procesului de asociere și integrare europeană a Ucrainei în viitor. Printre acestea, autorul identifică cauze interne și externe, care, la rândul lor, includ elemente istorice, cultural-civilizaționale, sociale, geopolitice, economice, cât și alți factori.

O atenție deosebită este acordată analizei specificului relațiilor bilaterale dintre Ucraina și Rusia în contextul studiilor, în ansamblu, a situației geopolitice din regiunea Eurasia.

Cuvinte-cheie: Ucraina, Uniunea Europeană, Federația Rusă, relațiile geopolitice din Europa, Asociația Ucrainei cu Uniunea Europeană.

JEL Classification: F29, K33, K39

CZU: 341.1:341.24:327.8

Вскоре после обретения независимости, для Украины наметились два альтернативных вектора дальнейшего интеграционного движения – европейский и евразийский. Фактически Украине надлежало сделать выбор между тем, чтобы продолжать поддерживать налаженные во время существования Советского Союза связи между новыми независимыми государствами (прежде всего – с Российской Федерацией), но уже не в пределах единого государства, а на новом – международно-правовом или наднациональном уровне (в рамках СНГ, Евразийского экономического сообщества и т.п.) или же, отдать предпочтение

установлению и развитию отношений с Европейским союзом (далее – ЕС, Союз), по примеру бывших партнеров по социалистическому лагерю – стран Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) и Балтии. Сложность ситуации заключалась в том, что в силу геополитического положения Украины, сделать однозначный выбор в пользу одного из интеграционных курсов без существенных потерь со стороны другого, было невозможно. В свою очередь, и Европа, и Россия, желая привлечь Украину в свои интеграционные проекты на собственных жестких условиях, поставили последнюю

перед очень сложной геополитической и экономической дилеммой, которая существует до сегодняшнего дня: Украина может интегрироваться со своими восточными или западными соседями, но только ценой социально-экономических связей, суверенитета либо же, и того, и другого одновременно.¹

Следует подчеркнуть, что Российская Федерация (далее – РФ, Россия) всегда последовательно и настойчиво претендовала на максимальный «учет ее интересов» при принятии важных внешнеполитических и внешнеэкономических решений между Украиной и ЕС.² Но, не смотря на это, в большинстве исследований, посвященных правовому регулированию отношений Украины и ЕС, фактически игнорируется вопрос о существовании внешнеполитического треугольника «Украина – ЕС – Россия». Среди тех исследователей, которые уделяют внимание данной проблематике следует прежде всего назвать таких зарубежных и украинских ученых, как А.Буриан, А.Задорожний, В.Горбатенко, Дж.Шерр и др.

Действительно, реальное влияние РФ на сотрудничество Украины и ЕС является тем фактором, который значительно тормозит ассоциацию и препятствует дальнейшей европейской интеграции Украины, а теперь – еще и угрожает украинской государственности, ее суверенитету, территориальной целостности и независимости. Именно поэтому

комплексный анализ отношений между Украиной, ЕС и РФ, с нашей точки зрения, является актуальным.

Стремясь свести к минимуму возможные негативные последствия от определения интеграционного курса, Украина долгое время придерживалась так называемой «политики многовекторного балансирования»: с одной стороны, приоритетным направлением ее внешнеполитической деятельности провозглашалась европейская интеграция, а с другой – Украина принимала участие в некоторых интеграционных проектах в пределах СНГ и строила двусторонние отношения с Россией и другими бывшими республиками Советского Союза на основе добрососедства, сотрудничества и партнерства.³ В то время и в украинском обществе, и среди политических элит распространено было мнение, что славянская идентичность не противоречит европейской, исходя из чего, можно одновременно и вступить в ЕС, и сохранять дружеские отношения с Россией и другими новыми независимыми государствами.

Вдохновленная примером центрально- и восточноевропейских стран, с которыми Европейские сообщества и их государства-члены уже в начале 90-х годов подписали соглашения об ассоциации (Европейские соглашения), а 1993 г. – признали официальными кандидатами на вступление, Украина тоже надеялась на оптимистический сценарий развития отношений с Союзом. За первое десятилетие независимости ею были сделаны некоторые шаги в направлении европейской интеграции, однако процесс усложнялся внутренними трудностями построения государственности, острым экономическим кризисом, социальными проблемами.⁴ Уже в 2003 г. стало понятно, что европейское интеграционное движение не будет таким простым и предсказуемым, как оно представлялось некоторым украинским

¹ Рожанський М. Глибинні чинники російсько-українського конфлікту. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 77.

² Подтверждением этого тезиса могут служить неоднократные высказывания российских политиков, экспертов и даже ученых. Например, Директор Института стратегических оценок РФ С. Ознобищев пишет: «Приятно это или нет слышать в Киеве, но важным фактором остается преобладающее в России представление о том, что при решении многих кардинальных проблем украинского статуса и политики страны, должно приниматься во внимание мнение России и учитываться ее интересы. Именно игнорирование этих интересов при принятии первоначального решения по Соглашению об ассоциации Украина – ЕС стало поводом для развязывания украинского кризиса (Ознобищев С. Способствовать восстановлению и налаживанию российско-украинского диалога. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 38).

³ Например, 31 мая 1997 г. между Украиной и РФ был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве.

⁴ Мироненко В.И. Российско-украинские отношения в 1991-2002 гг. Историкографический очерк. Интернет-сайт В.И. Мироненко. [On-line]: http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0002/sci0002.htm#_ftnref136 (Дата посещения: 12.03.2016).

политикам. Ведь, как свидетельствует опыт расширения ЕС, вступление в это межгосударственное объединение – достаточно сложный процесс, который зависит от воли обеих сторон. Для примера, в период 60-х годов дважды было отказано в принятии Великобритании (страна стала членом Сообществ только в 1973 г.); Турция еще в 1963 г. подписала Соглашение об ассоциации с Европейским экономическим сообществом, в 1987 г. подала официальную заявку на вступление, но и сейчас не является членом организации; население Норвегии на референдумах в 1972 и 1994 годах проголосовало против вступления своего государства в ЕС.⁵

Что касается Украины – право хотя бы в перспективе стать членом этого межгосударственного объединения официально не признано за нею до сих пор. Объективные реалии заключаются в том, что Украина не готова стать членом ЕС, поскольку не соответствует формальным критериям членства. Однако, кроме объективных факторов, существует ряд латентных причин, обуславливающих сложность и противоречивость процесса ассоциации и дальнейшей европейской интеграции Украины. Среди них можно выделить внутренние и внешние, которые, в свою очередь включают исторические, культурно-цивилизационные, социальные, политические, экономические и другие факторы.

Среди исторических и культурных факторов исследователи называют некоторую «цивилизационную неопределенность», свойственную Украине. В частности, С.Хантингтон отмечает, что после окончания холодной войны Европу разъединяют уже не идеологические, а культурно-цивилизационные отличия. Линия, отделяющая западную и незападную цивилизации в Европе, пролегает вдоль границы между Россией и Финляндией, а также странами Балтии, разделяет Беларусь и Украину, отмежевывая греко-католическую

Западную часть Украины от православной Восточной. Украина, по утверждению С.Хантингтона, является «раздвоенной» страной, поскольку находится на грани двух цивилизаций. В таких «раздвоенных» странах (к которым, кстати, исследователь относит и РФ) возникает значительно больше трудностей, порожденных принадлежностью отдельных социальных групп внутри государства к разным цивилизациям. Кроме того, им значительно труднее построить стабильные политические системы на демократических основах.⁶

По мнению О.Дергачова, именно цивилизационная неопределенность Украины таит в себе альтернативы, связанные с разными геополитическими ориентациями, разными вариантами разрешения вопроса о месте и роли государства в системе международных отношений и, соответственно, разными внешнеполитическими приоритетами. Автор связывает это с существованием в украинском обществе неких угнетенных черт «европейскости» и приобретенных «евразийских» признаков.⁷

Такие черты действительно свойственны Украине и ее населению, что обусловлено ее историей и особым географическим расположением на пересечении Европы и Евразии. В разные исторические периоды та или иная часть украинских земель пребывала в составе разных европейских стран (Польши, Литвы, Австро-Венгрии) либо же России, что соответствующим образом отобразилось на регионально локализованных ментальных отличиях украинского общества и его тяготении к интеграции (или, по крайней мере, более тесному сотрудничеству) с восточными или западными соседями. На сегодня особое геополитическое положение Украины между ЕС, с одной стороны, и РФ – с другой, также существенно влияет на внутригосударственные процессы и на

⁵ George S. Britain and European Integration since 1945 (Making Contemporary Britain). Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1991. p. 41-42. Цит. по: Політика європейської інтеграції / [Воронкова В.Г., Жадько А.В., Катаєв С.Л. та ін.]; за ред. В.Г. Воронкової: навч. посібник. К.: «Професіонал», 2007, с. 28.

⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004, 480 с.; Політика європейської інтеграції / [Воронкова В.Г., Жадько А.В., Катаєв С.Л. та ін.]; за ред. В.Г. Воронкової: навч. посібник. К.: «Професіонал», 2007, с. 116-117.

⁷ Дергачов О. Геополітичні суперечності та національна безпека. В: Демони миру та боги війни. Соціальні конфлікти посткомуністичної доби. К.: Політична думка, 1997, с. 134.

участие Украины в международных отношениях, о чем красноречиво свидетельствует сложная политическая ситуация, в которой пребывает Украина вследствие военной агрессии России.

Причины этого неоднозначны и заключаются как в специфике двусторонних отношений Украины и России, так и в особенностях геополитической ситуации в евразийском регионе в целом.

Относительно первого, следует отметить, что после прекращения существования СССР, именно Украине и России как двум крупнейшим по своему людскому, экономическому, техническому, научному, культурному потенциалу республикам бывшего Советского Союза предстояло играть ведущую роль в новом геополитическом пространстве. Хотя, как подчеркивает А. Задорожний, ограничивать влияние этих отношений только постсоветским пространством тоже было бы не правильно, поскольку после распада СССР они стали двумя наибольшими государствами Европы, роль и стратегическое значение которых трудно переоценить. Соответственно их двусторонние отношения в значительной степени влияют на весь евразийский регион, включая государства-члены ЕС.

Не смотря на то, что вследствие распада СССР, множество связей, установившихся в советское время, было разорвано, Украина и Россия продолжали сохранять очень тесные экономические, политические, социальные отношения. То же можно сказать и о научных, культурных и, в конце концов, межлюдских отношениях, ведь миллионы этнических украинцев проживают на территории РФ, а миллионы этнических россиян – на территории Украины. Соответственно, ключевой задачей для обоих новообразованных государств стало сохранение и развитие этих отношений в качественно новых условиях – условиях коренной трансформации общественного строя, перехода от авторитарной формы политического режима к демократической, от административно-командной экономической системы – к рыночной.⁸

Вместе с тем, с самого начала украинско-российские межгосударственные отношения были сложными и напряженными. Первыми проявились противоречия относительно восприятия новых политических реалий. Если в РФ после прекращения существования Советского Союза доминантным чувством была горечь из-за краха СССР и потери Россией статуса ведущей республики мирового супергосударства, то украинская элита периода президентства Л. Кравчука в некоторой степени пребывала в состоянии эйфории от приобретенной государственной независимости. К тому же, в отношениях двух новых независимых государств возник целый ряд спорных вопросов – относительно установления границы, статуса Черноморского Флота СССР, распределения активов и собственности Советского Союза, возвращения в Украину культурных ценностей, которые вследствие разных обстоятельств оказались на территории РФ, и т.д.

Эти тенденции амбивалентности украинско-российских отношений можно было наблюдать и в течении всех последующих лет. С одной стороны, Украина и Россия провозглашали себя стратегическими партнерами, а с другой – неоднократно были близки к вооруженным столкновениям. С одной стороны, два государства стали ближайшими торговыми партнерами, с другой – постоянно пребывали в состоянии «торговых войн» большего или меньшего масштаба. С одной стороны, Украина и РФ были связаны многочисленными связями в сферах промышленности, науки, техники, культуры, искусства, а с другой – их гуманитарные отношения часто становились причиной межгосударственного напряжения.

Кульминацией этого противостояния стала операция российской власти по оккупации и аннексии Крымского полуострова в 2014 г. и продолжающийся международный вооруженный конфликт в Донецкой и Луганской областях. Без сомнения, внешняя агрессия стала наибольшим вызовом для Украины с момента восстановления государственного суверенитета в 1991 г.⁹

⁸ Задорожний О.В. Міжнародне право в міждержавних відносинах України і Російської Федерації: 1991-2014: монографія. К.: К.І.С., 2014, с. 13.

⁹ Задорожний О.В. Цит. соч., с. 14, 15, 187.

В то же время, как справедливо замечает А. Сушко, восприятие того, что украинско-российский кризис состоит из двух компонентов – Крыма и Донбасса, является поверхностным. Истинные причины конфликта не являются территориальными и касаются не только зон конфликта. Они намного глубже и заключаются, во-первых, во «все более очевидной несовместимости цивилизационных векторов развития двух государств» и, во-вторых, в ментальной неготовности России (или, по крайней мере, ее нынешней правящей элиты) признать право Украины на собственный исторический путь, на независимую субъектность.¹⁰

В числе глубинных факторов нынешнего конфликта между Украиной и Россией просматривается также общее историческое (имперское и советское) наследие. Еще во времена пребывания украинских земель в составе Российской империи, идея, что восточнославянские народы представляют собой разные национальности с собственной историей и идентичностью, считалась неприемлемой – и такой преимущественно осталась для нынешнего руководства России.¹¹ При этом, хотя украинцы и россияне жили долгое время в одном государстве и были носителями одной веры, украинцы, как указывает Р. Пайпс, «значительно больше, чем москвиты подверглись западному влиянию и имели более короткий опыт пребывания под теми тремя институтами, которые определили жизнь и ментальность «великороссов»: патримониального самодержавия, крепостного права и общинного землевладения».¹²

В советское время власть активно пропагандировала идеологию братства украинцев и россиян, но часто с явным или косвенным признанием превосходства

последних. Концепция «великой России», которая опекает, цивилизует и защищает своих соседей, присутствовала даже в тексте советского гимна. Хотя номинально суверенитет республик и их отличная идентичность признавались (чтобы продемонстрировать гармоничный национальный плюрализм, существующий в СССР), на практике советские меньшинства, в том числе и украинцы, были подчинены российскому большинству.¹³

По мнению З. Бжезинского, политическое самоопределение Украины, произошедшее вследствие переговоров в Беловежской пуще в 1991 г., подало пример, за которым последовали, хоть и нерешительно, другие советские республики. Однако для России потеря Украины оказалась наиболее болезненной.¹⁴ В ситуации, когда Украина рассматривалась российским политиком как «окраина» России и важнейшая составляющая империи, а украинцы – как элемент «русского народа», отход Украины с российской орбиты был воспринят как угроза для выживания российского государства.¹⁵

Появление независимого Украинского государства не только заставило россиян задуматься над природой собственной политической и этнической тождественности, но и стало существенной геополитической неудачей для РФ. Фактически это означало отречение от более чем трех столетий российской имперско-советской истории и в то же время потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и около пятидесяти миллионов людей, этнически и религиозно достаточно близких к России, чтобы сделать из нее действительно великое и могучее неоимперское государство. Даже без Прибалтийских государств и бывших сателлитных стран ЦВЕ Россия, сохраняя контроль над Украиной, все еще способна была стать лидером уверенного в своих силах евразийского сообщества. Но без Украины с ее славянским населением, любое усилие Москвы отстроить под новым названием бывший формат СССР, оставило бы РФ

¹⁰ Сушко О. Передумов для фундаментального розв'язання російсько-українського конфлікту поки не проглядається. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 29; Шевцова Л. Пути и перспективы урегулирования отношений между Россией и Украиной. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 44.

¹¹ Шерр Дж. Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: влияние России за рубежом / пер. с англ. К.: Заповіт, 2013, с. 23.

¹² Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime: 1919-1924. London: The Harvill Press, 1994, p. 142.

¹³ Рожанський М. Цит. соч., с. 78.

¹⁴ Бжезінський З. Велика шахівниця. Американська першість та її стратегічні імперативи / пер. з англ. Львів-Івано-Франківськ: «Лілея-НВ», 2000, с. 92-93.

¹⁵ Шевцова Л. Цит. соч., с. 44.

наедине с неопределенной перспективой развязывания затяжных конфликтов с национально и религиозно неоднородными неславянами (ярким примером чего является война в Чечне). И даже больше – исходя из того, что в России наблюдались тенденции падения уровня рождаемости, а среди среднеазиатского населения уровень рождаемости напротив стал расти, любое новое евразийское единство без Украины, построенное на доминировании российской власти, неминуемо становилось бы с каждым последующим годом все менее европейским и все более азиатским.¹⁶

В такой ситуации руководство РФ склонно было рассматривать независимость Украины и провозглашенный ею курс на евроинтеграцию как временное отклонение и поставило своей целью скорректировать его путем вовлечения Украины в собственные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Для реализации этой задачи был применен значительный арсенал средств воздействия, и не только политико-дипломатического характера, но и таких как экономическое и энергетическое давление, масштабная гуманитарная экспансия в украинском информационном пространстве, фактор военного присутствия на украинской территории и т.п. Привлечение Украины к полномасштабному участию в Таможенном союзе, а в перспективе – в Евразийском экономическом союзе было официально признано одним из приоритетов российской внешней политики.¹⁷ Так, в Концепции внешней политики РФ 2013 г. акцентируется на необходимости «строить отношения с Украиной как с приоритетным партнером в СНГ, способствовать ее активному подключению к углубленным интеграционным процессам» (Часть IV (д)).¹⁸

¹⁶ Бжезіньський З. Цит. соч., с. 92-93.

¹⁷ Україна – ЄС напередодні підписання Угоди про асоціацію: окремі політичні аспекти: аналітична доповідь Центру Разумкова. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179> (Дата посещения:20.04.2016).

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента 12 февраля 2013 г. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [On-line]: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (Дата посещения:20.04.2016).

Важным элементом гуманитарного влияния РФ стала концепция так называемого «русского мира». В соответствии с ней, «русский мир» определяется как некая «транснациональная и трансконтинентальная общность (сообщество), являющаяся составной частью уникальной русской цивилизации и культуры». По утверждению идеологов «русского мира», он представляет собой своеобразный «культурный код», который включает общность языка, истории и культуры и объединяет не только этнических россиян, но и всех тех, на кого Россия когда-либо влияла. То есть понятие «русский мир» выходит далеко за географические границы России и даже за пределы русского этноса. А поскольку, в соответствии с распространенным в РФ представлением, украинцы являются ответвлением русского народа – «малороссами», для которых Россия – это «старший брат», интеграция Украины и России рассматривается как естественный и закономерный политико-правовой процесс, легитимность которого основана на историко-культурном родстве. Таким образом, с точки зрения этой концепции, «исторически обусловленные» отношения, имеют значительно большее легитимное основание, чем согласие. Как акцентирует британский исследователь Дж. Шерр, такие взгляды – вызов либеральной конституционной концепции и международному праву. Они возрождают имперское и советское понимание суверенитета как условного, а не абсолютного принципа, который проистекает из культурного наследия и утверждается властью и силовыми средствами.¹⁹

По мнению Д. Тренина, украинский национальный проект, в принципе, несовместим с идеей «русского мира», поскольку в ходе интеграции России и Украины, последняя должна постепенно исчезнуть, вливаясь в общерусскую (в средневековом понимании Руси) общность.²⁰ Исходя из этого, концепция «русского мира» (и «единого народа»), являющаяся, по сути, потенциальным оправданием полной аннексии Украины, превращает украинско-

¹⁹ Шерр Дж. Цит. соч., с. 62, 73.

²⁰ Тренин Д. Целью политики России на украинском направлении должна быть постепенная нормализация отношений на новом уровне. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 41.

российский конфликт для украинской стороны в экзистенциальный – касающийся выживания украинцев как общности, которая имеет право на собственную государственность и неразрешение в «русском мире».²¹

Вместе с тем, справедливым будет отметить, что некоторые российские (правда оппозиционные) ученые и общественные деятели не разделяют концепцию «русского мира» (и «единого народа»). В частности, российский историк А. Широпаев в своей статье, специально посвященной этому вопросу, пишет: «Еще в XIII ст. наметились два противоположных исторических вектора, которые определили дальнейшее формирование украинского и русского народов. Первый вектор – борьба с Золотой ордой в союзе с Европой, второй – борьба с Европой в союзе с Ордой. Персонафицировались они соответственно в личностях Даниила Галицкого и Александра Невского. Первый вектор является естественным и логичным в культурно-историческом плане. Второй – глубокое извращение с далеко идущими последствиями: культурными, государственными, историческими, психологическими, моральными.

Обе эти личности, – продолжает автор, – можно назвать народообразующими. Насколько Даниил Галицкий отличается от Александра Невского, настолько украинцы не похожи на россиян – в своем отношении к праву, свободе, собственности. Если украинское самосознание исторически тяготеет к Европе, то традиционное русское самосознание воспринимает Европу с большей или меньшей степенью враждебности, недоверия и зависти. Европа для россиян – это «утраченный рай, откуда их вырвали татарским арканом». Именно конфликт между первичной европейской природой и навязанным азиатизмом истории и государственности стал определяющим при формировании русского психотипа. Украина же, благодаря Литве и Речи Посполитой, сохранила в себе причастность к Европе, сохранилась как Русь в подлинном понимании этого понятия.

...Еще на Переяславской раде 1654 г., во время объединения (весьма вынужденного со стороны украинцев) встретились два разных народа, которые говорили на языках разных культур. Малоизвестным является факт, что в Переяславе казаки, соглашаясь присягнуть московскому царю, настаивали, чтобы и он, в свою очередь, присягнул им в соблюдении их вольностей. Это является прямым свидетельством того, что казаки заявляли себя носителями *типично западной правовой культуры* (курсив наш – О.С.). Разумеется, это вызвало негодование московской стороны, ответом которой было: «у нас не повелось, чтобы цари давали подданным присягу, а вольности ваши Государем соблюдены будут». Как соблюдались вольности казаков общеизвестно – вскоре после Переяславской рады началась московизация Украины: насаждение воевод, сворачивание городского самоуправления, притеснение казачества, а потом два уничтожения Запорожской Сечи. Затем последовало превращение Украины в набор типовых губерний, царская политика русификации и, наконец, сталинский Голодомор как средство подавления украинского национально-освободительного сопротивления.

...Ныне важность Украины для РФ объясняется не столько ее экономическим и геополитическим значением, сколько тем, что на традиционном российском отношении к Украине (не к Балтии, не к Кавказу) держится, по сути, русское имперское сознание. Как только россияне откроют для себя, что украинцы действительно другой народ – русский имперский миф рухнет, а с ним закончится и империя. Таким образом, понимание того, что Украина является отдельной, независимой страной – это ключ к русскому самопознанию, самокритике и самоосвобождению, предпосылка зарождения новой русской ментальности без имперских и антизападных стереотипов».²²

Что касается *второй причины* – геополитической ситуации в евразийском регионе, она характеризовалась тем, что прекращение существования СССР привело к существенному ограничению международной

²¹ Сушко О. Цит. соч., с. 29.

²² Широпаев А. Два разных народа. В: Нова молодь Черкащини. 2012, № 32, с. 6.

роли всех бывших республик Советского Союза, но особенно наибольшей из них – Российского государства. Это обусловило появление и рост чувства геополитической дезориентации среди российской правящей элиты. Риторика тогдашнего руководства страны (в частности Президента РФ Б. Ельцина) заключалась в том, что Россия является неотъемлемой частью Европы, и поэтому – сознательно выбирает путь реформирования своего государственного механизма на основе европейских политико-правовых принципов и стандартов. На внешнеполитическом уровне такая позиция получила подтверждение в подписании между ЕС и РФ Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. (далее – СПС), содержание которого практически совпадало с содержанием других соглашений о партнерстве и сотрудничестве, заключенных между ЕС и постсоветскими государствами (в том числе, между ЕС и Украиной). В соответствии с положениями СПС, Россия принимала на себя обязательства гармонизировать национальное законодательство с правом ЕС в ключевых сферах сотрудничества сторон.

В то же время, стремясь вернуть себе статус мирового супергосударства, РФ начала принимать меры для укрепления собственного геополитического положения в нескольких направлениях. Во-первых, в отношениях с западными странами (государствами-членами ЕС, а также США) был провозглашен приоритет «зрелого стратегического партнерства», что для России фактически означало утверждение ее равноправного статуса при разрешении вопросов как регионального, так и глобального значения. Во-вторых, на региональном уровне руководство РФ сосредоточило внимание на странах «ближнего зарубежья» как зоне собственных «особых, привилегированных интересов». При этом, среди представителей российской политической элиты того времени не было единства относительно возможных форм реинтеграции с бывшими советскими республиками: часть из них отдавала предпочтение экономической интеграции по образцу ЕС, тогда как другие настаивали на необходимости возобновления более тесных форм политического сотрудничества.

Как утверждает З. Бжезинский, в то время политические элиты России пребывали под воздействием иллюзии, что даже после ликвидации Совета экономической взаимопомощи и прекращения действия Варшавского договора, бывшие участники этих организаций – государства ЦВЕ и особенно постсоветские страны, не будут стремиться к членству ни в НАТО, ни в ЕС, а останутся регионом, политически приближенным к России, и будут продолжать поддерживать экономические связи, налаженные во время существования Советского Союза.²³ Логика этих размышлений основывалась на сильной взаимозависимости, сформированной в пределах социалистического лагеря, привилегированным положением русской диаспоры в большинстве новых независимых государств и пребыванием при власти бывших элит советского периода. Кроме того, либерально настроенные силы в России рассматривали интеграцию в пределах СНГ и интеграцию с ЕС как взаимодополняющие проекты, ведущую роль в которых должна играть реформированная и обновленная Россия.

Проблемой в таком подходе было то, что он был лишен и международного, и внутреннего реализма. Когда различия между политически и экономически ослабленной Россией и западными государствами проявились в полной мере, диспропорции в политическом весе, финансовых возможностях, уровне инновационно-технологического развития и культурно-цивилизационной привлекательности сделали «зрелое стратегическое партнерство» бессодержательным.²⁴ Осознание этого привело к тому, что вместо идеологической конфронтации, в регионе начала разворачиваться борьба за сферы влияния. Хотя формально ЕС и РФ продолжали декларировать общую приверженность «формированию Большой Европы без разделительных линий и продвижению взаимовыгодных процессов регионального сотрудничества и интеграции», на практике их отношения перешли в состояние

²³ Бжезинський З. Цит. соч. с. 106.

²⁴ Там же, с. 98-102.

латентного противостояния.²⁵ В этом контексте расширение НАТО и ЕС на страны ЦВЕ, а также охват шести постсоветских государств Европейской политикой соседства, а позднее – политикой Восточного партнерства, руководство РФ восприняло как способ изоляции России, игнорирование ее интересов и стремление ослабить ее роль в евразийском регионе.

С избранием В. Путина на должность Президента РФ в третий раз (в 2012 г.), произошло переформатирование российского политического режима к новой формуле – от имитации либеральных институтов и идеи «движения в Европу» к открытому сдерживанию Запада и его принципов как внутри России, так и на постсоветском пространстве. В этот период РФ начала активно позиционировать себя как центр региональной геополитической системы, призванный противостоять западной модели интеграции. В противовес инициативам ЕС, руководство России начало процесс продвижения собственных интеграционных проектов – Таможенного союза и Евразийского экономического союза.²⁶ Целью их создания был не столько поиск взаимовыгодных путей экономического сотрудничества, сколько формирование своеобразной евразийской антизападной коалиции во главе с РФ и привлечение к участию в ней новых независимых государств, и в частности Украины. Для реализации этих проектов РФ применяла разные способы и методы – от дипломатии и «мягкого принуждения» до военной агрессии против тех новых независимых государств, которые были больше ориентированы на интеграцию с ЕС (следствием этого стало возникновение на постсоветском

пространстве так называемых «зон замороженных конфликтов», в частности между Молдовой и Приднестровьем, а также между Грузией и Абхазией и Южной Осетией). Идеологическим оправданием агрессивных действий Кремля стала концепция защиты русских и русскоговорящих граждан за пределами России.

Также в этот период РФ выдвинула претензию на роль носителя собственных традиционных, несовместимых с западным либерализмом, ценностей и поставила задачу их распространения за пределами государства. Некоторые российские ученые-правоведы, пытаясь обосновать положения новой официальной доктрины, настаивали «на уникальности и исключительности русской цивилизации и ее несовместимости с институтами западной демократии, прав и свобод человека, либеральными ценностями».²⁷ В частности, по утверждению В. Шевченко, «институты западной либеральной демократии плохо приживаются на российской почве».²⁸ В подтверждение данного тезиса автор приводит аргументы о том, что российскому обществу на протяжении всей его истории была свойственна антисобственническая тенденция. Она характеризовалась тем, что поскольку русский человек склонен к «отрицанию» собственности во имя высших идеалов, прививание институтов гражданского общества, основывающихся на принципе частной собственности, в России вряд ли возможно. Впрочем, они и не нужны при наличии государства, которое, «будучи носителем и защитником идей общего блага, справедливости и солидарности, для русского человека всегда было наивысшей ценностью».²⁹

Тем самым, после 2012 г. тенденции к сворачиванию демократических реформ и установлению авторитарного режима в РФ стали очевидными. Фактически произошла

²⁵ Оболенский В.П. Идея интеграции Европы и Азии на фоне ухудшения отношений России с ЕС. В: Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским Союзом, Украиной и Россией в новых условиях: материалы сборника научных трудов Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / Под ред. С.Г. Арбузова, Р.С. Гринберга. М., 2015, с. 166-176. [On-line]: <http://rescue.org.ru/> (Дата посещения: 15.02.2016).

²⁶ Ледник И.А. Защита интересов Украины – в преодолении политико-правового кризиса в Восточном партнерстве. В: Украинський часопис міжнародного права. 2014, № 4, с. 193.

²⁷ Разуваев Н.В. Социокультурная эволюция и историческое развитие права: некоторые дискуссионные вопросы. В: Российский ежегодник теории права. 2010, № 3, с. 94.

²⁸ Антропологическое измерение российского государства [Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Буров В.Г. и др.]; отв. ред. В.Н. Шевченко: монография. М.: ИФРАН, 2009, с. 5.

²⁹ Там же, с. 7.

реставрация старой имперской конструкции под новыми лозунгами.³⁰ Характеризуя эти события, британский исследователь Дж. Шерр метко заметил: «Двадцать лет, которые минули после распада СССР, напоминают, что легче расстаться с идеологией, чем со сформированными ею стереотипами действий и мыслей».³¹

Вместе с тем в Украине разворачивались противоположные процессы. Оранжевая революция засвидетельствовала, что требованием украинского народа являются совершенно новые принципы взаимоотношений между властью и обществом, а события на Майдане Независимости в феврале 2014 г. доказали готовность украинцев бороться за свои права и свободы, демократию и европейский выбор своего государства. Именно после этих событий произошло окончательное утверждение проевропейской ориентации Украины. В этих условиях конфликт между Украиной и РФ стал практически неотвратим.³²

В то же время, из приведенного выше следует, что украинско-российский кризис не является локальным, «периферийным» конфликтом в отношениях Киева и Москвы.³³ Критическое ухудшение двусторонних отношений Украины и России, в значительной степени является отображением более широкого конфликта – конфликта интересов во взаимодействии между РФ и странами Запада, каждая из которых преследует в Украине свои цели (зачастую далекие от национальных интересов самой Украины).³⁴ Этот конфликт приобрел региональный и глобальный характер, стал вызовом и угрозой европейской и мировой системе безопасности, кардинально изменил

³⁰ Веселовський А. В інтересах України існування сильної демократичної Росії. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 23.

³¹ Шерр Дж. Цит. соч., с. 6.

³² Шевцова Л. Цит. соч., с. 44.

³³ По выражению С. Ознобищева, – «это не только и не столько «про Украину. Речь идет о возвращении России статуса мирового государства, с мнением которого должны считаться другие участники европейского и мирового процесса» (Ознобищев С. Цит. соч. с. 38).

³⁴ Буриан А. Многополярный мир и место Европы в новой системе международных отношений. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html>. (Дата посещения: 15.05.2016).

отношения в треугольнике Украина – ЕС – Россия.³⁵ Исходя из этого, осуществляя военное вторжение в Украину, руководство России тем самым пытается выдвинуть требование государствам-членам ЕС и США «прекратить экспорт демократии» в пределы постсоветского пространства и признать «особые интересы, особую роль и ответственность РФ» в этой зоне, то есть фактически признать этот регион исключительно российской сферой геополитического влияния.³⁶

Показательно в этой ситуации то, что руководители Кремля игнорируют истинные причины непривлекательности России как центра консолидации постсоветских стран, которые заключаются в нежелании решать глубокие структурные проблемы внутри своего государства; позиционировании РФ как «суверенной демократии» с собственной моделью развития (оборотной стороной этого является настаивание на особой роли России в мире, статусе особой цивилизации, призванной составить противовес Западной); претензионном и авторитарном характере российского политического режима; возвращении к репрессивным и антидемократическим методам управления; неэффективности и коррумпированности государственной власти, сращивании ее с бизнесом и капиталом и т.п. Эти очевидные недостатки внутренней и внешней политики РФ вызывают обеспокоенность и желание дистанцироваться даже у пророссийски настроенных правительств новых независимых государств.³⁷

Однако, следует отметить, что российский авторитарный синдром имеет намного более глубокие корни, чем политический режим, олицетворяемый нынешним Президентом РФ и его окружением. Его истоки охватывают огромные пласты культуры и идентичности, в частности правовой традиции России, которая значительно отличается от западноевропейской.

Особенность Украины заключается в том, что вследствие геополитического положения и истории, она подверглась влиянию и

³⁵ Чернов И. Нужны новые подходы и решения в урегулировании конфликта. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 43.

³⁶ Ознобищев С. Цит. соч. с. 39.

³⁷ Шерр Дж. Цит. соч., с. 100, 122.

западной, и восточной моделей государственно-правового развития, поэтому ее правовой традиции свойственна определенная эклектичность и неустоявшийся характер. С приобретением независимости начался активный процесс построения украинской государственности и обновления правовой традиции. В ходе его осуществления стало очевидным, что избрание конкретного интеграционного курса предусматривает не просто присоединение к определенным региональным (европейским или евразийским) межгосударственным структурам, а прежде всего, является фактором, обуславливающим выбор одной из моделей (западной или восточной) государственно-правового развития с присущими ей институтами, принципами, системой ценностей и т.п. По сути, речь идет об определении цивилизационного вектора дальнейшего развития Украины на долгосрочную перспективу. На сегодня Украина официально задекларировала, что таким вектором является европейский.

Привлекательность евроинтеграционного вектора для Украины объясняется тем, что в состав ЕС входят европейские страны с устоявшимися традициями конституционализма, государственно-правовые механизмы которых функционируют на демократических основах. Конституционализация правовой системы этого межгосударственного объединения способствовала обобщению национальных демократических стандартов и выведению их на наднациональный уровень путем закрепления в учредительных актах Союза и широкого применения в его практической деятельности. Внешний аспект этих процессов проявляется в том, что ЕС не ограничивается внутренней конституционализацией, а сознательно придает данным принципам и нормам экстрагосударственные свойства, закладывая их в качестве ключевых положений в международные соглашения с третьими странами (особенно это касается соглашений об ассоциации). Таким образом, вступая в отношения с третьими странами, ЕС фактически стимулирует их к имплементации собственных демократических стандартов во внутренние правовые порядки. Практика свидетельствует, что в случае

добросовестного выполнения третьей страной принятых на себя обязательств, динамика трансформации национальной конституционно-правовой системы в направлении ее демократизации, значительно ускоряется. Кроме того, реальное введение европейских конституционных принципов и стандартов в правоприменительную практику позволяет третьим странам присоединиться к многоуровневым процессам глобальной и наднациональной конституционализации и, будучи их непосредственным участником, эффективнее отстаивать национальные интересы на международной арене. Исходя из этого, преимущества сотрудничества с Союзом могут стать достаточно действенным внешним фактором влияния, способным мотивировать Украину, как партнера ЕС, к проведению демократических реформ в политико-правовой сфере.

В то же время, европеизация Украины через введение в ее внутреннюю и внешнеполитическую деятельность европейских норм и стандартов, также полностью соответствует интересам Союза, которые определяются заданиями Европейской политики соседства и приоритетами Восточного партнерства (которые, к слову, в нынешних условиях требуют значительной реорганизации и пересмотра). Речь идет о формировании вокруг ЕС зоны стабильности и безопасности путем создания на его границах полосы демократических государств, разделяющих с Союзом общие ценности (в частности верховенства права, надлежащего управления, принципы рыночной экономики, стойкого развития и др.). Поэтому ЕС, как и РФ, стремится привлечь Украину на орбиту своего внешнеполитического влияния. При этом, относительно Украины Союз использует устоявшуюся практику сотрудничества с третьими странами, закрепленную как в учредительных актах этого межгосударственного объединения, так и в международных договорах, заключенных со странами-партнерами.³⁸

³⁸ Україна – ЄС напередодні підписання Угоди про асоціацію: окремі політичні аспекти: аналітична доповідь Центру Разумкова. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179> (Дата посещения: 20.04.2016).

Кроме политических, существуют также экономические факторы, определяющие преимущества евроинтеграционной направленности Украины. Наиболее убедительные из них такие. Во-первых, ЕС является главным региональным рынком в современной мировой экономике, который по многим параметрам существенно влияет на общую динамику и структурные подвижки в мировой экономике в целом. Во-вторых, влияние ЕС основывается на значительном инвестиционном потенциале, что проявляется в объемах вложения капитала за пределами Союза. В третьих, ЕС (наряду с США и Японией), является одним из ведущих мировых центров инновационного развития (Союз имеет достаточно высокий показатель инновационной активности предприятий, оперирующих на его рынке; он владеет довольно крупным потенциалом развития высоких технологий и является одним из ведущих участников процесса генерации новых знаний, необходимых для технологического прогресса (что подтверждается в частности данными относительно объемов патентования, например, количества патентных заявок в Европейском патентном ведомстве (англ. *European Patent Office*)). В четвертых, ЕС имеет значительный уровень контроля над процессами принятия решений в ключевых межгосударственных группировках мира – Группы 8 и Группы 20, а также в ведущих международных экономических организациях, формирующих общую архитектуру регулирования мировой экономики – Всемирной торговой организации, Международном валютном фонде, Мировом банке и т.д. (по сути, эти институции не принимают ни одного значимого решения без учета общей позиции государств-членов ЕС).

Тем самым, углубление сотрудничества с ЕС, как с активным субъектом международных экономических отношений и участником влиятельных международных организаций означает, что выбор в пользу этого межгосударственного объединения является одновременно выбором своего места в рамках мировой экономики в целом и в процессе формирования и реализации важнейших решений по вопросам развития глобальной экономики.

Исходя из вышеизложенного, ассоциация Украины с ЕС обеспечит сближение с одним из наиболее мощных в мире региональным объединением, существенно влияющим на общую динамику, структуру, технологический уровень и формат регулирования мировой экономики. Как следует из положений Соглашения об ассоциации, для Украины участие в европейской интеграции по своему содержанию является не просто международным экономическим взаимодействием, а прежде всего процессом глубокого проникновения институтов ЕС (законодательства, норм и правил ведения бизнеса, устоявшихся экономических практик) в национальную экономику. В таком качестве ЕС выступает преимущественно как фактор влияния на внутренние процессы. Таким образом, вступление в силу Соглашения об ассоциации, включая положения о зоне свободной торговли (далее – ЗСТ), будет означать процесс системного реформирования ключевых сфер украинской экономики, общее повышение уровня цивилизованности ее рыночной среды и внедрение современных методов и инструментов государственного регулирования экономических процессов.

Важными позитивными эффектами должны также стать такие: 1) преодоление экономической отсталости через возможность приобщения к культуре эффективного рыночного хозяйствования и поднятия до такого же уровня собственной экономики; 2) повышение продуктивности труда (ныне продуктивность труда в ЕС в четыре раза выше, чем в Украине); увеличение уровня энергоэффективности, энергосбережительности и экологической направленности экономического развития (сегодня Союз является признанным мировым лидером в развитии так называемой «зеленой энергетики» и дает более 40% мировой возобновляемой энергии); возможность приобщиться к политике ЕС по поддержке стран-партнеров через предоставление значительной финансово-технической и экспертной помощи; содействие инновационному развитию, что характеризуется увеличением части предприятий, внедряющих инновации, и части инновационной продукции в объемах

ее реализации (в странах еврозоны эти показатели в пять-семь раз выше, чем в Украине); легализация трудовой миграции украинских граждан в пределах ЕС и повышение социальных стандартов (в том числе, повышение уровня оплаты труда и выплат на социальную защиту и социальную помощь) и т.д.³⁹

Кроме того, участие в глубокой и всеохватывающей ЗСТ с ЕС должно способствовать расширению потребительского выбора на внутреннем рынке, сдерживанию роста цен, а также увеличению возможностей для доступа украинских товаров и услуг на единый рынок ЕС (хотя они и будут ограничены тарифными квотами относительно важных статей агропродовольственного экспорта).⁴⁰

Вместе с тем, нельзя отрицать и наличие определенных трудностей на пути европейской интеграции Украины. В частности, очевидно, что одним из геополитических приоритетов Союза является ограничение влияния России в пределах СНГ, предотвращение расширения Таможенного союза на Запад за счет Украины.⁴¹ Конечно, такой подход вызывает

опасения, поскольку может привести к превращению Украины в буферную зону между ЕС и РФ, конфронтация между которыми усиливается.

Определенное беспокойство связано также с позицией ЕС относительно перспектив европейской интеграции Украины. Так, еще в начале переговоров между ЕС и Украиной в рамках Восточного партнерства было понятно, что Союзу и его государствам-членам не хватает политической воли и институциональных возможностей интегрировать такое большое по размерам и численности населения, но в то же время неоднородное и экономически ослабленное государство, как Украина. Даже после подписания между Украиной и ЕС Соглашения об ассоциации, четкая перспектива членства (если не юридически, то хотя бы на политическом уровне) ей так и не была предоставлена. По мнению экспертов, нежелание Союза и его государств-членов заявить, что Украина может надеяться на вступление следом за странами ЦВЕ и Западных Балкан, является следствием нескольких факторов. Во-первых, ЕС не скрывает беспокойства по поводу долгого и сложного пути реформ, который должна пройти Украина для создания политической и экономической систем, совместимых с европейскими. Во-вторых, некоторые государства-члены ЕС считают, что процесс расширения, который начался в 1990-х годах и достиг своего пика со вступлением 12 новых членов – стран ЦВЕ в 2004 г. и 2007 г., а также первой балканской страны – Хорватии в 2013 г., зашел слишком далеко и был слишком быстрым. Они не желают, чтобы ЕС предоставлял новую перспективу членства, поскольку ему нужно время для полной интеграции последних новичков. В-третьих, некоторые государства-члены ЕС небезосновательно побаиваются, что в случае вступления, Украина будет нуждаться в значительной финансовой поддержке, тем самым отвлекая средства, которые достались бы другим членам Союза

³⁹ Економічні аспекти євроінтеграції України: аналітична доповідь Центру Разумкова. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179> (Дата посещения: 20.04.2016).

⁴⁰ Для сравнения, если бы Украина в свое время отдала предпочтение участию в евразийской интеграции, это имело бы неоднозначные последствия. С одной стороны, можно было бы рассчитывать на улучшение условий для научно-технической и производственной кооперации, упрощение доступа к евразийским и российским программам и финансовым ресурсам развития, преференциальный доступ к российским энергоносителям. С другой – очень высока была бы вероятность захвата российским капиталом «командных высот» в украинской экономике, сдерживание во внедрении энергоэффективных технологий, неминуемое замещение более эффективного импорта из третьих стран импортом из стран Таможенного союза (прежде всего, из РФ). Это также обусловило бы ограничение потребительского выбора на рынке Украины, позволило бы России использовать доминирующую рыночную позицию для повышения цен. Более низкие требования евразийской интеграции к качеству институтов могли бы привести к тому, что необходимые для экономики Украины внутренние реформы так и не были бы проведены.

⁴¹ Україна – ЄС напередодні підписання Угоди про асоціацію: окремі політичні аспекти: аналітична доповідь Центру Разумкова. [On-line]:

<http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179> (Дата посещения: 20.04.2016).

или могли бы быть направлены на развитие самого объединения.⁴²

Следует признать, что колебания Брюсселя и игнорирование сложности политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве, практически лишили Украину полноценной возможности минимизировать негативные последствия от избрания евроинтеграционного курса.⁴³ В условиях продолжающейся военной агрессии России против Украины, эти негативные тенденции все больше усугубляются.

Кроме того, экономические аспекты ассоциации усложняются тем, что основные позитивные результаты от создания ЗСТ между Украиной и ЕС следует ожидать не сразу, а в долгосрочной перспективе – по мере введения в стране европейских стандартов, норм технического регулирования и безопасности потребителей. Также эксперты прогнозируют, что экономическая ассоциация Украины с ЕС приведет к сворачиванию неконкурентоспособных производств, временному уменьшению доходов бюджета и росту государственных расходов на проведение структурной перестройки экономики. Определенный негативный совокупный эффект от ЗСТ с ЕС может причинить и применение к Украине ограничительных действий со стороны стран-участниц Таможенного союза.⁴⁴

Тем не менее, не смотря на все трудности и противоречия во взаимоотношениях Украины и ЕС, предпочтение, которое отдает Украина

именно евроинтеграционному курсу объясняется тем, что во-первых, в сближении с Союзом Украина видит своеобразную защиту от посягательств России, способ сохранить национально-государственный суверенитет и, во-вторых, такой курс рассматривается как стимул к политико-правовой и экономической модернизации страны и повышению жизненного уровня населения до среднеевропейских социальных стандартов.⁴⁵

Со своей стороны ЕС понимает, что Украине, вероятно, будет очень сложно самостоятельно осуществить все необходимые преобразования в условиях внешней военной агрессии, и что ей потребуется политическая поддержка и финансово-техническая помощь для достижения целей и задач ассоциации. Однако, государства-члены ЕС придерживаются четкой позиции, что только украинцы могут реформировать и защитить свою державу. В числе наиболее важных шагов относительно ассоциации с ЕС эксперты называют: насущную необходимость проведения эффективных внутренних реформ; освобождение от экономической и энергетической зависимости от РФ; целенаправленное использование зарубежной помощи; укрепление и модернизацию вооруженных сил Украины и других силовых структур; необходимость обеспечения постоянного диалога между правительством и обществом – чтобы простые украинцы имели четкое представление о приоритетах реформ и получали регулярные отчеты – например, через СМИ – о ходе их осуществления.⁴⁶

⁴² Пайфер С. Зовнішні впливи на європейську інтеграцію України. В: Національна безпека і оборона. 2013, № 4-5, с. 71.

⁴³ Как верно акцентирует М. Рожанский, украинцы, которые тысячами выходили на Майдан Независимости осенью и зимой 2013-2014 гг., заслуживают на уважение и благодарность Запада за их приверженность европейским ценностям и запланированному подписанию Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС. К сожалению, то европейское будущее, которое пытались приблизить многие украинцы, было очень далеким от реалий, предлагаемых Брюсселем когда-либо до, во время или после протестов на Майдане. В лучшем случае, ЕС рассматривал ассоциацию с Украиной как эрзац-ответ на стремление украинцев к членству в ЕС – своеобразное сочетание утешительного приза и квалификационного экзамена для будущих более глубоких связей (Рожанский М. Цит. соч., с. 77).

⁴⁴ Гайдучкий П. Україна: проблеми інтеграції. В: Національна безпека і оборона. 2013, № 4-5, с. 86.

⁴⁵ Косикова Л.С. Сближение Украины с ЕС: основные этапы, риски и возможности. В: Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским Союзом, Украиной и Россией в новых условиях: материалы сборника научных трудов Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / Под ред. С.Г.Арбузова, Р.С. Гринберга. М., 2015, с. 9. [On-line]: <http://rescue.org.ru/> (Дата посещения: 15.02.2016).

⁴⁶ Гоф Дж. Міжнародне співтовариство має підтримувати Україну. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 47; Фредріксен Й.Е. Ми зможемо допомогти Україні, лише якщо вона сама допоможе собі. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 50-51.

Таким образом, для Украины вопрос результативности реформ приобретает значение одного из наиболее приоритетных, поскольку затягивание в проведении структурных трансформаций внутри страны является сдерживающим фактором для полноценной ассоциации с ЕС.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Ассоциация Украины с ЕС не ограничивается только формально-юридическими аспектами ее обеспечения. Сложность и противоречивость этого процесса для Украины обуславливается тем, что на него влияет значительное количество внутренних и внешних факторов исторического, культурного, социального, экономического и особенно геополитического характера. В частности, особое геополитическое положение Украины определяется ее расположением на пересечении Европы и Евразии, что накладывает отпечаток на условия ее исторического, социально-экономического и культурно-цивилизационного развития. Сегодня каждый из этих регионов, олицетворяемый соответственно ЕС и РФ, стремится привлечь Украину на орбиту собственного геополитического влияния. В то же время для Украины выбор конкретного интеграционного курса предусматривает не просто присоединение к определенным региональным (европейским или евразийским) межгосударственным структурам, а, прежде всего, является фактором, обуславливающим избрание одной из моделей (западной или восточной) государственно-правового развития с присущими ей институтами, принципами, системой ценностей и т.д. По сути, речь идет об определении цивилизационного вектора дальнейшего развития Украины на долгосрочную перспективу. Привлекательность именно европейского вектора интеграции для Украины определяется тем, что преимущества сотрудничества с Союзом могут стать действенным внешним стимулом, способным направить внутренние модернизационные процессы в политико-правовой и экономической сферах в прогрессивное русло.

Библиография:

1. Антропологическое измерение российского государства / Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Буров В. Г. [и др.]; отв. ред. В. Н. Шевченко: монография. М.: ИФРАН, 2009. 214 с.
2. Бжезінський З. Велика шахівниця. Американська першість та її стратегічні імперативи / пер. з англ. Львів-Івано-Франківськ: «Лілея-НВ», 2000. 236 с.
3. Буриан А. Многополярный мир и место Европы в новой системе международных отношений. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html> (Дата посещения: 15.05.2016).
4. Веселовський А. В інтересах України існування сильної демократичної Росії. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9.
5. Гайдуцький П. Україна: проблеми інтеграції. В: Національна безпека і оборона. 2013, № 4-5, с. 78-89.
6. Гоф Дж. Міжнародне співтовариство має підтримувати Україну. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 47-48.
7. Дергачов О. Геополітичні суперечності та національна безпека. В: Демони миру та боги війни. Соціальні конфлікти посткомуністичної доби. К.: Політична думка, 1997. 496 с.
8. Економічні аспекти євроінтеграції України: аналітична доповідь Центру Разумкова. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179> (Дата посещения: 20.04.2016).
9. Задорожній О. В. Міжнародне право в міждержавних відносинах України і Російської Федерації: 1991-2014: монографія. К.: К.І.С., 2014. 960 с.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента 12 февраля 2013 г. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [On-line]: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F. (Дата посещения: 12.03.2016).
11. Косикова Л.С. Сближение Украины с ЕС: основные этапы, риски и возможности. В: Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским Союзом, Украиной и Россией в новых условиях: материалы сборника научных трудов Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / Под ред. С.Г. Арбузова, Р.С. Гринберга. М., 2015, с. 9. [On-line]: <http://rescue.org.ru/> (Дата посещения: 15.02.2016).
12. Ледник И.А. Защита интересов Украины – в преодолении политико-правового кризиса в

Восточном партнерстве. В: Український часопис міжнародного права. 2014, № 4, с. 191-197.

13. Мироненко В.И. Российско-украинские отношения в 1991 – 2002 гг. Историографический очерк. [On-line]: <http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0002/sci0002.htm#ftmref136> (Дата посещения: 12.03.2016).

14. Оболенский В.П. Идея интеграции Европы и Азии на фоне ухудшения отношений России с ЕС. В: Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским Союзом, Украиной и Россией в новых условиях: материалы сборника научных трудов Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / Под ред. С.Г. Арбузова, Р.С. Гринберга. М., 2015, 184 с. [On-line]: <http://rescue.org.ru/> (Дата посещения: 15.05.2016).

15. Ознобищев С. Способствовать восстановлению и налаживанию российско-украинского диалога. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 38-39.

16. Пайфер С. Зовнішні впливи на європейську інтеграцію України. В: Національна безпека і оборона. 2013, № 4-5, с. 71-74.

17. Політика європейської інтеграції / Воронкова В. Г., Жадько А. В., Катаєв С. Л. [та ін.]; за ред. В.Г. Воронкової: навч. посібник. К.: «Професіонал», 2007. 512 с.

18. Разуваев Н. В. Социокультурная эволюция и историческое развитие права: некоторые дискуссионные вопросы. В: Российский ежегодник теории права. 2010, № 3, с. 81-108.

19. Рожанський М. Глибинні чинники російсько-українського конфлікту. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 77-78.

20. Сушко О. Передумов для фундаментального розв'язання російсько-українського конфлікту поки не проглядається. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 29-30.

21. Тренин Д. Целью политики России на украинском направлении должна быть постепенная нормализация отношений на новом уровне. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 41-42.

22. Україна – ЄС напередодні підписання Угоди про асоціацію: окремі політичні аспекти: аналітична доповідь Центру Разумкова. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179>. (Дата посещения: 26.04.2016).

23. Фредріксен Й. Е. Ми зможемо допомогти Україні, лише якщо вона сама допоможе собі. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 50-51.

24. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

25. Чернов И. Нужны новые подходы и решения в урегулировании конфликта. В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 42-44.

26. Шевцова Л. Пути и перспективы урегулирования отношений между Россией и Украиной В: Національна безпека і оборона. 2015, № 8-9, с. 44-46.

27. Шерр Дж. Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: влияние России за рубежом / пер. с англ. К.: Заповіт, 2013. 152 с.

28. Широпаев А. Два разных народа. В: Нова молодь Черкащини. 2012, № 32, с. 6.

29. George S. Britain and European Integration since 1945 (Making Contemporary Britain). Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1991. Цит. по: Політика європейської інтеграції / [Воронкова В. Г., Жадько А.В., Катаєв С. Л. та ін.]; за ред. В. Г. Воронкової: навч. посібник. К.: «Професіонал», 2007.

30. Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime: 1919-1924. London: The Harvill Press, 1994. 587 p.

Bibliography:

1. Antropologicheskoe izmerenie rossijskogo gosudarstva / Spiridonova V. I., Sokolova R. I., Burov V. G. [i dr.]; otv. red. V. N. Shevchenko: monografija. M.: IFRAN, 2009. 214 p.

2. Bzhezins'kij Z. Velika shahivnicja. Amerikans'ka pershist' ta її strategichni imperativi / per. z angl. L'viv-Ivano-Frankivs'k: «Lileja-NV», 2000. 236 p.

3. Burian A. Mnogopoljarnyj mir i mesto Evropy v novej sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij. [On-line]: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html> (Visited on: 15.05.2016).

4. Veselovs'kij A. V interesah Ukraïni isnuvannja sil'noï demokratičnoï Rosiï. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9.

5. Gajduc'kij P. Ukraïna: problemi integracii. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2013, № 4-5, p. 78-89.

6. Gof Dzh. Mizhnarodne spivtovaristvo mac pidtrimuvati Ukraïnu. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 47-48.

7. Dergachov O. Geopolitichni superechnosti ta nacional'na bezpeka. V: Démoni miru ta bogi vijnj. Social'ni konflikti postkomunističnoï dobi. K.: Politichna dumka, 1997. 496 p.

8. Ekonomichni aspekti evrointegracii Ukraïni: analitichna dopovid' Centru Razumkova. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2013&cat=179> (Visited on: 20.04.2016).

9. Zadorozhnij O. V. Mizhnarodne pravo v mizhderzhavnih vidnosinah Ukraïni i Rosijs'koï

Federacii: 1991-2014: monografija. K.: K.I.S., 2014. 960 p.

10. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, utverzhennaja Ukazom Prezidenta 12 fevralja 2013 g. Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii. [On-line]: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. (Visited on:12.03.2016).

11. Kosikova L.S. Sblizhenie Ukrainy s ES: osnovnye jetapy, riski i vozmozhnosti. V: Problemy i perspektivy vzaimodejstvija mezhdru Evropejskim Sojuzom, Ukrainoj i Rossiej v novyh uslovijah: materialy sbornika nauchnyh trudov Asociacii «Centr issledovanij jekonomicheskogo i sociokul'turnogo razvitija stran SNG, Central'noj i Vostochnoj Evropy» / Pod red. S.G. Arbutova, R.S. Grinberga. M., 2015, s. 9. [On-line]: <http://rescue.org.ru/> (Visited on:15.02.2016).

12. Lednik I.A. Zashhita interesov Ukrainy – v preodolenii politiko-pravovogo krizisa v Vostochnom partnerstve. V: Ukraïns'kij chasopis mizhnarodnogo prava. 2014, № 4, p. 191-197.

13. Mironenko V.I. Rossijsko-ukraïnskie otnoshenija v 1991 – 2002 gg. Istoriograficheskij ocherk. [On-line]: <http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0002/sci0002.htm#ftnref136> (Visited on:12.03.2016).

14. Obolenskij V.P. Ideja integracii Evropy i Azii na fone uhdshenija otnoshenij Rossii s ES. V: Problemy i perspektivy vzaimodejstvija mezhdru Evropejskim Sojuzom, Ukrainoj i Rossiej v novyh uslovijah: materialy sbornika nauchnyh trudov Asociacii «Centr issledovanij jekonomicheskogo i sociokul'turnogo razvitija stran SNG, Central'noj i Vostochnoj Evropy» / Pod red. S.G. Arbutova, R.S. Grinberga. M., 2015, 184 s. [On-line]: <http://rescue.org.ru/> (Visited on:15.05.2016).

15. Oznobishhev S. Sposobstvovat' vosstanovleniju i nalazhivaniju rossijsko-ukraïnskogo dialoga. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 38-39.

16. Pajfer S. Zovnishni vplivi na evropejs'ku integraciju Ukraïni. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2013, № 4-5, p. 71-74.

17. Politika evropejs'koï integracii / Voronkova V. G., Zhad'ko A. V., Kataev S. L. [ta in.]; za red. V.G. Voronkovoï: navch. posibnik. K.: «Profesional», 2007. 512 p.

18. Razuvaev N. V. Sociokul'turnaja jevoljucija i istoricheskoe razvitie prava: nekotorye diskussionnye voprosy. V: Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2010, № 3, p. 81-108.

19. Rozhans'kij M. Glibinni chinniki rosijs'ko-ukraïns'kogo konfliktu. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 77-78.

20. Sushko O. Peredumov dlja fundamental'nogo rozv'jazannja rosijs'ko-ukraïns'kogo konfliktu poki ne progljadaet'sja. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 29-30.

21. Trenin D. Cel'ju politiki Rossii na ukraïnskom napravlenii dolzhna byt' postepennaja normalizacija otnoshenij na novom urovne. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 41-42.

22. Ukraïna – ES naperedodni pidpisannja Ugodi pro asociaciju: okremi politichni aspekti: analitichna dopovid' Centru Razumkova. [On-line]: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?v=2013&cat=179>. (Visited on:26.04.2016).

23. Fredriksen J. E. Mi zmozhemo dopomogti Ukraïni, lishe jakshho vona sama dopomozhe sobi. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 50-51.

24. Hantington S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah. M.: Progress-Tradicija, 2004. 480 p.

25. Chernov I. Nuzhny novye podhody i reshenija v uregulirovanii konfliktu. V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 42-44.

26. Shevcova L. Puti i perspektivy uregulirovanija otnoshenij mezhdru Rossiej i Ukrainoj V: Nacional'na bezpeka i oborona. 2015, № 8-9, p. 44-46.

27. Sherr Dzh. Zhestkaja diplomatija i mjagkoe prinuzhdenie: vlijanie Rossii za rubezhom / per. s angl. K.: Zapovit, 2013. 152 p.

28. Shiropaev A. Dva raznyh naroda. V: Nova molod' Cherkashhini. 2012, № 32, p. 6.

29. George S. Britain and European Integration since 1945 (Making Contemporary Britain). Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1991. Cit. po: Politika evropejs'koï integracii / [Voronkova V. G., Zhad'ko A.V., Kataev S. L. ta in.]; za red. V. G. Voronkovoï: navch. posibnik. K.: «Profesional», 2007.

30. Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime: 1919-1924. London: The Harvill Press, 1994. 587 p.

Copyright©STRELTSOVA Olga, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

02192, Киев, Украина,
Дарницький бульвар 12/26,
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка.

E-mail: streltsovaov@yandex.ua

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2016, Issue 2, Volume 11, Pages 308-309.

ISSN 1857-1999

Submitted: 06. 06. 2016 | Accepted: 15.06. 2016 | Published: 30.06. 2016

НЕКРОЛОГ NECROLOGUE NECROLOG

Михаил Николаевич Копылов

В Москве на 61-м году жизни скончался известный юрист-международник Михаил Николаевич Копылов, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов, член редакционного совета журнала «Молдавского журнала международного права и международных отношений».

Михаил Николаевич Копылов родился в г. Новосибирске в 1955 году. В 1977 г., с отличием окончив МГИМО МИД СССР, начал свою трудовую деятельность научным сотрудником в Государственном научно-исследовательском институте гражданской авиации, одновременно успешно сдал вступительные экзамены в заочную аспирантуру по кафедре международного права МГИМО. Принимал участие в разработке Воздушного кодекса Союза ССР 1983 года.

В октябре 1982 г. был избран по конкурсу на должность доцента кафедры международного права РУДН, где и трудился в должности профессора до июня 2016 года.

С 1998 г. являлся деканом-куратором юридического отделения Института дистантного образования РУДН.

В 2001 г. он был избран действительным членом Российской академии естественных наук. Под его научным руководством успешно защитили свои кандидатские диссертации 20 аспирантов.

В различные периоды работы в Университете являлся заместителем декана факультета по науке, председателем Совета молодых ученых и специалистов факультета, ответственным за научную работу кафедры.

В течение 20 лет является членом диссертационного совета по юридическим наукам в РУДН, в котором более пяти лет исполнял обязанности ученого секретаря.

Преподавал международное и экологическое право в Хартумском Университете и Институте экологических исследований Республики Судан, в Гарвардском Университете, Университете Пэйс, Джорджтаунском Университете, Университете им. Дж. Вашингтона, Бостонском Университете, Университете Эмори (США).

Член редакционной коллегии журнала «Международное право - International Law» и «Молдавского журнала международного права и международных отношений».

Память о Михаиле Николаевиче надолго останется в сердцах всех тех, кто его знал.

БУРИАН Александр Дмитриевич, Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, Президент Молдавской Ассоциации международного права, Главный редактор журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений».

E-mail: alexandrururian@mail.ru

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права РУДН, академик РАЕН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, член редакционного совета «Молдавского журнала международного права и международных отношений».

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна, Кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, Заместитель главного редактора, председатель редакционной коллегии «Молдавского журнала международного права и международных отношений».

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, Кандидат юридических наук, доцент, зам. Заведующего кафедрой международного права РУДН, член редакционной коллегии «Молдавского журнала международного права и международных отношений».

E-mail: a.solntsev@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2016, Issue 2, Volume 11, Pages 310-311.

ISSN 1857-1999

Submitted: 06. 06. 2016 | Accepted: 15.06. 2016 | Published: 30.06. 2016

**НЕКРОЛОГ
NECROLOGUE
NECROLOG**

KOPYLOV Mihail

La Moscova, la al 61-lea an de viață a murit un bine-cunoscut savant, specialist în dreptul internațional, **Mihail Kopylov**, doctor în drept, profesor universitar, academician al Academiei de Științe Naturale a Rusiei, profesor la Departamentul de Drept Internațional al Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia, membru al Consiliului editorial al „Revistei Moldovenești de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

Mihail Kopylov sa născut la Novosibirsk, în 1955. În 1977, a absolvit cu mențiune Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moscova (MGIMO), a început cariera ca colaborator științific la Institutul Stat al Aviației Civile și, concomitent, a susținut cu succes examenele de admitere la studii postuniversitare prin corespondență la doctorantura Departamentului de Drept Internațional a MGIMO. El a participat la elaborarea Codului aerian al URSS din 1983. În octombrie 1982, el a fost ales prin concurs să conteste postul de profesor asociat de drept internațional la Universitatea Prieteniei Popoarelor, unde a lucrat ca profesor, până în iunie 2016. Din 1998 a fost decan-curator al departamentului juridic al Institutului de Învățământ la Distanță a Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia.

În anul 2001 a fost ales membru titular al Academiei Ruse de Științe Naturale. Sub conducerea sa au susținut cu succes tezele de doctor în drept mai mult de 20 de doctoranzi. În diferite perioade de muncă la Universitatea Prieteniei Popoarelor, el a fost prodecan pentru știință al Facultății de Drept, Președinte al Consiliului tinerilor savanți, responsabil pentru activitatea științifică a departamentului. Timp de 20 de ani, el a fost membru al Consiliului Științific Specializat la Științele Juridice al Universității Prieteniei Popoarelor, în cadrul căruia mai mult de cinci ani a fost secretar științific.

El a predat Dreptul Internațional și Dreptul Internațional Ecologic la Universitatea din Khartoum și Institutul de Cercetare a Mediului din Republica Sudan, la Universitatea Harvard, Universitatea Pace

din New York, Universitatea Georgetown, Universitatea George Washington, Universitatea din Boston, Emory University (SUA).

În perioada 2013 – 2016 a fost membru al consiliului editorial al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

Chipul lui Mihail KOPYLOV va rămâne pentru totdeauna în inimile tuturor celor care l-au cunoscut.

Alexandru BURIAN, Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova, Redactor-șef al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

E-mail: alexandrururian@yahoo.com

Aslan ABASHIDZE, Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Prieteniei Popoarelor din Rusia, Academician al Academiei Ruse de Științe Naturale, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale, membru al Consiliului redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

Oleana CHINDÎBALIUC, Doctor în științe politice, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM; Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova, Redactor-șef adjunct, Președinte al colegiului de redacție al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

Alexandr SOLNȚEV, Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia, membru al colegiului de redacție al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

E-mail: a.solntsev@gmail.com

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2016, Issue 2, Volume 11, Pages 312-313. ISSN 1857-1999 Submitted: 06. 06. 2016 Accepted: 15.06. 2016 Published: 30.06. 2016</p>
---	---

**НЕКРОЛОГ
NECROLOGUE
NECROLOG**

KOPYLOV Mikhael

A well-known international lawyer Mikhael Kopylov, Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of International Law of the Russian Peoples' Friendship University, a member of the Editorial Board of „Moldavian Journal of International Law and International Relations” died at the age of 61 years in Moscow.

Mikhael Kopylov was born in Novosibirsk in 1955. In 1977, he graduated with honors from MGIMO, began his career as a scientific fellow at the State Research Institute of Civil Aviation at the same time successfully passed the entrance examination in part-time postdoctoral studies at the Department of international law of MGIMO. He participated in the development of the Air Code of the USSR in 1983.

In October 1982, he was elected to the post of associate professor at the Department of international law of the Peoples' Friendship University of Russia by competition, where he worked as a professor until June 2016.

Since 1998 he was the dean-curator of the legal Department of the Institute of Distance Education of PFUR.

In 2001 he was elected a full member of the Russian Academy of Natural Sciences. 20 PhD students successfully defended their dissertations under his supervision.

In different periods of work at the University, he was Deputy Dean of the Faculty of Science, Chairman of the Council of young scientists and specialists of the Faculty responsible for the scientific work of the Department.

For 20 years, he is a member of the Dissertation Council of Legal Science in PFUR, where more than five years he was discharging the duties of the Scientific Secretary.

He taught international and environmental law at Khartoum University and the Institute of Environmental Research of the Republic of Sudan, at Harvard University, the University of Pace,

Georgetown University, University of them. George. Washington, Boston University, Emory University (USA).

Member of the editorial board of the journal of „Международное право - International Law” and „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

The memory of Mikhail Nikolayevich will long remain in the hearts of all those who knew him.

BURIAN Alexander Dmitrievich, Doctor of Law, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (retired), Director of the Institute of Strategic Studies of the University Of European Studies of Moldova, the President of Association of International Law from the Republic of Moldova, Chief Editor of „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

E-mail: alexandruburian@mail.ru

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Doctor of Law, Professor, Head of Department of International Law at PFUR, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights, a member of the Editorial Board of „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

KINDIBALYUK Olyna Igorevna, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of World Politics and International Relations at the University Of European Studies of Moldova, scientific fellow at the Institute of Legal and Political Studies of the Academy of Sciences of Moldova, Deputy Editor, chairman of the Editorial Board of „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

SOLNTSEV Alexander, PhD, associate professor, Deputy Head of the Department of International Law of PFUR, a member of the Editorial Board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

E-mail: a.solntsev@gmail.com

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**CONSILIUL REDACȚIONAL AL REVISTEI
„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

**EDITORIAL BOARD (CONSILIUM)
OF THE „MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
„МОЛДАВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

BURIAN Alexandru.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Republica Moldova) – *Redactor-șef.*

BURIAN Alexander.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), Director of The Institute for Strategic Studies of The European University of Moldova, President of the Moldavian Association of International Law (The Republic of Moldova) – *Editor-in-chief.*

БУРИАН Александр Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, Президент Молдавской Ассоциации международного права (Республика Молдова) – *Главный редактор.*

E-mail: alexandrururian@yahoo.com ; alexandrururian@mail.ru
http://fmv.euba.sk/files/CV_Burian.pdf; <http://www.rudn.ru/en/?pagec=1340>

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Redactor-șef adjunct, Președinte al colegiului de redacție.*

KINDIBALYK Olyana.

Ph.D in Political Sciences, Acting Associate Professor, Scientific Fellow, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (The Republic of Moldova) – *Deputy Editor-in-chief, Head of Editorship.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, и.о. доцента, научный сотрудник Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Республика Молдова) – *Заместитель главного редактора, Председатель редакционной коллегии.*

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

CHIRTOACĂ Natalia.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef Secție Drept Internațional și Relații Internaționale, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Secretar științific.*

CHIRTOACA Natalia.

Ph.D in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law and International Relations, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (The Republic of Moldova) – *Scientific secretary.*

КИРТОАКЭ Наталия Михайловна.

Кандидат юридических наук, доцент, зав. Отделом международного права и международных отношений Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Республика Молдова) – *Ученый секретарь.*

E-mail: n_chirtoaca@mail.ru

ANGEL Jose Luis IRIARTE.

Doctor în drept, profesor universitar, Vicerector al Universității Publice din Navarra (Spania) - *Membru al consiliului redacțional.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE.

Doctor of Law, Professor, Vicerector of The Navarra Public University (Spain) – *Member of editorial board.*

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТЕ.

Доктор права, профессор, проректор Наваррского публичного университета (Испания) - *Член редакционного совета.*

E-mail: julis.iriarte@unavarra.es

http://www.uta.edu.ec/formacioncompetencias2005/files/pictures/cv_luisiriarte.pdf

ARHILIUC Victoria.

Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea de Stat din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

ARHILIUC Victoria.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The State University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

АРХИЛИОК Виктория Нестеровна.

Доктор юридических наук, профессор, Молдавский государственный университет (Республика Молдова) - *Член редакционного совета.*

E-mail: arhiliucv57@yahoo.com

ABASHIDZE Aslan.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Prieteniei Popoarelor din Rusia, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Federația Rusă) - *Membru al consiliului redacțional.*

ABASHIDZE Aslan.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (The Russian Federation) - *Member of editorial board.*

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович.

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Российская Федерация) - *Член редакционного совета.*

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

http://www.intlaw-rudn.com/about-en/faculty/abashidze?set_language=en-us

BALAN Oleg.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Rector al Academiei de Administrare Publică a Republicii Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BALAN Oleg.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Rector of The Academy of Public Administration of The Republic of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

БАЛАН Олег Иванович.

Доктор юридических наук, профессор, ректор Академии публичного управления Республики Молдова (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: rector1@aap.gov.md ; balanoleg9@gmail.com

http://aap.gov.md/index.php?option=com_content&view=article&id=167&Itemid=294&lang=en

BENIUC Valentin.

Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Rector al Institutului de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BENIUC Valentin.

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

БЕНИУК Валентин Анастасьевич.

Доктор политических наук, профессор, Ректор Молдавского государственного института международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: v.beniuc@mail.ru; irim@irim.md

<http://irim.md/index.php/ru/ob-irim/rektorat/13-memberscv/33-valentin-beniuc>

BOSHITSKY Iury.

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

BOSHITSKY Iury.

Ph.D in Law, Professor, Rector of The Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine) - *Member of editorial board.*

БОШИЦКИЙ Юрий Ладиславович.

Кандидат юридических наук, профессор, Ректор Киевского университета права НАН Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

E-mail: rector@kul.kiev.ua; inter-dep@kl.kiev.ua

<http://en.kul.kiev.ua/kerivnictvo/boshickiy-juriy-ladislavovich.html>

DERGACIOV Vladimir.

Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar, expert în geopolitică, profesor la Universitatea Națională din Odesa (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

DERGACHEV Vladimir A.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics, Professor of the Odessa National University (Ukraine) - *Member of editorial board.*

ДЕРГАЧЕВ Владимир Александрович.

Доктор географических наук, профессор, эксперт в геополитике, профессор Одесского национального университета (Украина) - *Член редакционного совета.*

E-mail: admin@dergachev.ru; dergachev@farlep.net

<http://www.dergachev.farlep.net/>

<http://www.dergachev.ru/>

<http://dergachev-va.livejournal.com/>

DYULGEROVA Nina Angelova.

Doctor habilitat în economic, doctor în istorie, profesor universitar, Catedra Relații Internaționale și Științe Politice, Universitatea Liberă din Varna „Chernorizec Hrabar” (Varna, Bulgaria) – *Membru al consiliului redacțional.*

DYULGEROVA Nina Angelova.

Doctor of Economic Sciences (management and security), Ph.D. in History, Professor of International relations, Department of International Relations and Political Sciences, Faculty „Social Sciences”, Varna Free University „Chernorizec Hrabar” (Varna, Bulgaria) - *Member of editorial board.*

ДЮЛГЕРОВА Нина Ангелова.

Доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор Варненского свободного университета «Черноризец Храбър» (Варна, Болгария)

- *Член редакционного совета.*

E-mail: nina_d6@hotmail.com; nina_d56@yahoo.com

<http://nina-dulgerova.org/Papers.htm>

<http://nina-dulgerova.org/CV.htm>

FUEREA Augustin.

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

FUEREA Augustin.

Doctor of Law, Professor, The University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ФУЕРЕА Августин.

Доктор права, профессор, Бухарестский государственный университет (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: augustinfuerea@yahoo.com

http://www.univnt.ro/cv/uploads/cv/CV_Fuerea_Augustin.pdf

http://www.drept.unibuc.ro/dyn_doc/cv/a-fuerea.pdf

HEINRICH Hans-Georg.

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din Viena (Austria) – *Membru al consiliului redacțional.*

HEINRICH Hans-Georg.

Doctor of Law, Professor, The University of Viena (Austria) – *Member of editorial board.*

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг.

Доктор права, профессор, Венский университет (Австрия) – *Член редакционного совета.*

E-mail: hans-georg.heinrich@univie.ac.at

<http://www.enri-east.net/consortium/institute-for-advanced-studies/en/>

KAPUSTIN Anatolii.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Federația Rusă (Federația Rusă) – *Membru al consiliului redacțional.*

KAPUSTIN Anatoly.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, President of The Russian Association of International Law (The Russian Federation) - *Member of editorial board.*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич.

Доктор юридических наук, профессор, Президент Российской ассоциации международного права (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

E-mail: kapustin@izak.ru, akap@mail.ru

http://jppublishing.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=96&Itemid=102

<http://izak.ru/381>

KOPYLOV Mihail.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, academician al Academiei Ruse de Științe Naturale, academician al Academiei Ecologice din Rusia și academician al Academiei Internaționale de Ecologie și Protecție a Activității Vitale (Federația Rusă) – *Membru al consiliului redacțional (2013-2016).*

KOPYLOV Mikhail.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, academician of the Russian Ecological Academy and academician of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety (The Russian Federation) - *Member of editorial board (2013-2016).*

КОПЫЛОВ Михаил Николаевич.

Доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, академик Российской экологической академии и академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (Российская Федерация) – *Член редакционного совета (2013-2016 гг.).*

E-mail: mikhail.kopylov11@gmail.com, prof.mikhail.kopylov@gmail.com

<http://www.intlaw-rudn.com/about/faculty/kopylov-mn>

LIPKOVA Ludmila.

Doctor, Ing., profesor universitar, Decan, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Republica Slovacia) – *Membru al consiliului redacțional.*

Dr.h.c. prof. Ing. LIPKOVA Ludmila, CSc.

Dean, Professor, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava, Slovakia (The Slovak Republic) - *Member of editorial board.*

ЛИПКОВА Людмила.

Доктор, профессор, Декан факультета международных отношений Экономического университета в Братиславе (Словацкая Республика) – *Член редакционного совета.*

E-mail: lipkova@euba.sk

<http://www.osobnosti.sk/index.php?os=zivotopis&ID=1347>

MAZILU Dumitru.

Doctor în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Universitatea „Spiru Haret” din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

MAZILU Dumitru.

Doctor of Law, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), The „Spiru Haret” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

МАЗИЛУ Думитру.

Доктор права, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Университет им. Спиру Харета, Бухарест (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: dumitru.mazilu@spiruharet.ro; secretariat@universitatea-cantemir.ro

http://ro.wikipedia.org/wiki/Dumitru_Mazilu

http://www.ucdc.info/cd/cd_profil.php?cid=1146

NAZARIA Sergiu.

Doctor habilitat în științe politice, doctor în istorie, conferențiar universitar, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

NAZARIA Sergei.

Doctor of Political Sciences, Ph.D in History, Associate professor, The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович.

Доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, Молдавский государственный институт международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: sergnazar@mail.ru

PAPAVA Vladimer.

Doctor habilitat în economie, profesor universitar, academician al Academiei Naționale de Științe a Georgiei, Rectorul Universității de Stat din Tbilisi „Ivane Javakhishvili” (Tbilisi, Georgia) – *Membru al consiliului redacțional.*

PAPAVA Vladimer.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Georgian National Academy of Sciences, Rector of The Ivane Javakhishvili Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia) - *Member of editorial board.*

ПАПАВА Владимир.

Доктор экономических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Грузии, ректор Тбилисского государственного университета имени Ивана Джавахишвили (Тбилиси, Грузия) – *Член редакционного совета.*

E-mail: papavavladimer@gfsis.org; papavavladimer@yahoo.com

<http://www.tsu.edu.ge/en/government/raac/rector/>

<http://www.papava.info/>

http://en.wikipedia.org/wiki/Vladimer_Papava

POPESCU Dumitra.

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea „Titu Maiorescu” din București, Institutul de Cercetări Juridice „Acad. Andrei Rădulescu” al Academiei Române (România) - *Membru al consiliului redacțional.*

POPESCU Dumitra.

Doctor of Law, Professor, The „Titu Maiorescu” University of Bucharest, Legal Research Institute „Academician Andrei Rădulescu” of the Romanian Academy (Romania) – *Member of editorial board.*

ПОПЕСКУ Думитра.

Доктор права, профессор, Бухарестский университет имени Титу Майореску, Научно-исследовательский юридический институт имени академика Андрея Рэдулеску Румынской Академии (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: juridic_institut@yahoo.com

STRATIEVSCHI Dmitrii.

Doctor în istorie, Vicedirector al Centrului de studii a Europei de Est din Berlin OEZB e.v. (Berlin, Republica Federală Germania).

STRATIEVSKI Dmitrii.

PhD in History, Deputy Director of the Center for the Study of Eastern Europe in Berlin OEZB e.v. (Berlin, Federal Republic of Germany).

СТРАТИЕВСКИЙ Дмитрий.

Доктор исторических наук, заместитель директора Центра изучения Восточной Европы в Берлине OEZB e.v. (Берлин, Федеративная Республика Германия).

E-mail: stratievski@gmx.de

SEDLIȚCHI Iurie.

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Studii Europene din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

SEDLITSCHI Yuri.

Ph.D in Law, Professor, Rector of The European University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий Николаевич.

Кандидат юридических наук, профессор, Ректор Европейского университета Молдовы (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: iuriesedletchii@yahoo.fr

<http://www.usem.md/ro.html>

TIMCENCO Leonid.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Națională a Serviciului Fiscal de Stat al Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

TIMCHENKO Leonid.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The National University of The State Tax Service of Ukraine (Ukraine) – *Member of editorial board.*

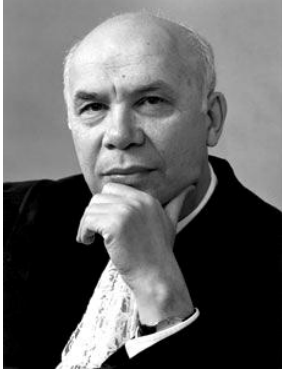
ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

E-mail: ltymch@ukr.net; timchenko@asta.edu.ua

VERESHCHETIN Vladlen.

Doctor habilitat în științe juridice, profesor universitar. În 1984-1995 – membru al Curții Permanente de Arbitraj a ONU (Haga), în 1992-1994 – membru și președinte al Comisiei de Drept Internațional a ONU, în 1995-2006 – Judecător al Curții Internaționale de Justiție a ONU (Haga), din 2012 – Arbitru în Dreptul Cosmic (Spațial) la Curtea Permanentă de Arbitraj a ONU (Haga). În 1978-1995 – Vice-președinte, din 1995 – Președinte de onoare al Institutului Internațional de Drept Cosmic (Spațial) din Paris. Din 1977 - academician al Academiei Internaționale de Astronautică (SUA), din 2006 - academician al Academiei de Științe din Bulgaria. (Federația Rusă) – *Membru al consiliului redacțional.*

Vladlen S. VERESHCHETIN.

Doctor of Juridical Sciences, Professor. In 1984-1995 - Member of the Permanent Court of Arbitration (the Hague). In 1992-1994 - Member and Chairman of the United Nations International Law Commission. In 1995-2006 - Judge of the International Court of Justice (the Hague). From 2012, the Referee for Space Law of the Permanent Court of Arbitration (the Hague). In 1978-1995-Vice President, from 1995 - Director Emeritus of the International Institute of Space Law (Paris). Since 1977 - Member of the International Astronautical Academy (USA), since 2006 - Foreign Member of Bulgarian Academy of Sciences. (The Russian Federation) – *Member of editorial board.*

ВЕРЕЩЕТИН Владлен Степанович.

Доктор юридических наук, профессор. С 1984 по 1995 год - член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага). В 1992-1994 годах - член Комиссии международного права ООН. В 1994 году возглавлял Комиссию. В 1995-2006 годах – Судья Международного Суда ООН (г. Гаага). С 2012 г. – арбитр по космическому праву Постоянной Палаты третейского суда (г. Гаага). В 1978-1995 годах - вице-президент, с 1995 г.- почетный директор Международного института космического права (Франция). С 1977 г. - действительный член Международной астронавтической академии (США). С 2006 г. - иностранный член Болгарской Академии наук. (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

E-mail: vsvereshchetin@ziggo.nl;

<http://legal.un.org/avl/faculty/Vereshchetin.html>;

http://legal.un.org/avl/pdf/ls/Vereshchetin_bio.pdf;

<http://intlaw-rudn.com/about/history-faces/vereshchetin>

WILLIAMS Silvia Maureen.

Doctor în drept și științe sociale, profesor de Drept Internațional Public, Universitatea din Buenos Aires. Președintele Comitetului de Drept Internațional Spațial al Asociației de Drept Internațional (ILA - Londra). Membru al Consiliului executiv al Asociației de Drept Internațional (sediul, Londra). Membru al Institutului Internațional de Drept Spațial, membru al Academiei Internaționale de Astronautică, membru al Institutului Regal de Relații Internaționale (Chatham House), membru al Institutului Ibero- American de Drept Aerian și Spațial (Argentina) – *Membru al consiliului redacțional.*

WILLIAMS Silvia Maureen.

Doctor of Law and Social Sciences, Professor of Public International Law, University of Buenos Aires. President of the International Space Law Committee of the International Law Association (ILA - London). Member of the Executive Council of the International Law Association (Headquarters, London). Member of the Institut International de Droit Spatial, full member of the International Academy of Astronautics, the Royal Institute of International Affairs (Chatham House), the Ibero American Institute of Air and Space Law (Argentina) – *Member of editorial board.*

УИЛЬЯМС Сильвия Морин.

Доктор права и социальных наук, профессор международного публичного права, Университет Буэнос-Айреса. Президент Комитета по международному космическому праву Ассоциации международного права (АМП - Лондон). Член, Сопредседатель Исполнительного Совета Ассоциации международного права (штаб-квартира, Лондон). Член Международного Института международного космического права, действительный член Международной академии астронавтики Королевского института международных отношений (Чэтхэм Хаус) и Иbero-американского института воздушного и космического права (Аргентина) – *Член редакционного совета.*

E-mail: maureenw777@yahoo.co.uk;

[swilliams@derecho.uba.arhttp://www.derecho.uba.ar/investigacion/investigadores/williams.php](http://www.derecho.uba.ar/investigacion/investigadores/williams.php)

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**COLEGIUL DE REDACȚIE (RECENZENȚII)
EDITORSHIP (REVIEWERS)
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (РЕЦЕНЗЕНТЫ)**

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM; Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

– *Redactor-șef adjunct, Președinte al colegiului de redacție.*

KINDIBALYK Olyana.

PhD in political science, acting Associate Professor, scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM; Head of the Department of World Politics and International Relations at the University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). – *Deputy Editor-in-chief, Head of Editorship.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, и.о. доцента, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

– *Заместитель главного редактора, Председатель редакционной коллегии.*

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

ANITEI Nadia Cerasela.

Doctor în drept, Profesor universitar, Facultatea de Științe Juridice, Sociale și Politice, Universitatea „Dunărea de Jos” din Galați (Galați, România).

ANITEI Nadia Cerasela.

Ph.D in Law, professor, Faculty of Legal, Political and Social Sciences, University „Dunarea de Jos of Galati” (Galati, Romania).

АНИЦЕЙ Надия Черасела.

Доктор права, профессор, факультет правовых, политических и социальных наук, Галацкий Университет «Дунэря де Жос» (Галац, Румыния).

E-mail: ncerasela@yahoo.com

<http://ugal.academia.edu/NADIACERASELANITEI/CurriculumVitae>

MATTOȘ Boris.

Doctor în științe politice, Vicerector pentru relații internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

MATTOS Boris.

PhD in political science, Vicerector for International relations, University of Economics in Bratislava, Slovakia (Bratislava, The Slovak Republic).

МАТОШ Борис.

Доктор политических наук, Заместитель ректора по международным связям, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика).

E-mail: mattos@euba.sk

DORUL Olga.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova; cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM (Chișinău, Republica Moldova).

DORUL Olga.

Ph.D in Law, Associate Professor, The Moldova State University; scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM (Kishinev, The Republic of Moldova).

ДОРУЛ Ольга Павловна.

Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский государственный университет; научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: dorulolga@yahoo.com

EVSEEV Vladimir.

Doctor în științe tehnice, Expert militar, Șef Departament Integrare Euroasiatică și Dezvoltare a Organizației de Cooperare Shanghai (OCS) a Institutului CSI (Moscova, Federația Rusă).

EVSEEV Vladimir.

Ph.D in Technical Science, Military expert, Head of the Department of Eurasian integration and development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) of the Institute of CIS (Moscow, The Russian Federation).

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич.

Кандидат технических наук, Военный эксперт, Заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

http://ru.ino-ppic.ru/yevseyev_v/

<http://ir.russiancouncil.ru/person/evseev-vladimir-valerevich/>

GLADARENCO-STOIAN Maia.

Doctor în istorie, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași (Iași, România).

GLADARENCO-STOIAN Maia.

Ph.D in History, University „Alexandru Ioan Cuza” of Iassy (Iassy, Romania).

ГЛАДАРЕНКО-СТОЯН Майя.

Кандидат исторических наук, Ясский Университет «Александру Иоан Куза» (Яссы, Румыния).

E-mail: maia_gl@yahoo.fr

GENTIMIR Alina Mirabela.

Doctor în drept, Lector, Facultatea de Drept, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași (Iași, România).

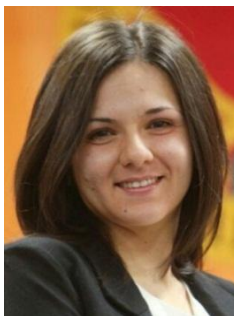
GENTIMIR Alina Mirabela.

Lecturer PhD, Faculty of Law, „Alexandru Ioan Cuza” University of Iassy (Iassy, Romania).

ДЖЕНТИМИР Алина.

Кандидат юридических наук, преподаватель, Юридический факультет Ясского университета им. А.И.Кузы (Яссы, Румыния).

E-mail: agentimir@yahoo.fr

GLUHAIA Diana.

Doctor în drept, Universitatea Publică din Navarra (Pamplona, Spania).

GLUHAIA Diana.

Ph.D in Law, The Navarra Public University (Pamplona, Spain).

ГЛУХАЯ Диана.

Доктор права, Наваррский публичный университет (Памплона, Испания).

E-mail: diana.gluhaya@unavara.es; diana_gluhaia@yahoo.com

IOVIȚĂ Alexandrina.

Doctor în drept, UNAIDS, Cartierul general, Coordonator programe, drepturile omului și legislație (Chișinău, Republica Moldova – Geneva, Elveția).

IOVITA Alexandrina.

Ph.D in Law, UNAIDS Secretariat, Headquarters, Programme Officer, Human Rights and Law (Kishinev, The Republic of Moldova – Geneva, Switzerland).

ИОВИЦЭ Александрина Александровна.

Кандидат юридических наук, UNAIDS, генеральный офис, сотрудник по программам, права человека и правовые вопросы (Кишинев, Республика Молдова, Женева, Швейцария).

E-mail: alexandrina_iovita@yahoo.com

KOVALEVA Natalia.

Doctor în pedagogie, conferențiar universitar, Director al Fundației de Caritate „Fii Om!” (Orenburg, Federația Rusă).

KOVALYOVA Natalia.

Ph.D., Associate Professor, Director of the Charity Foundation „Be a man!” (Orenburg, The Russian Federation).

КОВАЛЁВА Наталья Александровна.

Кандидат педагогических наук, доцент, директор Благотворительного Фонда «Будь Человеком!» (Оренбург, Российская Федерация).

E-mail: kovaleva_osu@mail.ru

<http://www.osu.ru/doc/3117>

LISENCO Vladlena.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Vicerector pentru relații internaționale, Universitatea de Stat din Transnistria „T.G.Șevcenco” (Tiraspol, Republica Moldova).

LISENCO Vladlena.

Ph.D in Law, Associate Professor, Vicerector for International relations, Taras Shevchenko State University of Transnistria (Tiraspol, The Republic of Moldova).

ЛЫСЕНКО Владлена.

Кандидат юридических наук, доцент, Заместитель ректора по международным связям, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Республика Молдова).

E-mail: vlada.lisenco@mail.ru

METREVELI Levan.

Doctor în științe politice, șef al Centrului pentru dezvoltarea integrată a Georgiei, Universitatea de Stat Tbilisi (Tbilisi, Georgia).

METREVELI Levan.

Doctor of Political Sciences, Head of the Center for integrated development of Georgia, Tiflis State University (Tbilisi, Georgia).

МЕТРЕВЕЛИ Леван.

Доктор политических наук, руководитель Центра комплексного развития Грузии Тбилисского государственного университета (Тбилиси, Грузия).

E-mail: levanmetreveli@yahoo.com

MOUSMOUTI Maria.

Doctor în drept, Director executiv al Centrului European de Drept Constituțional din Atena (Atena, Grecia).

MOUSMOUTI Maria.

Ph.D in Law, Executive director of The European Center of Constitutional Law (Athenas, Grece).

МОУСМУТИ Мария.

Доктор права, Исполнительный директор Европейского центра конституционного права (Афины, Греция).

E-mail: Mousmou@yahoo.com

<http://www.cecl2.gr/index.php/en/thecentre/theboard/11-thecentre/cv/16-08-maria-mousmouti>

http://ials.sas.ac.uk/postgrad/LDclinic/LDclinic_who.htm

SÂRCU Diana.

Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Director al Institutului Național de Justiție al Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

SARCU Diana.

Doctor of Juridical Sciences, Associate professor, Director of the National Institute of Justice of the Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

СЫРКУ Диана.

Доктор юридических наук, доцент, Директор Национального института юстиции Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: sircu@yahoo.com

SYCI Alexandru.

Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar, Universitatea Națională „Jurie Fedikovici” din Cernăuți (Cernăuți, Ucraina).

SYCH Alexander.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chernivtsi National University „Yuri Fedkovych” (Chernivtsi, Ukraine).

СЫЧ Александр Иванович.

Доктор исторических наук, профессор, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

E-mail: asych_chnu@yahoo.com, amenitinna@gmail.com

SOLNȚEV Alexandr.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia (Moscova, Federația Rusă).

SOLNTSEV Alexander.

Ph.D in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law PFUR, the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович.

Кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

E-mail: a.solntsev@gmail.com; intlaw.rudn@gmail.com
www.intlaw-rudn.com

SMOCHINA Carolina.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea Europeană din Lefke (Lefke, Nicosia, Cipru).

SMOCHINA Carolina.

Ph.D in Law, Associate Professor, European University of Lefke (Lefke, Nicosia, Cyprus).

СМОКИНЭ Каролина.

Доктор права, доцент, Европейский Университет в Лefке (Лefке, Никосия, Кипр)

E-mail: smochina@gmail.com

ISMAYL Togrul.

Doctor în istorie, Doctor în economie, conferențiar universitar, Universitatea TOBB, Economie și Tehnologie (Ankara, Turcia).

ISMAYL Togrul.

Ph.D in History, Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor, TOBB University of Economics and Technology (Ankara, Turkey).

ИСМАИЛ Тогрул.

Доктор истории, Доктор экономики, доцент, TOBB университет экономики и технологии (Анкара, Турция).

E-mail: togrul65@hotmail.com, tismayil@etu.edu.tr

ȚIGĂNAȘ Ion.

Doctor în drept, Director General Adjunct, Agenția de Stat Pentru Proprietatea Intelectuală a Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

TIGANAS Ion.

Ph.D in Law, Deputy General Director of The State Agency on Intellectual Property of The Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ЦИГЭНАШ Ион.

Кандидат юридических наук, Генеральный вице-директор Государственного агентства по интеллектуальной собственности Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: iondrept@yahoo.com
http://www.agepi.gov.md/pdf/about/cv_tiganas.pdf

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**DATE DESPRE AUTORI
DATES OF AUTHORS
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

ABASHIDZE Aslan.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Prieteniei Popoarelor din Rusia, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Moscova, Federația Rusă).

ABASHIDZE Aslan.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (Moscow, The Russian Federation).

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович.

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Российская Федерация).

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

ANTOHI Leonid.

Doctorand, Facultatea de Drept, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

ANTOHI Leonid.

Ph.D. student, Law Department, State University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

АНТОХИ Леонид.

Аспирант, Факультет права, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: antohi@gmail.com

ARHILIUC Victoria.

Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea de Stat din Moldova; cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM (Republica Moldova).

ARHILIUC Victoria.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The State University of Moldova; scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM (The Republic of Moldova).

АРХИЛЮК Виктория Нестеровна.

Доктор юридических наук, профессор, Молдавский государственный университет; научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Республика Молдова).

E-mail: arhiliucv57@yahoo.com

BOHACI Radomir.

Ambasador, Director general de Secție în aparatul Ministrului de externe din cadrul Ministerului Afacerilor Externe și Europene al Republicii Slovace, doctorand, Facultatea Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

BOHAC Radomir.

Ambassador, Director-General of the Section of Foreign Minister in the Ministry of Foreign and European Affairs of the Slovak Republic, PhD student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic).

БОГАЧ Радомир.

Посол, Генеральный директор департамента в аппарате Министра иностранных дел в Министерстве иностранных и европейских дел Словацкой Республики, аспирант, Факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Республика Словакия).

E-mail: radomir.bohac@mzv.sk

BURIAN Alexandru.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Chișinău, Republica Moldova); Profesor universitar la Catedra Politologie a Universității „Alexander Dubcek” din Trencin (Trencin, Republica Slovacă).

BURIAN Alexander.

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), Director of The Institute for Strategic Studies of The European University of Moldova, President of the Moldavian Association of International Law (Kishinev, The Republic of Moldova); Professor at the Department of Political Science of the University "Alexander Dubcek" in Trencin (Trencin, Slovak Republic).

БУРИАН Александр Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, Президент Молдавской Ассоциации международного права (Кишинев, Республика Молдова); Профессор кафедры Политологии Университета им. Александра Дубчека в Тренчине (Тренчин, Словацкая Республика).

E-mail: alexandrururian@yahoo.com; alexandrururian@mail.ru

BURLACU Oleg.

Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova); Avocat Societatea Civila de Avocați „Burlacu & Partenerii” (București, România).

BURLACU Oleg.

Ph.D. student, Law Department, State University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Lawyer, Law Firm „Burlacu & Partners” (Bucharest, Romania).

БУРЛАКУ Олег.

Аспирант, Факультет права, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат, Адвокатская контора „Burlacu & Partenerii” (Бухарест, Румыния).

E-mail: burlacu@gmail.com

DIKOVSKA Iryna.

Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, profesor universitar la Catedra de drept civil a Universității Naționale din Kiev „Taras Șevcenko” (Kiev, Ucraina).

DIKOVSKA Iryna.

Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor of the Department of Civil Law of the Kiev National University „Taras Shevchenko” (Kiev, Ukraine).

ДИКОВСКАЯ Ирина Андреевна.

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев, Украина).

E-mail: irinadikovska@hotmail.com

EVSEEV Vladimir.

Doctor în științe tehnice, Expert militar, Șef Departament Integrare Euroasiatică și Dezvoltare a Organizației de Cooperare Shanghai (OCS) a Institutului CSI (Moscova, Federația Rusă).

EVSEEV Vladimir.

Ph.D in Technical Science, Military expert, Head of the Department of Eurasian integration and development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) of the Institute of CIS (Moscow, The Russian Federation).

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич.

Кандидат технических наук, Военный эксперт, Заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM; Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

KINDIBALYK Olyana.

PhD in political science, acting Associate Professor, scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM; Head of the Department of World Politics and International Relations at the University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, и.о. доцента, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

KOŁODZIEJCZYK Marta.

Doctor în drept, Departamentul Drept și Științe Sociale, Școala Superioară de Finanțe și Drept din Bielsko-Biala (Bielsko-Biala, Polonia).

KOŁODZIEJCZYK Marta.

PhD in Law, Department of Law and Social Sciences, Bielsko-Biala School of Finance and Law (Bielsko-Biala, Poland).

КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта.

Доктор права, Департамент права и социальных наук, Высшая школа финансов и права в Бельско-Бяла (Бельско-Бяла, Польша).

E-mail: mkolodziejczyk@wsfip.edu.pl

MRÁZ Stanislav.

Doctor în drept, Profesor universitar, Șef Catedră drept internațional, Facultatea Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

MRÁZ Stanislav.

PhD. In Law, Professor, Head of The Department of International Law, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic).

МРАЗ Станислав.

Кандидат юридических наук, профессор, Заведующий кафедрой международного права, Факультет международных отношений, Экономический университет в Братислава (Братислава, Республика Словакия).

E-mail: lipkova@euba.sk

NICHIȚA Rodica.

Master în drept, Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

NICHIȚA Rodica.

Master of Law, PhD student, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova).

НИКИТА Родика.

Магистр права, аспирант, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: r.nichita2012@yandex.com

PRODAN Svetlana.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

PRODAN Svetlana.

PhD in law, associate professor, University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ПРОДАН Светлана.

Кандидат юридических наук, доцент, Европейский университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: prodan.s@mail.ru

SÂRCU Diana.

Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Director al Institutului Național de Justiție al Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

SARCU Diana.

Doctor of Juridical Sciences, Associate professor, Director of the National Institute of Justice of the Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

СЫРКУ Диана.

Доктор юридических наук, доцент, Директор Национального института юстиции Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: sircu@yahoo.com

SOLNȚEV Alexandr.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia (Moscova, Federația Rusă).

SOLNTSEV Alexander.

Ph.D in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law PFUR, the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович.

Кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

E-mail: a.solntsev@gmail.com; intlaw.rudn@gmail.com

STEJARU Selena.

Doctorand, lector, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Catedra Relații Internaționale (Chisinau, Republica Moldova)

STEJARU Selena.

PhD student, lecturer, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, Department of International Relations (Chisinau, the Republic of Moldova).

СТЕЖАРУ Селена.

Аспирант, преподаватель, Молдавский Государственный Университет, Факультет Международных Отношений, Политических и Административных наук, Кафедра Международные Отношения (Кишинев, Республика Молдова)

E-mail: selena.stejaru@gmail.com

STRELTSOVA Olga.

Doctor în drept, cercetător științific la Institutul Stat și Drept al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei; postdoctorand la Catedra Drept constituțional a Universității Naționale din Kiev „Taras Șevcenco” (Kiev, Ucraina).

STRELTSOVA Olga.

Ph.D in Law, researcher at the Institute of State and Law „V. M. Koretsky”, National Academy of Sciences of Ukraine; Doctoral candidate Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine).

СТРЕЛЬЦОВА Ольга Викторовна.

Кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права им. В.М.Корецкого Национальной академии наук Украины; докторант кафедры конституционного права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Киев, Украина).

E-mail: streltsovaov@yandex.ua

ZUBRO Tetyana.

Doctor în științe politice, Lector superior, Catedra relații internaționale și științe politice, Facultatea relații internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

ZUBRO Tetyana.

PhD. In Political Sciences, Professor, Head of The Department of International Law, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, The Slovak Republic).

ЗУБРО Тетьяна.

Доктор политических наук, Старший преподаватель, Кафедра международных политических отношений, Факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Республика Словакия).

E-mail: ztp@centrum.sk

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

CERINȚELE

**privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”**

Revista teoretico-științifică „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” acceptă pentru publicare articole în limbile moldovenească (română), rusă, engleză, spaniolă, franceză, germană (la discreția autorului), care conțin rezultate inedite ale cercetărilor efectuate și care sunt ajustate la „Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor”.

Consiliul Redacțional acceptă manuscrisul articolului pentru publicare în corespundere cu profilurile ediției („drept” și „științe politice”), cu un volum nu mai mult de 20 de pagini, inclusiv figuri și tabele. Manuscrisul ar trebui să conțină doar materiale originale, efectuat la un înalt nivel științific, reflectând rezultatele cercetării efectuate de către autor, obținute cu cel mult un an înainte de publicare, și care conține un element clar privitor la inovația științifică a cercetării și propria contribuție a autorului. Sunt acceptate pentru publicare materialele care anterior nu au fost publicate în alte ediții și nu au fost destinate pentru publicarea simultană în diverse ediții. Articolele sunt expuse recenzării obligatorii, în conformitate cu *Anexa 3*. Pentru doctoranzi (competitori) este obligatorie recenzarea articolelor de către conducătorul științific. Pot fi publicate doar articolele care au primit recenzii pozitive. Pentru publicarea articolelor nu se plătește și nu se încasează taxe.

Cerințele menționate mai sus se aplică tuturor materialelor trimise pentru publicare în adresa revistei. Consiliul Redacțional are dreptul de a nu accepta publicarea materialelor în caz de: a) nerespectarea cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor; b) plagiat; c) conținutul articolului este neadecvat cu profilurile revistei.

În cazurile când nu sunt respectate cerințele redacția are dreptul să nu examineze manuscrisul. Consiliul Redacțional își rezervă dreptul de a reduce volumul articolului prezentat (dacă este necesar), expunându-l în versiunea redacției (introducând modificări redacționale, care nu schimbă sensul general al articolului prezentat de autor). Formulările și prezentarea materialelor în articolele publicate nu reprezintă întotdeauna poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția. Aceste materiale se publică în ordine de discuție, în scopul asigurării posibilității de a expune diverse opinii. Responsabilitatea asupra conținutului articolelor, selecției și preciziei faptelor și informației citate revine în exclusivitate autorilor. În același număr al revistei poate fi publicat doar un singur articol al unui autor.

Numărul de autori al unui articol nu poate fi mai mare de două persoane. Autorul (ii) trimite redacției 2 exemplare originale a articolului (semnate de autor) în imprimare pe hârtie și trimite articolul în format electronic prin e-mail la adresa: alexandruruban@yahoo.com

Volumul articolului nu trebuie să depășească 1,5 c.a. dactilografiate pe hârtie, format A4 (60 de mii de caractere, sau 16-20 de pagini de text), inclusiv figuri, tablițe, referințe și scheme. Atunci când se plasează referințe bibliografice în limba engleză este necesar de indicat denumirea oficială a surselor (revistelor) în limba engleză.

Pentru a plasa un articol în Revistă este necesar de prezentat următoarele documente: cerere, informațiile despre autor (ia), articolul, fotografia autorului (autorilor) în format JPG, adnotare (abstract, rezumat) în trei limbi (română, rusă și engleză) într-un volum de 100 de cuvinte, cuvinte-cheie (5-7 cuvinte). Adnotarea nu trebuie să conțină referiri la literatura citată, tabele și figuri.

Informația despre autor (i) conține următoarele date: numele, prenumele, patronimicul autorului (autorilor), locul de muncă, funcția, titlul științific, gradul științific, adresa poștală, adresa electronică și numărul de telefon. Numele autorului (autorilor) ar trebui să fie listate sub titlul articolului, în dreapta.

Cerințele tehnice pentru perfectarea manuscrisul pentru publicare:

Titlul articolului nu trebuie să depășească trei linii. Titlul ar trebui să fi dat numai cu majuscule (Times New Roman 16) și centrat. Sursele literare utilizate în articol trebuie prezentate într-o singură listă la sfârșitul textului (bibliografie), în conformitate cu **Anexa 2**. Referirile la literatura de specialitate menționate în text sunt obligatorii, trebuie să fie plasate în partea de jos a fiecărei pagini a textului și necesită să fie perfectate în conformitate cu **Anexa 1**. Referirile la sursele externe sunt prezentate într-o limbă străină și sunt urmate, în cazul traducerii în română și rusă, cu indicație privitor la traducere. Numerotarea referirilor la sursele literare este dată în ordinea menționată în text. Trimiteri la lucrări nepublicate nu sunt permise. Lista bibliografică (de la sfârșitul textului) este dată în ordine alfabetică în funcție de prima literă a prenumelui autorului (autorilor).

Acronimele și abrevierile trebuie să fie descifrate la prima mențiune în textul articolului. În textele în limba română, engleză, franceză, spaniolă și germană se utilizează ghilimele germane („”), în textele în limba rusă se utilizează ghilimelele franceze («»).

Parametrii paginii:

Documentul trebuie salvat în MS Word, formatul de pagină A 4, marginile paginii: sus și jos - 2 cm, dreapta - 1,5 cm, stânga - 3 cm, Font - Times New Roman; Dimensiune font - 12, spațiere - 1,5. Aliniere pe lățime, un spațiu la stânga - 1,5. Numerotarea paginilor este consecutivă, secvențială, în partea de jos a paginii, pe centru.

Redactarea textului:

Despărțirea manuală în silabe a cuvintelor (transferul din rând în rând) este inacceptabilă. Figurile și tabelele trebuie să fie numerotate, să aibă denumire, legendă și subiect. Titlurile lor și trebuie să fie prezentate în text după alineatul care conține un link de referință la ele.

Exemplarele autorului:

Fiecare autor al articolului obține doar un număr al revistei, indiferent de numărul de autori.

Consiliul Redacțional

Anexa 1

Exemple de referințe bibliografice:

Referințele (citatele) de la sfârșitul fiecărei pagini trebuie să conțină semnele de punctuație și să urmeze aceleași reguli ca și plasarea lor în descrierea bibliografică.

Dacă textul nu este citat de o sursă originală, dar de un alt document, atunci se utilizează următoarele cuvinte la început de referință: citat de: (citând sursele împrumutate):

Exemplu:	Citat de: Dumitru Mazilu. Drept diplomatic. București: Editura Lumina Lex, 2003, p. 115. Citat de: Alexandru Burian. Drept diplomatic și consular. Chișinău: Editura ARC, 2003, p. 154.
----------	--

La amenajarea secvențială a referințelor (citatelor) primare și repetate se utilizează termenul "Ibid." sau ("Ibidem"):

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Ibid., p. 47 sau Ibidem., p. 47.

La amenajarea nesecvențială a referințelor (citatelor) primare și repetate, când referințele urmează nu concomitent una după alta, se utilizează termenul *Op. cit.* (opus citato) și este prezentat folosind caractere cursive:

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în
-------------------	--

	politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Anexa 2**Exemple de „Listă bibliografică” (bibliografie):**

Lista bibliografică este plasată după textul articolului cu titulatura „Bibliografie”. Toate link-urile din listă sunt numerotate secvențial și sunt aranjate în ordine alfabetică.

Descrierea unei cărți cu un singur autor:

Exemplu	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea de mare putere politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. XII + 359 p.
---------	---

Descrierea unei cărți cu trei sau mai mulți autori:

Exemplu	David G. Victor... [et al.]. Gaze naturale și geopolitică: din 1970 pînă în 2040. New York: Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

Descrierea unui articol publicat într-o revistă:

Este necesar de a indica numele autorului articolului, denumirea articolului, denumirea revistei, anul, numărul ediției sau volumul, numărul paginei de la începutul și sfârșitul articolului.

Exemplu	Serghei Lavrov. Rusia și lumea în secolul XXI. În: Rusia în afacerile globale. Iulie-septembrie 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 - 18.
---------	---

Descrierea unei teze de doctorat:

Exemplu	Vladislav Boiko. Securitatea energetică în contextul globalizării. Teză de doctor în științe politice. Moscova, 2012. 250 p.
---------	--

Descrierea unui autoreferat a tezei de doctorat:

Exemplu	Yuri Jukov. Centrismul politic în Rusia. Autoreferatul tezei... candidat în științe politice. Sankt-Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Descrierea publicațiilor științifice electronice:

Pentru surse de electronice, trebuie să specificați practic aceleași informații ca pentru reviste: autorul, titlul, numele site-ului (sau secțiune a site-ului) și URL-ul. Articolul ar trebui să conțină noțiunea [On-line]; informații la data de partajare pe rețeaua electronică (după fraza „Vizitat la.” indica data, luna și anul): (Vizitat la: 03.02.2012).

Exemplu	Burian Alexandru, Gurin Corina. Procesul decizional în politica externă și influența lui asupra negocierilor. În: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2011, nr. 4, p. 39 - 55. [On-line]: http://www.rmdiri.md/pdf/RMDIRI20114.p.df/ . (Vizitat la: 07.09.2012).
---------	---

REGULAMENTUL
cu privire la recenzarea articolelor științifice în
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”

1. Articole științifice primite de redacția *Revistei Moldovenești de Drept Internațional și Relații Internaționale* trec prin Instituția de recenzare.

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” a adoptat un sistem de patru niveluri de recenzare a articolelor și materialelor prezentate spre publicare:

Primul nivel – recenzarea de către Redactorul-șef (*main editor peer review*);

Al doilea nivel - recenzie de „nivel deschis” (*open peer review* - autorul și recenzentul se cunosc reciproc) – recenzia este transmisă la redacție de către autor;

Al treilea nivel - recenzie de nivel „orb-unilateral” (*single-blind* – recenzentul știe despre autor, autorul - nu);

Al patrulea nivel - recenzie de nivel „orb-dublu” (*double-blind* - atât recenzentul, cât și autorul, nu știu unul despre altul).

2. Fiecare articol științific necesită să aibă recenzii:

- deschise: *primul nivel* – recenzia (decizia) redactorului-șef; *al doilea nivel* - recenzia unui recenzent oficial, specialist în domeniu (doctor sau doctor habilitat);

- confidențiale (oarbe): *al treilea nivel* – recenzia redactorului științific sau a unui membru al consiliului redacțional sau al colegiului de redacție; *al patrulea nivel* – la decizia consiliului redacțional și recenzentul poate fi doar din exterior.

3. Toate articolele științifice, primite de Consiliul redacțional al revistei, sunt supuse obligatoriu recenzării „orb-dublu” (*double-blind* - atât recenzentul, cât și autorul, nu știu unul despre altul). Această recenzare este efectuată de către experți externi din baza de date de experți (recenzori) ai revistei, la solicitarea Consiliului redacțional.

4. Analizând recenziile, redacția evaluează prezența în articole a elementelor de actualitate a problemei științifice pe care autorul pretinde să o soluționeze. Recenzia necesită să descrie în mod clar valoarea teoretică sau aplicativă a investigației, și să coreleze constatările autorului cu conceptele științifice existente. Un element de bază al recenziei ar trebui să fie aprecierea de către recenzent a contribuției personale a autorului articolului la soluționarea problemei. Este necesar de a menționa în recenzie corespunderea stilului, logicii și nivelului de accesibilitate a expunerii științifice a materialului de către autor, precum și un aviz privind fiabilitatea și valabilitatea concluziilor.

5. După primirea recenziilor, redacția analizează articolele prezentate și adoptă decizia finală, în baza unei evaluări complete, privitor la publicarea sau ne-publicarea articolelor. În baza deciziei adoptate autorului i se comunică, prin e-mail sau poștă, informația cu privire la evaluarea articolului și decizia adoptată. În cazul că se refuză de a publica articolul, recenziții rămân anonimi.

6. Colegiul de redacție își rezervă dreptul de a trimite articolul la o recenzie suplimentară externă anonimă (*double-blind*). Redactor-șef, în asemenea caz, trimite recenzentului o scrisoare în care solicită recenzarea, atașând la scrisoare articolul și modelul conform căruia se recomandă de a efectua recenzia.

7. Prezența recenziilor pozitive nu este un motiv suficient pentru publicarea articolului. Decizia finală privitor la publicarea articolului este adoptată de consiliul redacțional.

8. În cazul în care există o critică substanțială din partea recenzentului, însă articolul, la general, este evaluat pozitiv, consiliul redacțional poate aprecia articolul ca polemic și poate decide de a-l publica în rubrica „Tribuna discuțională”.

9. Originalele recenziilor sunt păstrate la „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**REQUIREMENTS
to papers for publication in the
„Moldavian Journal of International Law and International Relations”**

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” being a scientifico-theoretical journal admits for publication articles in Moldovan (Romanian), Russian, English, Spanish, French, German (optional author) languages, containing the results of original research, designed in accordance with the „Requirements for the articles”.

An Editorial Board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, accept manuscript for publication corresponding to the edition profiles, no more than 20 pages, including figures and tables. The manuscript should contain only original material, performed at a high academic level, reflecting the author's research results, completed no more than one year before publication, and containing a clear element of creation of a new knowledge. The materials which earlier were not published and have been not intended to the simultaneous publication in other editions for printing are accepted. Articles are exposed to obligatory reviewing, in accordance with the *Appendix 3*. For post-graduate students (competitors) the review of the supervisor of studies is obligatory. We print only articles which have received only positive reviews. The fee for the publication is not paid.

The rules mentioned above apply to all the material sent to the journal for publication. The Editorial Board has the right not to accept materials to the publication in a case of: a) non-compliance of the paper with the requirements for its publication; b) plagiarism; c) inappropriate content of the presented paper to the journal profiles.

In cases when the requirements are not respected the editorial board has the right not to examine the manuscript. The editors reserve the right to reduce the volume of the article (if it is necessary), exposing it to editorial revision, make editorial (which do not change the general sense) changes in the author's original. Editors can publish materials without sharing author's opinion (in order of discussion). Authors are responsible for the selection and accuracy of the facts, quotes, and other information. Journal will only publish one article per author in each volume of the issue.

The number of authors should not be more than two people. Author (s) sent to the editor two copies of the article (signed by the author both in print and electronic form and send the article in electronic form by e-mail at: alexandrurburian@yahoo.com

The paper shouldn't exceed 1,5 printer's sheet of the typewritten text of format A4 (60 thousand characters, or 16-20 pages of text), including tables, list of references and drawings (schemes). At drafting of bibliographic references in English it is necessary to specify official English-speaking names of journals.

In order to place an article in the journal you should present following documents: an application, information about the author (s), an article, one author (s) photograph in JPG form, annotation provided (abstract) in three languages (Romanian, Russian and English) in a volume of 100 words, key words (5 - 7 words). Abstract should not contain references to the quoted literature, tables and figures.

Information about the author (s) contains: author's name, affiliation, post a scientific degree, an academic status, mailing address, e-mail address and telephone number Author's name should be listed under the article's title on the right.

Technical requirements to registration of the manuscript for the publication:

Title of the article should not exceed three lines. The title should be given only in capital letters (Times New Roman 16) and centred. Literary sources used in the paper should be submitted in one list at the

end (bibliography). Bibliographical list is presented after the text item in accordance with the *Appendix 2*. Footnotes to the literature mentioned in the text are mandatory and must be prepared in the bottom of the page in accordance with the *Appendix 1*. References to the foreign sources are given in a foreign language and are followed in the case of translation into Romanian and Russian indication of the translation. The numbering of the sources is given in the order mentioned in the text. References to unpublished works are not permitted. The bibliography is given in alphabetic order according to the first letter of authors surnames. Acronyms and abbreviations should be deciphered in a place of the first mention in the text. In text presented in Romanian, English, French, German or Spanish language, German inverted commas („pads”) should be used; in text presented in Russian language the French inverted commas («fur-trees») are used.

Page Setup:

The document must be saved in MS Word, A 4 page format, page margins: top and bottom - 2 cm, right - 1.5 cm, left - 3 cm Font - Times New Roman; font size - 12, line spacing - 1,5. Alignment on width, a space at the left - 1,5. Numbering of pages is through, in the bottom of the page, on the centre.

Text drafting:

Using of manual transfer (manual hyphenation) is unacceptable. Figures and tables should have a caption and subject headings and should be presented in the text after the paragraph containing a link to them.

Author's copies:

Each author obtains only one issue of the journal, regardless of the number of authors.

The Editorial Board

Appendix 1

Example of bibliographic footnotes:

Punctuation and prescribed punctuation in citations should follow the same rules as their placement in the bibliographic description.

If the text is not cited by the original source, but by another document, then following words are used: in the beginning of the reference: *Quoted by*, with a reference to the citing sources of borrowed text:

Example:	Quoted by: Ernst Gabriel Frankel. Oil and Security A World Beyond Petroleum. The Netherlands: Springer, 2007, p. 115.
----------	---

«Ibid.» or (Ibidem) are used in the sequential arrangement of primary and repeated references.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 21.
<i>Repeated</i>	Ibid., p. 47.

Op. cit. (opus citato) is used in repeated footnotes containing item to the same document without following the primary reference and is presented using italics.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
<i>Repeated</i>	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Examples of a bibliography:

Bibliographical list is placed after the text article and is supplied after the notion „Bibliography”. All links in the list are numbered sequentially and are arranged in alphabetical order.

Book with one author:

Example	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. xii + 359 p.
---------	--

Book with three and more authors:

Example	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

The paper from the journal:

Article from a journal should contain following description - author (s), article title, journal name, year, and page number of the beginning and of the end of the article.

Example	Sergei Lavrov. Russia and the World in the 21 st Century. In: Russia in global affairs. July-September 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 – 18.
---------	--

Dissertation

Example	Vladislav Boiko. Energy security in the context of globalization. Political Science Dissertation. Moscow, 2012. 250 p.
---------	--

A dissertation synopsis:

Example	Yuri Jukov E.H. Political centrism in Russia. Dissertation synopsis ... candidate in political science. Saint Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Description of the electronic scientific publications:

For electronic sources, you need to specify practically the same information as for journals: author, title, name of the site (or section of the website) and the URL. The item should contain the notion [On-line]; information on the date of the electronic network share (after „Visited on:” indicate the date, month and year): (Visited on: 03.02.2012) is used in referring to the e-resource e-mail address.

Example	Chietigi Bajpae. China’s Quest for Energy Security. In: Power and Interest News Report. February 25, 2005. [On-line]: http://www.pinr.com/ . (Visited on: 07.09.2011).
---------	---

PROVISION
about the reviewing of scientific articles in
„Moldavian Journal of International Law and International Relations”

1. Scientific papers received to the Editorial office of „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, pass through peer review process.

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” comprises a four-level system of peer review articles:

1st level – reviewing by the editor (main editor peer review);

2nd level – an open peer review (the author and the reviewer know each other) – a review is submitted to the editor by the author;

3rd level - one-sided i.e. „blind” peer review (single-blind - the reviewer knows the author, but the author - doesn't know the reviewer);

4th level – double-blind peer review (neither reviewer nor author know about each other).

2. Each scientific article must be accompanied by a review:

– Open: 1st level – a review (conclusion) of the editor; 2nd level – a review of official reviewer, specialist of appropriate scientific profile (doctorate or PhD);

– Closed (blind): 3rd level – a review done by a scientific editor or a member of the editorial board; 4th level - a review done by the decision of the editorial board and only external.

3. All scientific articles, received by the Editorial Board of our journal are subject to mandatory review by bilateral double-blind („double-blind” - the reviewer does not know who the author of the article is, the author does not know who the reviewer is). This review is carried out by external experts from the expert database of experts (reviewers), at the request of the Editorial Board.

4. An editorial board, making the evaluation of reviews, draws attention to the relevance of the scientific problem to be solved by the author. The Review should clearly describe the theoretical or applied significance of the study; correlate the author's conclusions to existing scientific concepts. An essential element of the review should be the assessment a personal contribution to the solution of the issue by the reviewer. Correspondence to the style, logics and the availability of the narration to the scientific nature of the material and obtaining of the conclusions about the reliability and validity of the findings – are key aspects that must be noted in the review.

5. The issue about the received articles is considered after the obtaining of reviews, and then the final decision, based on the evaluation of reviews about the publication or refusal to publish articles, is made. On the basis of the decision the author (s) is sent a letter by e-mail or mail, which provides a general assessment of the article and the decision. In the case of failure in the publication, the reviewers remain anonymous.

6. The Editorial Board has the right to direct the article for additional external anonymous peer review. Editor in Chief directs the reviewer a letter asking for peer review. The letter includes an article and a recommended form of review.

7. The presence of positive reviews is not sufficient grounds for the publication of the article. The final decision on advisability of publication is taken by the editorial board.

8. In cases when the article is composed by a significant proportion of criticisms that have been made by the reviewer, as well as the overall positive recommendation, the Editorial Board can attribute the material to the category of polemical material and print it in the manner of scientific debate.

9. The Review originals are stored in „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению статей для публикации в
«Молдавском журнале международного права и международных отношений»**

Научно-теоретический журнал «Молдавский журнал Международного права и международных отношений» принимает к публикации статьи на молдавском (румынском), русском, английском, испанском, французском, немецком (по выбору автора) языках, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в соответствии с «Требованиями к оформлению статей».

Редакция «Молдавского журнала международного права и международных отношений» принимает к публикации рукописи, соответствующие профилям издания, не более 20 страниц, включая рисунки и таблицы. Рукопись должна содержать только оригинальный материал, выполненный на высоком научном уровне, отражая результаты исследований автора, завершенных не более чем за год до публикации и содержать очевидный элемент создания нового знания. К печати принимаются материалы, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Статьи подвергаются обязательному рецензированию, в соответствии с *Приложением 3*. Для аспирантов (соискателей) обязательна рецензия научного руководителя. Печатаются только статьи, получившие положительные рецензии. Гонорар за публикации не выплачивается.

Настоящие правила распространяются на все материалы, направляемые в редакцию журнала для публикации. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае: а) несоблюдения автором правил оформления рукописи; б) выявления элементов плагиата; с) несоответствия материала тематике журнала.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись. Редакция оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергая их редакционной правке, вносить редакционные (не меняющие общего смысла) изменения в авторский оригинал. Редакция может опубликовать материалы, не разделяя точку зрения автора (в порядке обсуждения). Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат и прочих сведений. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Число авторов статьи не должно быть более двух человек. Автор (ы) присылают в редакцию 2 экземпляра статьи (подписанные автором) в печатном виде и направляют статью в электронном виде по электронной почте по адресу: alexandruburian@yahoo.com

Объем статьи не должен превышать 1,5 п. л. машинописного текста формата А4 (60 тыс. знаков, или 16-20 страниц текста), включая таблицы, список литературы и рисунки (схемы). При оформлении библиографических ссылок на английском языке необходимо указывать официальные англоязычные названия журналов.

Для размещения статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию заявку, информацию об авторе (ах), статью, фотографию автора (ов) в формате JPG, аннотацию (резюме), представленную на трех языках (румынском, русском, английском) объемом – до 100 слов, ключевые слова (5-7 слов). Аннотация не должна содержать ссылок на цитируемую литературу, рисунки, таблицы.

Информация об авторе (ах) содержит: ФИО авторов, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес, электронный адрес и контактный телефон. ФИО автора должно быть указано под названием статьи справа.

Технические требования к оформлению рукописи для публикации:

Название статьи не должно превышать трех строк. Название должно даваться только заглавными буквами (Times New Roman 16) и располагаться по центру. Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце (Библиография). Библиографический список приводится после текста статьи в соответствии с *Приложением 2*. Сноски на упомянутую литературу в тексте обязательны и должны быть оформлены внизу страницы в соответствии с *Приложением 1*. Ссылки на иностранные источники даются на иностранном языке и сопровождаются в случае перевода на румынский и русский язык указанием на перевод. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы (библиография) дается в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов. Сокращения и аббревиатуры должны расшифровываться по месту первого упоминания в тексте статьи. В тексте на румынском, английском, французском, испанском языке используется немецкие кавычки („лапки”), в тексте на русском языке используются французские кавычки («ёлочки»).

Параметры страницы:

Документ должен быть сохранён в формате MS Word. Формат страницы А 4; поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое - 1,5 см, левое - 3 см. Шрифт - Times New Roman; кегль - 12; межстрочный интервал - 1,5. Выравнивание по ширине, отступ слева - 1,5. Нумерация страниц – сквозная, внизу страницы, по центру.

Оформление текста:

Использование ручных переносов (manual hyphenation) неприемлемо. Рисунки и таблицы должны иметь нумерационный и тематический заголовки и должны быть представлены в тексте после абзацев, содержащих ссылку на них.

Авторские экземпляры:

Каждому автору полагается один авторский экземпляр номера журнала вне зависимости от количества авторов статьи.

Редакционный совет

Приложение 1

Пример оформления библиографических сносок:

В библиографических сносках расстановка знаков препинания и предписанной пунктуации должна подчиняться тем же правилам, что и расстановка их в библиографическом описании.

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: Цит. по: (цитируется по), Приводится по: , с указанием источника заимствования:

Пример оформления:	Цит. по: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010, с. 325.
--------------------	---

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок используют слова «Там же» или «Ibid.» (ibidem) для документов на языках, применяющих латинскую графику:

<i>Первичная</i>	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012, с. 27.
<i>Повторная</i>	Там же, с. 47. или Ibid., p. 47.

В повторных сносках, содержащих запись на один и тот же документ, не следующих за первичной ссылкой, приводят заголовков, а основное заглавие и следующие за ним

повторяющиеся элементы заменяют словами «Указ. соч.» (указанное сочинение), «Цит. соч.» (цитируемое сочинение), «Op. cit.» (opus citato):

<i>Первичная</i>	Жинкина Ю.В. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М.: Российский научный фонд, 1995, с. 87.
<i>Повторная</i>	Жинкина Ю.В. Указ. соч., с. 67. или Жинкина Ю.В. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Приложение 2

Примеры оформления списка библиографии:

Библиографический список приводится после текста статьи и следует после слова «Библиография». Все ссылки в списке последовательно нумеруются и располагаются в алфавитном порядке.

Описание книги одного автора:

Пример оформления	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 479 с.
-------------------	--

Описание книги четырех и более авторов:

Пример оформления	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
-------------------	--

Описание статьи из журнала:

Для статьи из журнала нужно указать автора (ов) статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи.

Пример оформления	Конобеев В.Н. Геостратегия США в Евразии. В: Проблемы управления. 2008, №1 (26), с. 87 – 97.
-------------------	--

Описание диссертаций

Пример оформления	Ганюхина Т.Г. Модификация свойств ПВХ в процессе синтеза: дис. ... канд. хим. наук: 02.00.06. Н. Новгород, 1999. 109 с.
-------------------	---

Описание авторефератов диссертаций:

Пример оформления	Жуков Е.Н. Политический центризм в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 24 с.
-------------------	---

Описание электронных научных изданий:

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [On-line];, при ссылке на электронный ресурс после электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу (после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год): (Дата посещения: 02.03.2012)

Пример оформления	Китай встает на «правильную сторону истории» в Персидском заливе. В: Мировая политика и ресурсы. [On-line]: http://www.wpr.ru/?p=2591 . (Дата посещения: 07.01.2012).
-------------------	---

ПОЛОЖЕНИЕ

**о рецензировании научных статей в журнале
«Молдавский журнал международного права и международных отношений»**

1. Научные статьи, поступившие в редакцию журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений», проходят через институт рецензирования.

В журнале «Молдавский журнал международного права и международных отношений» принята четырехуровневая система рецензирования статей:

1^й уровень - рецензирование главным редактором (main editor peer review);

2^й уровень - открытое рецензирование (open peer review - автор и рецензент знают друг о друге) - рецензия, представленная в редакцию автором;

3^й уровень - одностороннее «слепое» рецензирование (single-blind - рецензент знает об авторе, автор – нет);

4^й уровень - двухстороннее «слепое» рецензирование (double-blind - оба не знают друг о друге).

2. Каждая научная статья должна иметь рецензии:

– открытые: 1^й уровень – рецензия (заключение) главного редактора; 2^й уровень официального рецензента – специалиста соответствующего научного профиля (доктора или кандидата наук);

– закрытые (слепые): 3^й уровень – научным редактором или одним из членов редколлегии; 4^й уровень – по решению редколлегии и только внешнее.

3. Все научные статьи, поступившие в редакцию нашего журнала, подлежат обязательному двустороннему слепому рецензированию (double-blind - рецензент не знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент). Это рецензирование производится сторонними специалистами из базы экспертов-специалистов (рецензентов), по поручению редакции.

4. Редколлегия при оценке рецензий обращает внимание на наличие в материале актуальности решаемой автором научной проблемы. Рецензия должна однозначно характеризовать теоретическую или прикладную значимость исследования, соотносить выводы автора с существующими научными концепциями. Необходимым элементом рецензии должна служить оценка рецензентом личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы. Целесообразно отметить в рецензии соответствие стиля, логики и доступности изложения научному характеру материала, а также получить заключение о достоверности и обоснованности выводов.

5. После получения рецензий рассматривается вопрос о поступивших статьях и принимается окончательное решение на основе оценки рецензий об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору (авторам) по e-mail или почте направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи и принятое решение. При отказе в публикации рецензенты остаются анонимными.

6. Редколлегия вправе направлять статьи на дополнительное внешнее анонимное рецензирование. Главный редактор направляет рецензенту письмо с просьбой о рецензировании. К письму прилагаются статья и рекомендуемая форма рецензии.

7. Наличие положительных рецензий не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимает редакционная коллегия.

8. При наличии в статье существенной доли критических замечаний рецензента и при общей положительной рекомендации редколлегия может отнести материал к разряду полемичных и печатать его в порядке научной дискуссии.

9. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений».

RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Declarație

**privind etica publicațiilor științifice și baza juridică a politicii editoriale a revistei
"Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale"**

Colegiul de redacție al publicației periodice științifico-teoretice și informațional-practice "Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale" aderă la principiile de etică a publicațiilor științifice acceptate la nivel internațional, reflectate, printre altele, în recomandările Comisiei pentru etică a publicațiilor științifice (Comisia pentru publicație etică (COPE) (<http://publicationethics.org/about/guide>), Ghid pentru etica publicațiilor științifice (editura etică Resource Kit) Elsevier editor (<https://www.elsevier.com/editors/publishing-ethics>), Codul de etică și deontologie profesională a cercetătorilor și a personalului universitar din Republica Moldova, aprobat de către Consiliul Național de Atestare și Acreditare la 23.05. 2012 (http://edu.asm.md/tc_userfiles/cod-etica.pdf).

Termeni-cheie:

Etica publicațiilor științifice - un sistem de reguli de conduită profesională în relațiile dintre autori, recenzenți, redactori, editori și cititori în crearea, diseminarea și utilizarea publicațiilor științifice.

Redactor - un reprezentant al revistei sau editurii științifice, responsabil pentru pregătirea materialelor pentru publicare, precum și menținerea contactului cu autorii și cititorii publicațiilor științifice.

Autor - o persoană sau un grup de persoane (grup de autori), care participă la crearea și publicarea rezultatelor cercetării științifice.

Recenzent - expert care acționează în numele unei reviste științifice sau editurii și realizează expertiza materialelor științifice prezentate de către autor pentru a determina posibilitatea publicării lor.

Editor - persoană juridică sau fizică care exercită editarea publică a unei publicații științifice.

Cititor - orice persoană care a făcut cunoștință cu materialul publicat.

Plagiat - atribuție intenționată a dreptului de autor a unei alte opere de artă sau știință, idei sau invenții ale altor oameni. Plagiatul poate fi o încălcare a legii drepturilor de autor și legii brevetelor și poate atrage după sine răspunderea juridică ca atare.

1. Principiile de etică profesională în activitatea redactorului și editorului

Membrii consiliului editorial au următoarele responsabilități:

1.1. Să ia în considerare toate materialele manuscrise furnizate de autor, și să ia o decizie obiectivă cu privire la posibilitatea publicării lor, pe baza relevanței și a fiabilității studiului, precum și profilul de specialitate al revistei.

1.2. Să aibă atitudine respectuoasă față de autor, indiferent de rasă, sex, orientare sexuală, religie, origine, naționalitate, statutul social, preferințele politice sau a altor calități subiective;

1.3. Să respecte dreptul autorului de proprietate intelectuală, să împiedice divulgarea rezultatelor cercetării utilizarea acestora în scopuri personale fără consimțământul autorului;

1.4. Să excludă din articol materialele care conțin falsificarea rezultatelor și a plagiatului, precum și copierea multiplă a informațiilor și atribuirea falsă a dreptului de autor;

1.5. Să asigure confidențialitatea și anonimatul rezențării materialelor manuscrise;

1.6. Să angajeze în calitate de recenzenți a articolelor doar specialiștii de înaltă clasificare.

2. Principiile etice în activitățile recenzentului

Recenzentul este responsabil pentru respectarea următoarelor principii:

2.1. Să efectueze expertiza științifică confidențială a materialelor științifice manuscrise prezentate spre publicare de către autor, care are ca scop îmbunătățirea calității acestora și ajutorarea consiliului editorial să ia o decizie cu privire la posibilitatea publicării rezultatelor studiului;

- 2.2. Autorul/coautorul manuscrisului nu poate acționa în calitate de referent al articolului său;
- 2.3. Să refuze să recenzeze articolul în cazul când dispune de o insuficientă competență pentru această abilitate sau incapacitatea de a furniza recenzia manuscrisului într-un timp specificat;
- 2.4. Să asigure o maximă obiectivitate a recenziei pe baza relevanței, meritelor științifice, originalitatea și autenticitatea rezultatelor cercetărilor efectuate de autor. Orice critică a naturii subiective, care decurg din relațiile personale ale recenzentului cu autorul sau orice alte motive, sunt inacceptabile și nu sunt permise;
- 2.5. Să raporteze toate cazurile de posibile conflicte de interese;
- 2.6. Să nu păstreze copii ale manuscrisului și nu-l transmită la alte persoane terțe. În plus, informațiile furnizate în manuscrisele peer-revizuite, nu pot fi folosite în propriile cercetări înainte de publicarea lor fără consimțământul autorului;
- 2.7. Să verifice claritatea prezentării materialului în curs de revizuire pentru ca acesta să conțină link-uri către toate datele utilizate din lucrările publicate anterior;
- 2.8. Să argumenteze concluziile sale cu privire la manuscrisele peer-revizuite, astfel încât autorului și membrilor consiliului editorial să le fie clar obiectivitatea și legitimitatea acestora;
- 2.9. Să informeze membrii consiliului editorial, în cazul în care manuscrisul în curs de revizuire are o asemănare semnificativă cu articole publicate anterior, adică, cazuri de *plagiat*.

3. Principiile pe care trebuie să le ghideze autorul publicațiilor

Autorul - este persoana care a avut o contribuție personală la formarea și interpretarea rezultatelor cercetării. Prin furnizarea manuscrisului în vederea editării și difuzării comunității științifice a conținutului acestuia, autorul trebuie:

- 3.1. Să se bazeze exclusiv pe date precise și reale, precum și interpretarea lor obiectivă, evitând declarații inițial false și frauduloase cu privire la rezultatele obținute;
- 3.2. Să nu prezinte materialele manuscrite pentru examinare spre publicare în mai mult de o revistă, și să nu participe multiple și duplicate publicații, care sunt considerate ca fiind *autoplăgiat*;
- 3.3. Să dezvăluie toate sursele de sprijin financiar sau de altă natură pentru studiu, în rezultatul cărora a fost pregătit manuscrisul, cu menționarea separată a rolului și contribuției fiecărei părți;
- 3.4. Informații de conversații personale sau corespondență pot fi folosite în cercetare numai cu acordul scris al persoanei căreia îi este furnizat;
- 3.5. Textele și informațiile grafice derivate din rezultatele publicate ale studiilor altor persoane, trebuie să fie prevăzute cu referire la activitatea relevantă. În plus, activitatea de același subiect, rezultatele care au influențat cursul studiului, ar trebui să fie anunțate în lista de referințe;
- 3.6. Atunci când a fost depistată o denaturare semnificativă sau constatări eronate în manuscrisul acceptat spre publicare sau articolul deja publicat este obligat să notifice consiliului editorial de a face corecții, negări sau revocarea lucrărilor;
- 3.7. În cazul luării deciziilor de către consiliul editorial privitor la publicarea manuscrisului, autorul este de acord cu transferul drepturilor la publicarea și difuzarea acestuia (în versiunile electronice și pe hârtie), inclusiv plasarea informațiilor bibliografice în bazele de date Science Citation, SCOPUS, Web of Science și versiunea full-text al Bibliotecii Electronice Științifice (elibrary.ru) în acces liber.

Consiliul Redacțional

RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Declaration
on the ethical and legal basis of the editorial policy
of the "Moldavian Journal of International Law and International Relations"

The Editorial Board of the scientific-theoretical and information-practical periodical publication “*Moldavian Journal of International Law and International Relations*” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed in the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE) (<http://publicationethics.org/about/guide>), Elsevier Publishing Ethics Resource Kit (<https://www.elsevier.com/editors/publishing-ethics>) and the Code of ethics and professional deontology of the researchers and academic staff in the Republic of Moldova, approved by the National Certification Board and Acreditare at 23.05. 2012. (http://edu.asm.md/tc_userfiles/cod-etica.pdf).

Key terms

Publication ethics is a system of professional conduct standards in relations between authors, reviewers, editors, publishers and readers when creating, disseminating and using scientific publications.

The **Editor** is a representative of the research journal or the publisher responsible for selecting and preparing materials for publication and encouraging communication between authors and readers of scientific papers.

The **Author** is a person or a group of persons (group of authors) who produce a manuscript that contains the results of their scientific research.

The **Reviewer** is an expert acting on behalf of the research journal or the publisher and providing scientific evaluation of authors’ works in order to consider their publishing.

The **Publisher** is a legal entity or a natural person responsible for publication.

The **Reader** is any person who has familiarized themselves with the published materials.

Plagiarism is a wrongful appropriation of another author’s scientific or artistic work, ideas, discoveries or inventions. Plagiarism may be a violation of copyright law and patent law and, as such, can entail legal liability.

The Code of Conduct for Editors-in-Chief and Publishers

Editors have the following general responsibilities:

1.1. Editor is bound to consider all materials of the manuscript submitted by Author. The final responsibility for accepting or rejecting the manuscript (based on its relevance, integrity, and fitting into the journal profile) without any personal and ideological favoritism or malice rests with Editor;

1.2. Editor should treat Author respectfully, regardless of their race, ethnicity, gender, sexual orientation, religious beliefs, origin, citizenship, social status or political preferences of the author and other subjective qualities;

1.3. Editor is obligated to observe the intellectual property rights of Authors by keeping in confidentiality all data provided in the manuscript without using them for personal purposes or transferring to the third parties;

1.4. Editor should exclude from publishing all plagiarized or falsified materials, as well as take serious steps in case of redundancy and false attribution of authorship;

1.5. Editor ensures confidentiality and anonymity of the review process;

1.6. Editor should invite only highly professional specialists as Reviewers.

The Code of Conduct for Reviewers

Reviewing of the submitted manuscript should be based on the following major principles:

2.1. Reviewer maintains confidentiality concerning the scientific inquiry of the manuscript, which is intended to improve its quality and helps the editorial board to finalize their decision on publishing the results of research;

2.2. Author/Co-author of the manuscript cannot act as Reviewer;

2.3. If Reviewer recognizes that either the manuscript is not related to their scholarly background or the time allocated for review is not enough, it immediately sets the ground for refusal;

2.4. When reviewing the material submitted for publication, Reviewers are obligated to be objective in their evaluation of the manuscript. All suggestions and judgements should be based on the relevance, integrity, and originality of the results of research performed by Author. Any critical statements of a subjective nature arising from personal attitudes to Author or other reasons are not acceptable;

2.5. Reviewers should disclose all conflicts of interest that may arise;

2.6. Reviewer is not allowed to keep any copies of the manuscript or transfer the materials under review to any other side. The manuscript cannot be used for personal research purposes prior to its publication unless special permission is obtained from Author;

2.7. Reviewer ensures that the manuscript is coherently written and contains all references to the cited or used works;

2.8. Reviewer should support their conclusions about the manuscript, thus ensuring that Author and Editor understand the basis of all comments and judgements;

2.9. Reviewer should point out if the manuscript bears considerable similarities to the works published earlier, i.e., report on plagiarism.

The Code of Conduct for Authors

Author is a person who has made a worthy contribution to the process of research or interpretation of its results. Author submitting their manuscript for the purpose of publishing and distribution in the scientific community should strive to comply with the following rules:

3.1. Authors should rely upon exceptionally accurate and actual data, as well as their unbiased interpretation without permitting any false or fraudulent claims about the obtained results;

3.2. Authors are not allowed to submit the same manuscript to any other journal for publication, in whole or in part, when it is being considered by Journal. In addition, they should not participate in multiple and redundant publications, which is regarded as self-plagiarism;

3.3. All research funders, as well as other sources of support, should be clearly identified and listed in the manuscript, including indication of the role of each contributing party;

3.4. Data obtained in the private talk or correspondence can be used only subject to prior written approval from the person, who provided them;

3.5. Graphic or textual data from the works published by other authors should be indicated with reference to the source, from which they were taken. Besides, all works published elsewhere and covering similar issues, which influenced the research, should be given in the list of references;

3.6. If Authors discover significant errors and incorrect conclusions in their manuscripts, either accepted for publishing or already published by Journal they should immediately inform Editor about it in order to take appropriate steps, such as correction, disclamation, or retraction;

3.7. As Editor makes the final decision to publish the manuscript, Authors agree with the transfer of the right to publish and distribute their published work (in print and electronic versions), as well as with that the bibliographic data will be included in the science citation databases SCOPUS, Web of Science and the full text will be freely available in the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

The Editorial Board

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

Декларация

**об этических и правовых основах редакционной политики журнала
«Молдавский журнал международного права и международных отношений»**

Редакционная коллегия научно-теоретического и информационно-практического периодического журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений» придерживается принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics (COPE) (<http://publicationethics.org/about/guide>), Руководстве по этике научных публикаций (Publishing Ethics Resource Kit) издательства Elsevier (<https://www.elsevier.com/editors/publishing-ethics>), Кодексе этики и профессиональной деонтологии исследователей и университетских кадров Республики Молдова от 23.05. 2012 г. (http://edu.asm.md/tc_userfiles/cod-etica.pdf).

Основные термины:

Этика научных публикаций – это система норм профессионального поведения во взаимоотношениях авторов, рецензентов, редакторов, издателей и читателей в процессе создания, распространения и использования научных публикаций.

Редактор – представитель научного журнала или издательства, осуществляющий подготовку материалов для публикации, а также поддерживающий общение с авторами и читателями научных публикаций.

Автор – это лицо или группа лиц (коллектив авторов), участвующих в создании публикации результатов научного исследования.

Рецензент – эксперт, действующий от имени научного журнала или издательства и проводящий научную экспертизу авторских материалов с целью определения возможности их публикации.

Издатель – юридическое или физическое лицо, осуществляющие выпуск в свет научной публикации.

Читатель – любое лицо, ознакомившееся с опубликованными материалами.

Плагиат – умышленное присвоение авторства чужого произведения науки или искусства, чужих идей или изобретений. Плагиат может быть нарушением авторско-правового законодательства и патентного законодательства и в качестве такового может повлечь за собой юридическую ответственность.

1. Принципы профессиональной этики в деятельности редактора и издателя

На членов редакционной коллегии возлагаются следующие обязанности:

1.1. Рассматривать все материалы рукописи, предоставляемые автором, и принимать объективное решение о возможности их публикации, исходя из актуальности и достоверности проведенного исследования, а также соответствия профилю Журнала.

1.2. Уважительно относиться к автору вне зависимости от его расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения, политических предпочтений авторов или иных субъективных качеств;

1.3. Соблюдать право автора на интеллектуальную собственность, не допуская раскрытия данных исследования или использования их в личных целях без согласования с автором;

1.4. Исключать из публикации материалы, содержащие фальсификацию результатов и плагиат, а также многократное копирование информации и ложное приписывание авторства;

1.5. Обеспечивать конфиденциальность и анонимность рецензирования материалов рукописи;

1.6. Привлекать к рецензированию статей исключительно профильных специалистов высокого класса.

2. Этические принципы в деятельности рецензента

Рецензент несет ответственность за соблюдение следующих основных принципов:

2.1. Осуществлять конфиденциальную научную экспертизу авторских материалов рукописи, которая призвана улучшить ее качество и помочь редакционной коллегии принять решение о возможности публикации результатов проведенного исследования;

2.2. Автор/соавтор рукописи не может выступать в роли ее рецензента;

2.3. Отказываться от рецензирования в случае недостаточной для этого квалификации или невозможности предоставить рецензию рукописи в указанные сроки;

2.4. Гарантировать максимальную объективность рецензии на основе актуальности, научной значимости, достоверности и новизны результатов исследования, проведенного автором. Любые критические замечания субъективного характера, проистекающие из личного отношения к автору или каких-либо иных причин, неприемлемы и не допускаются;

2.5. Сообщать о всех случаях возможного конфликта интересов;

2.6. Не хранить у себя копии рукописи и не передавать ее материалы иным лицам. Кроме того, сведения, приводимые в рецензируемой рукописи, не могут быть использованы в собственных исследованиях до опубликования без согласия автора;

2.7. Проверять ясность изложения рецензируемого материала и наличие в нем ссылок на все используемые сведения из ранее опубликованных работ;

2.8. Аргументировать свои выводы о рецензируемой рукописи так, чтобы автору и членам редакционной коллегии была понятна их объективность и правомерность;

2.9. Информировать членов редакционной коллегии, если рецензируемая рукопись имеет значительное сходство с ранее опубликованными статьями, то есть о случаях плагиата.

3. Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор – лицо, которое внесло свой индивидуальный вклад в формирование и интерпретацию результатов исследования. Автор, предоставляющий рукопись с целью опубликования и распространения в научном сообществе содержащихся в ней сведений, должен:

3.1. Опирается исключительно на точные и реальные данные, а также их объективную интерпретацию, не допуская изначально ложных и мошеннических заявлений о достигнутых результатах;

3.2. Не подавать материалы рукописи на рассмотрение к публикации в более чем один журнал, а также не принимать участие в многократных и дублирующих публикациях, что расценивается как самоплагиат;

3.3. Раскрывать все источники финансовой или иной поддержки исследования, по результатам которого подготовлена рукопись, с отдельным указанием роли и вклада каждой стороны;

3.4. Информация из личной беседы или переписки может быть использована в исследовании только с письменного согласия лица, которое ее предоставило;

3.5. Текстовая и графическая информация, заимствованная из опубликованных результатов исследований иных лиц, должна быть приведена с указанием ссылки на соответствующую работу. Кроме того, работы в рамках схожей тематики, результаты которых повлияли на ход исследования, должны быть оглашены в списке литературы;

3.6. При обнаружении существенных неточностей или ошибочных выводов в принятой к публикации или уже опубликованной рукописи требуется уведомить об этом редакционную коллегию Журнала для внесения корректировки, опровержения или отзыва работы;

3.7. При принятии редакционной коллегией решения о публикации рукописи автор соглашается с передачей права на ее издание и распространение (в электронной и бумажной версиях), в том числе на размещение библиографической информации в базах научного цитирования SCOPUS, Web of Science и полнотекстовой версии в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru) в свободном доступе.

Редакционный совет

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Nr. 2 (Volumul 11), 2016

ISSN 1857-1999

www.rmdiri.md/

Bun de tipar 28.06.2016.

Format A4

Coli de tipar 14,22. Coli editoriale 14,25.

Tipar *Digital*. Hârtie ofset. Garnitura *Times New Roman*

Comanda 02/7B/2016 Tirajul 300 ex.

©„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2016.

**Centrul Editorial Poligrafic al USM
(CEP USM)**

Str. Alexei Mateevici, 60
MD-2009, mun. Chișinău, Republica Moldova
Tel: (373) 22 57 76 41
E-mail: usmcep@mail.ru

©„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2016.